
Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2014

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий РАСТОРГУЕВ. О планетарной войне и толерантной нации	3
Михаил ПОПЕНКО. Сеятели зла	10
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	68
Денис СУХИНИН. Окончательное уничтожение крестьянства в России	154
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	175
Виктор САУЛКИН. По законам России или по «законам гор»?	218

ПРОЗА

Николай СМИРНОВ. Слушай сюда! Смешные рассказы	16
Антон ЛУКИН. Рассказы	124
Валерий ШАМШУРИН. Ниже травы. Рассказ	140
Александр БРЕЖНЕВ. Псих Филипп и другие. Рассказ	196
Михаил ТАРКОВСКИЙ Два рассказа	205

ПОЭЗИЯ

Светлана СУПРУНОВА. Вечно холодно душе. Стихи 114
Сергей АГАЛЬЦОВ. И светел мир. Стихи 120
Александр НЕСТРУГИН. Метельные годы. Стихи 163
Игорь КУНИЦЫН. Деревья тянутся к цветам. Стихи 167
Олег ГРИГОРЬЕВ. Огни небесные. Стихи 172
Юрий МАНАКОВ. Затопленная память. Стихи 258

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ХАТЮШИН. Жизнь заставит... 229
Павел СВЯТЕНКОВ. Куда ведет Россию Путин? 237
Сергей КОМКОВ. Россию приговорили к нелегальной миграции 241
Виктор АКСЮЧИЦ. Российская нация — это русский народ 245

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Татьяна ПЕТРОВА, Андрей ГОСТЕВ. Чёрная брань 253

СИМВОЛ ВЕРЫ

Изяслав АДЛИВАНКИН. Свои среди чужих 261

ДОСЬЕ «МГ»

Андрей АНТОНОВ. Дело Квачкова 276
--

ИСКУССТВО

Владимир СМЫК. Песня и мы 283
--

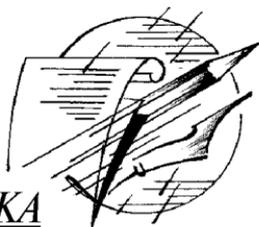
Валерий РАСТОРГУЕВ,
доктор философских наук,
профессор МГУ им. Ломоносова

О ПЛАНЕТАРНОЙ ВОЙНЕ И ТОЛЕРАНТНОЙ НАЦИИ

Где пройдет фронт войны миров?

На фоне черной тучи, нависшей над миром, на фоне сирийской трагедии, отодвигаются на второй и третий планы все другие темы, кроме тающей на глазах границы между миром и грядущей войной народов, которая либо заденет нас, либо накроет с головой, **но мимо не пройдет**. По сути, мы стоим на грани великой межцивилизационной бойни, для которой правила не писаны. А где пройдет линия фронта — совершенно не ясно. Никому — ни генералам, разрабатывающим планы операций и просчитывающим сценарии истребления противника, ни политикам, которые завели в тупик свои народы, но спишут внутренние проблемы на большую войну, ни обывателям, которых потчуют заведомо недостоверной информацией.

Скорее всего, мир не сегодня завтра расколется на две воюющие стороны — на страны, которые уже смирились со статусом холуев (можно найти более корректное определение для государств с поврежденным суверенитетом и внешним управлением), и страны, которым еще удастся сохранить хоть какую-то возможность самостоятельного выбора

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

внутренней и внешней политики. В этом смысле Сирия — опытный полигон испытаний на прочность не столько самих сирийцев, жизни которых для геостратегов стоят недорого, а полигон для всех государств. По сути, это тест на верность сюзерену: кто с нами (круг вассалов) и кто против нас (круг «изгоев»). Такое разделение — одно из главных условий существования однополярного мира, в котором все должны выбрать свой путь. На перепутье долго не простоишь, хотя именно развилка дорог — излюбленное место для предстателей самой древней профессии...

А выбор у всех народов и государств небольшой — простая развилка.

Одна дорога — накатанный и скоростной путь моноцивилизационного развития, который ведет к обществу без этнокультурной самобытности, если не считать фольклорных субкультур и торговлю сувенирами. Для того чтобы подавить культурную память поколений, убить инстинкт самосохранения, который есть у каждой локальной цивилизации, используется **инструмент**, названный насаждением толерантности, когда под защиту закона попадают меньшинства всех типов — этнические, конфессиональные, сексуальные. А объектом принудительного перевоспитания становится большинство, которое цепляется за традиции, за семейное устройство, за веру отцов, за любовь к бывшему отечеству. Для того, чтобы большинству было легче порвать с прошлым, его погружают в мир реализованной антиутопии — в «ужастик наяву», в новый Содом. Обезумевшим матерям и отцам, которым запрещено называться так, поскольку **сами эти слова оскорбляют чувства извращенных меньшинств**, уже не до суверенитетов и не до соблюдения традиций, быть бы живу, да на свободе, да со своими детками...

Другая дорога — мир непохожих локальных цивилизаций, существующих столетиями и тысячелетиями, но далеко не монолитных изнутри. Внутренние противоречия, как трещины, ослабляют древние конструкции, а семена моноцивилизации, попадая в узкие трещины и щели, раскалывают цивилизационные монолиты, которые могли бы стоять до конца времен. И первое, что легче всего откалывается от единого монолита — политическая и финансовая элита. Это «отслоение» происходит тем быстрее, чем выше доля компрадорского капитала и чем значимее его влияние на политическую верхушку. Правящий класс незаметно отходит от носителей цивилизации — от собственных народов, о чем очень хорошо писал Александр Панарин, называя этот процесс «бегством элит» или проще — предательством. Но грань между предательством и верностью

становится незаметной и даже неразличимой, поскольку противостояние элит и народов **маскируется** под «борьбу прогресса с дикостью». При этом методы борьбы ведут к полнейшему человеческому одичанию и «варваризации просвещенных». Подтверждение сказанному — все последние войны «коалиции прогресса» с «народами-варварами».

Но худший сценарий — это не «война холуев и нехолуев», которая остается «войной господ», не способной погрузить в состояние ненависти к врагу все общество — от стара до млад, а прямое столкновение между цивилизациями, т.е. мировыми конфессиями. В этом случае ненависть между народами становится тотальной и потому фатальной, неизлечимой. Признаки приближения именно такой войны тоже налицо: по чьему-то наущению христиан убивают повсеместно и ежедневно, вырезают семьями и приходами, вытесняют отовсюду, выжидая, смогут ли они объединиться, вернув себе с верой отцов былую силу и мощь. А они, наследники великих христианских культур, не могут вернуть себе ни веру, ни мощь, ибо находятся под гнетущим игом евро-мультикультурализма. Их давно заперли в «открытом обществе», открытом для любого зла и порока, но, судя по всему, все более закрытом для духовного просвещения.

Когда-то в Таиланде мне показали цветок, который называется «смерть европейцу». Он расцветает в самый жаркий и непереносимый сезон. Становление постхристианской псевдоцивилизации в рамках ЕС и всего Запада, псевдоцивилизации, глумящейся над верой христиан, — это и есть цветок смерти. А приставка «пост» в реальности означает не «после», а «вместо».

Но вопрос о том, где пройдет фронт войны, не исчерпывает сути происходящего: фронтов может быть много — всего не просчитать. И расколот они мир вовсе не по тем границам, которые наметили горе-стратеги (стратеги, сеющие горе). А завершением войны будет не мир, а минные поля, делающие планету зоной неустойчивости на столетие вперед, если планета, конечно, переживет войну миров. Но может рвануть, сдетонировать и через год, и завтра, и сегодня. Не исключено, а скорее всего так и есть: межцивилизационную бойню потому и проплатили (подлинная цена — не виртуальные миллиарды долларов, которых не жалко тем, кто их печатает, а реальные жизни), что массовыми убийствами «назначенных врагов» отодвигают внутренние социальные пожары. В их числе и классовые, и этнорасовые. А это уже новая типология войн — внутренних, гражданских по локализации и одновременно глобальных — по интересам и последствиям.

Мы станем толерантнее на 85 процентов

Думаю, именно в контексте наступающей войны цивилизаций следует осмыслить одно из наиболее заметных событий последнего времени, которое, скорее всего, потонет среди сводок с арены боевых действий... Имеется в виду подписанная премьером федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)».

С одной стороны, дело хорошее: более важной цели, чем межэтнический мир внутри страны, для России нет, особенно с учетом надвигающейся мировой катастрофы. И никогда не было, если говорить о скрепах самой большой державы мира, собравшей в одну семью великое множество народов и народностей. (Слово «скрепы» я использовал так много лет, что жалко отказываться от него только из-за того, что оно с этого года вошло в язык отечественной публичной политики.) Сразу отмечу, что в программе очень много интересных суждений и здравых оценок. Здесь любое продвижение надо поддерживать: с нуля начинают...

Но хвалить программу все же не хочется. И скажу, почему. Причина — не только теоретическая эклектика, характерная для коллективных трудов такого рода, где специалисты-эксперты привлекаются для легитимности документа, а «доводят» текст случайные люди из чиновной братии, преследующие свои интересы, в том числе лоббистские. Думаю, некоторым из высоколобых экспертов, которые привлекались к работе, теперь стыдно читать готовый и принятый текст. Но так всегда бывает и везде, не только в РФ. Им не стоит рвать на себе последние волосы...

Главное, что мешает одобрить эту программу, заключено в другом. Есть у нее одна особенность — ее полезно почитать, но не тем, кто хочет заглянуть в грозное завтра (они мало что увидят из программы), а тем, кого интересует представление самой власти о том будущем, которое она, наконец, учится планировать. Увы, пока только учится и всего лишь на шесть лет. А при таком временном горизонте национальную политику не реанимировать. По мнению правительства, одобрившего программу и взявшего на свои плечи львиную часть забот о ее реализации, будущее народов РФ в этом горизонте весьма радужно, поскольку к 2020-му году «уровень толерантного отношения к представителям другой национальности составит 85 процентов». Смушает одно: я не понял, хорошо это или плохо — 85. Почему не 87 или 94? Подозреваю, что не я один пребываю в недоумении: судя по всему, сказан-

---

ного не понимают и авторы программы (иначе бы пояснили). Но сердце подсказывает и почему-то голосом Высоцкого: «Жираф большой, ему видней». Мы привыкли уважать власть, но доверять — увольте...

Особенно трудно доверие дается тем, кто не верит в эффективность государственного планирования в условиях, когда идет масштабное сворачивание функций государства, названное почему-то тем же премьером (в его бытность президентом) модернизацией. Само это словечко в последний год стыдливо и напрочь забыли, а сворачивание осталось и продолжилось. Мешает еще одно: как верить нашим замечательным политикам и чиновникам, которые уже так много разрушили и еще так мало построили? Обещают они много хорошего. К примеру, заложить, как Петр Первый в свое время, новую Академию наук или соорудить, как это было в СССР, новую и лучшую в мире систему образования — уже, правда, не народного (слово незаметно выпало и потерялось), но якобы доступного, как и раньше. А на деле? Все то же: демонтаж, распил, рейдерство (это о крушении Академии наук) или имитация обучения и бурная интернет-торговля ЕГЭнутыми знаниями и дипломами, если говорить о школе.

И уж совсем трудно читать программу тем, кто хоть что-то слышал о сценарном политическом планировании, кто догадывается, что в таком планировании главное — не нарисованные проценты, а эффективно работающие институты, которых наша национальная политика уже много лет лишена, хотя только они могут быть реальной основой сплочения гражданской нации. Именно институты национальной политики Российского государства разрушены до самого основания. Это и упраздненная Палата Национальностей — высокое собрание лучших представителей всех народов страны, облеченных высшей властью — парламентской. Сегодня межнациональные вопросы обсуждаются либо кулуарно, в кругу чиновников и олигархов или чиновников-олигархов, либо попросту — на улицах и с поножовщиной... В том же ряду и ликвидированное на корню Министерство национальностей, которое делало национальную политику если и не лучше (без парламентского представительства ее реанимация немислима), то хотя бы немного прозрачнее. В новой программе есть все, что нужно, кроме главного плана — возвращения демонтированной и потерянной национальной политики.

Теперь несколько слов о том, какие цели и конечные результаты выделены в качестве основных. В самом начале текста программы (сразу за перечислением планируемых на ее

реализацию миллиардов, которые, впрочем, были урезаны на порядок в последний момент) идут эти самые конечные результаты, коих всего два. Первый — повысить «долю граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений» до 65 (?) процентов. А второй результат уже упоминался — поднять «уровень толерантного отношения к представителям другой национальности» на пресловутые и дутые 85 процентов... Есть, конечно, и менее значительные запланированные результаты, но не менее странные, например, утверждение о том, что «численность участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия, составит 305 тыс. человек». По всем прогнозам их должно быть 519 тысяч и 574 человека... Но и это будет похоже на правду, если не считать мероприятиями «площадные» акции, не оплаченные из нашего федерального бюджета... Комментировать все эти прожекты не берусь (абсурд выше логики). Но замечу, что доля граждан, положительно оценивающих состояние нашей нацполитики и, соответственно, межнациональных отношений повысится сама собой и без всяких затрат после завершения образовательной реформы, цель которой — приучить угадывать при тестировании единственно правильный ответ там, где его быть не может и не должно. А поднять уровень толерантности и того проще: граждане давно принялись к коррупции на высших этажах власти и на нижних тоже — в рядах несистемной оппозиции. Чем не терпимость? Привыкнут и к межэтническим разборкам в русской глубинке, и к новоизобретенному правилу: больше получит не тот человек или народ, кто не создает проблем для соседей и не терроризирует большинство, а тот, кто создает самые большие проблемы и терроризирует. Сталину приписывалось выражение «нет человека — нет проблем». Плохой принцип, не спорю. Однако не намного лучше совершенно другой принцип, на котором строится нынешняя национальная политика государства — «нет проблем — нет человека»... Еще раз просмотрел программу — об этом ни слова, ни намек, как и об отсутствующих базовых институтах.

И последнее: толерантность — дело, может быть, и хорошее, но темное. Именно она, как уже говорилось выше, стала прикрытием самоистребления человеческой цивилизации. Именно этим словом называют культ насилия над большинством, поклонение всем мыслимым и немыслимым порокам, отказ от традиций, в том числе от той великой традиции взаимного уважения между народами России, которая веками держалась на нетерпимости ко злу и вероотступничеству. Мы

как-то незаметно стали терпимыми ко всему. Уже никто не ропщет на отсутствие нормальной, нефальсифицированной еды, даже детского питания, и контроля за ее производством. Толерантны! Никто не возмущается дефицитом честности — тех же честных выборов: непостижимые игры с осуждением мнимого или реального воруги и его выдвиганием на один из высших постов в государстве — это честно? Все привыкли к приватизации не только СМИ, но и самой информации о жизни в стране и за ее рубежами. А главное — никто уже не верит в пробуждение обычного стыда, который должен сдерживать лютоющих хозяев мира. Сдерживать от разжигания социальной вражды, порождающей вражду этническую, а, следовательно, и межцивилизационные конфликты, способные в любой момент перерасти в глобальную войну...

Неужели притерпелись и к страху?..

Но самое невероятное в этом сюжете заключено в том, что авторы программы, говоря о формировании «уникальной нации россиян», даже не вспомнили об украинцах и белорусах, а также о других народах империи, расколотой на потеху русофобам в Беловежской пуше... Как ни горько об этом говорить, но власть, судя по всему, предлагает нам склеить из того, что осталось, совершенно новую нацию граждан — по образцу прочих наций-новоделов, **без культурной памяти и долга перед предками, но зато в строгом соответствии с границами, которыми нас обрезали два десятилетия назад.** Возможно, ответ на вопрос о причинах такого эксперимента лежит на поверхности: кому-то из тех, кто строит новую Россию, очень понравился опыт британцев в Африке. Напомню, что когда-то англичане провели границы-клеточки на карте Африки, превратив обычную географическую карту в политическую и склеив по своему усмотрению нации из африканских племен. Разделяй и властвуй в свое удовольствие...

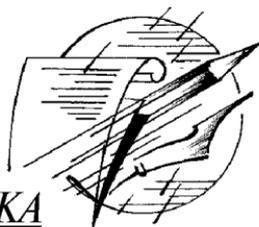
СЕЯТЕЛИ ЗЛА

Князя Содома шагают в Россию

Гомосексуализм до недавнего времени интересовал в основном психиатров, но теперь стал общественно-политическим явлением. Стоило, например, чемпионке мира Елене Исинбаевой нелестно отозваться «о них», как на неё обрушился весь шквал мировой прессы. Чемпионка даже испугалась: мол, меня неправильно поняли...

Высокопоставленные чиновники из администрации президента США, сам Обама и либеральные СМИ в последнее время дружно критикуют российские антигейские законы. При этом ими же игнорируются преследования христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые сегодня вполне можно назвать массовым террором. Сегодня сексуальная ориентация индивида перестает быть вопросом частного выбора, она становится инструментом внешней и внутренней политической борьбы.

Госдума приняла крайне необходимый закон, ужесточающий ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Задолго до его принятия ЛГБТ-активисты проводили множество протестных пиар-кампаний.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Так, в Петербурге ими была организована конференция, приуроченная к Международному дню защиты детей. Цель мероприятия: «...обратить внимание власти на то, что ее инициатива может обернуться трагедией для тех детей и подростков, которые уже осознали свою гомосексуальность».

Сторонники геелесбизма заявили, что «в России живут как минимум четверть миллиона подростков-геев, и закон о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних окончательно вытеснит их из информационного и правового поля».

Воистину цинизм и лицемерие представителей розово-голубых сообществ не знает границ! Им ли беспокоиться о законопослушании! Они и в подполье, если верить их же словам, сумели искалечить жизнь сотням тысяч детей, заменив им светлые радости счастливого детства омерзительной паутиной грязного порока. А что же будет тогда, когда они получат на это официальное разрешение? Но растление подростков для них — дело попутное.

Главное — легализоваться, то есть юридически стать равноправными участниками социально-политической жизни и затем с утроенной силой продолжать беспрепятственно сеять в этом самом информационно-правовом поле ядовитые семена своей противоестественной страсти, навязывая ее уже всему обществу. А там можно будет подумать и о выращивании собственного электората, который на избирательных участках будет думать не головой, а совсем другим местом...

Гомосексуализм: болезнь или норма?

XVIII век в истории Европы считается веком Просвещения. Но современники называли его «вольтерьянской эпохой штурма неба», потому что в это время в тогдашней прессе и литературе начались непрерывные атаки на морально-нравственные догматы, изложенные в книгах Библии. В авангарде нападающих шел знаменитый Вольтер, вдохновенно призывавший своих сограждан «раздавить гадину», коей, по его мнению, была христианская Церковь. Он и его соратники считали, что человек может прекрасно жить без духовных наставлений Священного Писания. Их вполне может заменить политический документ, созданный образованными и свободно мыслящими людьми, для которых евангельские заповеди не более чем дремучий пережиток, стараниями духовенства укоренившийся в умах темного и невежественного народа. Таковым документом и стала Декларация прав и свобод человека и гражданина 26 августа 1789 года, объявившая смыслом государственной деятельности достижение «всеобщего счастья». Однако о том, как этого добиться, там ничего не говорилось.

Не один десяток лет французские интеллектуалы уверенно держали в руках знамя, на котором был начертан лозунг: «Свергнем негодяя». В конце XVIII века он обрел конкретное содержание: Иисус Христос был официально объявлен обманщиком всего прогрессивного человечества. Революционная Франция получила долгожданную свободу от духовного диктата Библии.

В 1793 году специальными декретами Национального собрания христианство было поставлено вне закона. Франция стала единственным в мировой истории государством, в юридическом порядке полностью отменившим существование Бога.

По этому случаю был объявлен общенациональный праздник. Освободившиеся из религиозного плена французы пели, пили и танцевали. Но вскоре легкая пьянящая радость от полученной свободы сменилась тяжелым похмельем. На гребне государственного богохульства к вершинам власти были вознесены те, чьим кумиром был уже упомянутый маркиз де Сад. Они немедленно взялись за разрушение тысячелетних основ христианской нравственности в соответствии со своими представлениями о ней. Сначала на площадях французских городов запыхали костры, на которых были сожжены Библии, собранные по всей территории страны. Следующим шагом стало новое положение о брачном союзе, которое парижские остроловы сразу назвали «разрешением на заднюю любовь».

«Если бы демоны, — писал историк и публицист Огюст Лерой, — задались целью изобрести самый действенный способ, дабы навсегда уничтожить всё священное, благородное и вечное, что есть в человеческих душах, то они бы не смогли придумать ничего более изощренного, чем законы, ставящие под сомнение существование естественной семьи». Но это было лишь начало.

Вскоре было отменено воскресенье. Вместо него вводился так называемый День общественной радости. Так именовался каждый десятый день, посвященный богохульству и пиршествам, в ходе которых открыто совершались всевозможные виды совокуплений. Крещение, причастие и вообще любое богослужение были запрещены. Населению разрешалось лишь участие в проходивших повсеместно парадах, славивших обретенную свободу разума, сбросившего с себя стеснявшие его оковы евангельских заветов. Последствия такой политики были чудовищны, и спустя три с половиной года от нее отказались, так как повсюду воцарились «бесовская похоть и невиданное прежде насилие». Тюрьмы были переполнены. Одно время в них томилось более 200 тысяч человек. Эшафоты утопали в крови священников и тех, кто отказывался подчиняться «богомерзким» законам.

Историк Лакретель писал, что «в это страшное время, о преступлениях которого невозможно писать без содрогания,

---

те, кто больше всех ратовали за принятие Декларации прав человека, оказались самыми настоящими варварами и палачами. Множество наказаний за те или иные проступки, некогда существовавшие во Французском королевстве, были заменены одной смертной казнью.

Никто не мог даже помолиться, не рискуя при этом лишиться головы. Из-за усилий якобинских судей безостановочно работала гильотина, а по водосточным трубам в Сену текла пенящаяся человеческая кровь... В днищах барж, нагруженных заключенными, специально проделывали отверстия, и на середине реки они тонули. На всём протяжении реки Луары, от Сомура до моря, большие стаи воронов и коршунов питались обнаженными трупами, сплетенными в страшных предсмертных объятьях. Пощады не было ни женщинам, ни детям...»

Однополые браки: диверсия

В Библии, в книге Левит (20; 13) за проявленное «неподобающее поведение» содержится призыв к жестокой каре: «Если кто ляжет с мужчиной как с женщиной, то оба сделали мерзость; да будут они преданы смерти».

Столь же суров к гомосексуалистам и Коран, определяющий его как деяние, влекущее за собой смертную казнь. Она по сей день существует в Саудовской Аравии, Иране, Мавритании, Судане, Сомали и Йемене. В Афганистане во времена талибов гомосексуалисты безжалостно истреблялись. В Иране за время, прошедшее после Исламской революции, по обвинению в гомосексуальных связях было казнено более 4000 человек.

В расхристанной Европе гомосексуалисты процветают и готовы к тому, чтобы вовсе вытеснить из человеческой жизни само понятие естественного брака между мужчиной и женщиной.

Во французском городе Монпелье состоялась первая торжественная регистрация однополрой пары. На церемонии присутствовала мэр города, около 500 почетных гостей и десятки журналистов, назвавших это событие «всемирно-историческим». И, судя по географии распространения подобных мероприятий, это утверждение недалеко от истины.

В конце июня прошлого года 25 гей-пар прибыли в Вашингтон, где в Верховном суде их ждали на торжественную церемонию бракосочетания. Специально для этого один из брачующихся, активист ЛГБТ-движения художник Пол Ричмонд, нарисовал картину «Ноев ковчег», где все его обитатели изображены гомосексуалистами, а современные известные их противники оказались выброшенными за борт. Среди идущих ко дну легко узнать политического комментатора

Энна Колтера, бывшего сенатора Ларри Крэйга, конгрессмена штата Оклахома Салли Керна и пастора баптистской церкви Фреда Фелпса. «Картина символизирует нашу надежду и оптимизм, — поделился с журналистами своими мыслями Ричмонд. — Мы добились равенства в браке в 12 штатах. Это успех. Но 12 штатов еще не вся Америка. Следует немало потрудиться, чтобы она вся была на нашей стороне».

А почему бы и нет? Положительный опыт уже есть. В Германии в 2001 году были узаконены однополые браки в форме гражданских союзов. 6 июня 2013 года Федеральный Конституционный суд уравнивал в правах гетеро- и гомосексуальные пары, а 10 августа Евангелическая церковь Германии города Зелигенштадта впервые совершила обряд венчания, где женихом и невестой были мужчины.

Такое странное отношение к христианству становится обычным в Европе. Правительство Швейцарии приняло решение убрать упоминания о Боге из государственного гимна. Власти открыли конкурс на новый текст «религиозно нейтрального» содержания.

Подобные примеры можно продолжать и продолжать. Таковы последствия ничем не сдерживаемой пропаганды гомосексуализма, которая не устает твердить, что он есть свободный выбор свободной личности, избравшей для себя «альтернативный», но абсолютно нормальный образ жизни. Но следует помнить о том, что склонных к суициду среди гомосексуалистов в 7 раз больше, чем среди нормальных людей.

Жертвоприношение детей

Известный психиатр и нейрофизиолог Уильям Байн, почетный член Американской психиатрической ассоциации Чарльз Сокаридес, чьи работы по проблемам гомосексуализма составляют классику психологии, убедительно показали, что у гомосексуальности нет природных причин. Зависит она от взаимодействия со средой, то есть от социально-исторического фактора. Он, к примеру, выражается в перекосах в половом воспитании, негативном сексуальном опыте, совращении в детстве и др. Но самым опасным является массовая пропаганда гомосексуализма как «нормального явления». Под ее влиянием число людей «нетрадиционной ориентации» растет очень быстро, и если ей не поставить общественный заслон, оно будет только увеличиваться. В России гомосексуализм получил распространение в конце XIX века среди либерально настроенной творческой интеллигенции. К идеям свободной любви прислушались и некоторые «профессиональные революционеры». По

явилась «теория стакана воды», и была сделана попытка законодательного обобществления женщин. Через несколько лет после Октябрьского переворота «половая лихорадка» была жестко остановлена Сталиным. Лишь спустя десятилетия, во времена горбачевской перестройки, была отменена 121-я «мужеложеская» статья. С этого же времени гомосексуалисты становятся общественно-политической проблемой и в России. Что же касается Запада, то там безрассудная идея полного и всеобщего равенства полов доведена до состояния клинического идиотизма. Больше всего от этого страдают невинные дети, которых власти, стоящие на страже прав человека, отдают на заклание психопатам — педофилам, коих они называют «добропорядочными людьми и честными гражданами». Родители же при этом обвиняются в «недемократической реакции на насилие, совершаемое над их сыновьями и дочерьми».

Приведу лишь одну цитату из книги Сергея Вальцева «Закат человечества»: *«Гомосексуалисты активно заражают своей болезнью других членов общества, в особенности детей. Например, в Лос-Анджелесе существует Общество Рене Гуньона, действующее под девизом «Секс начинается с 8 лет, иначе будет слишком поздно». Цель этой организации — узаконить сексуальные отношения между взрослыми и детьми. «Североамериканская ассоциация любви мужчин и мальчиков» выступает в поддержку прав взрослых на половые контакты с подростками. Она называет это «межпоколенческим сексом»: «Дети имеют право сами выбирать своих партнеров; ценность секса определяется качеством взаимоотношений, а не возрастом; большинство педофилов — безвредные, добрые люди; ущерб от педофилии происходит не от самого секса, а от негативной реакции родителей». Дальше — больше. В Голландии гомосексуальное лобби уже пробило закон, разрешающий секс между взрослым и 12-летним ребенком с согласия последнего. А много ли надо взрослому, чтобы чем-то соблазнить малолетнего?»* Поэтому не следует думать, что извращенцы будут жить изолированной жизнью. Нет, сужая наше жизненное пространство, они будут только наступать.

Гомосексуальная пропаганда — это вопрос политики в современном мире. И поэтому борьба с ней — не «гомофобия», не злобная нетерпимость и неуважение к правам человека, а совершенно необходимая защита от тайного и явного наступления отечественных и зарубежных агрессивных извращенцев, пытающихся лишить нас семьи и детей — самого дорогого, что может быть у человека в этой жизни.

Pravoslavie.ru

СЛУШАЙ СЮДА!

СМЕШНЫЕ РАССКАЗЫ

(Отрывки из романа)

ВАРАКША

Если вы захотите из любопытства заглянуть на мою родину, убедительно прошу вас этого не делать. Дорог к нам никаких нет. Люди, как и тысячи лет назад, ездят и ходят просто по земле, по лесам и болотам. В райцентре Шабалино любой шофер охотно согласится подкинуть вас и до Котельнича, и до самой Вятки, и даже до Костромы, но если вы заикнетесь о Варакше, он только смачно сплюнет да пятиэтажно выругается. Правда, иногда в случае крайней нужды в район посылают леснического шофера Ваську Достовалова на допотопном, давно списанном «газоне». Но бывает это крайне редко. Да и Васька для храбрости вусмерть напивается и пока держится за баранку — едет. Но если машина заглохла и надо вылезать с кривой заводной ручкой, то тут же и падает, как убитый.

— Васька, черт! — кричу ему однажды. — Как же ты едешь эдакой пьянехонький?

А он хохочет:

— Да ты глянь, Колька, глянь! Разве можно по эдаким бучилам терезовому ездить! А зальешь шарыто и катишь, как по американскому автобану.

ПРОЗА

Варакша наша расположена большим треугольником на стыке трех областей, что, безусловно, было удобно разбойникам, от которых и пошел наш буйный народ. Некоторые историки, конечно, в этом сомневаются, но лично я охотно верю. У нас даже в бабах до сих пор бушует эта разбойничья кровь. В других местах они всегда стараются разнять драку, а у нас наоборот: сами становятся плечом к плечу с мужиками и бьются до потери сознания хоть с ветлугаями, хоть с ветченятами, хоть с костромичами. Лично я в себе этого не замечал, но, правда, что-то эдакое укушуйное вдруг и во мне зашевелится и хочется ворваться в Останкино или Кремль на лихом коне с кнутом или нагайкой, когда смотришь на некоторых современных деятелей культуры или политиков.

Одни отсутствие всяких способностей и таланта заменяют ляжками и титьками. При этом вольную случку, которая категорически запрещена даже в животноводстве, называют любовью.

Другие, становятся в очередь к какому-нибудь психоаналитику, и тот, в зависимости от гонорара, ставит им диагноз: «гениален», «безумно талантлив» или «талантлив, но так себе»... И все это то ли в шутку, то ли всерьез публикуют газеты.

Третьи, как сообщает газета «Труд» от 31 августа 2006 года, к талантливости и гениальности прикупают еще и дворянские титулы от русского «ваше высокопревосходительства», до «вашей светлости» и иностранного «милорда». Правда, за «милорда» приходится крепко раскошелиться. Если титул русского «барона» и стоит всего лишь 5 тысяч евро, «граф» — 8, «князя» — 12, то за «милорда» дерут от 40 до 60 тысяч. Возможно поэтому Алла Пугачева всего лишь «княгиня», Галкин — «барон», а Федосеева-Шукшина — «графиня». Каково-то теперь на том свете колхознику Васе Шукшину? Уж раскошелилась бы Федосеева да и прикупила ему хотя бы дешевенького «барона». А то ведь и у самой Федосеевой-Шукшиной «графиня-колхозница» как-то не звучит.

То ли дело у Аллы Борисовны:

— Певица всяя Руси, княгиня Пугачева с лакеями и охраной из Общественной палаты к его высокопревосходительству Швыдкому по казенной надобности...

Или:

— Барон Галкин с камердинером и продюсером по поводу инвестиций в «Кривое зеркало»...

Звучит же, черт меня побери!

Подозреваю, что несметное поголовье одесских юмористов тоже числятся в русских князьях, графах и баронах. Ну, да и Бог с ними. Правда, одно смущает: чем нам, русским,

---

хуже живется, тем одесских юмористов все больше и больше, тем им все смешней и смешней. И кажется, что если мы все перемрем, так они прямо-таки лопнут от смеха...

И все же, сколько бы ни наживались теперешние «дворяне» на «общечеловеческих ценностях», супротив наших нижегородских они просто голь перекатная. Вот как те живали, по рассказам Мельникова-Печерского:

«Одного столового серебра сто двадцать пудов, в подвалах бочонки с целковыми стояли, а медные деньги, что горох, в сусеки ссыпали. Музыкантов два хора, на псарне несколько тысяч собак, на конюшне пятьсот лошадей верховых, да двести езжалых; шутов да юродивых десятки, oprичь немых арапов да карликов.

Гостей не перечтешь. Начнут князя с ангелом поздравлять, «ура» ему закричат, певчие «многие лета» запоют, музыка грянет, трубы затрубят, на угоре из пушек палить зачнут, шуты (коллеги теперешних юмористов) вкруг князя кувыркаются, карлики пишат, немые мычат по-своему, большие господа за столом посуду на счастье именинника бить зачнут и даже медведь князя заревет, на задние лапы поднявшись...»

Куда уж тут даже «княгине» Пугачевой с ее фабрикой звезд.

Далее: Митрофанов — бывший член ЛДПР, а ныне член «Справедливой России» — «граф». С родословной, по-видимому, от Митрофана. Нарусова из Совета Федерации — княгиня, а покойный Ельцин — князь.

И как тут не задумаешься? А вдруг внуки Бориса Николаевича откопают у себя на даче еще и царские корни и, как Романовы, друг за другом полезут на престол? А Нарусова? Разве она успокоится на какой-то княгине? Она же, как та бабка из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке», обязательно захочет сделаться и царицей, и владычицей морскойю. Правда, одно неясно: где ей потом разбитое корыто найдут? Кругом же стиральные машины.

Ошарашенные такую наглостью, настоящие русские дворяне бросились в суды. Только куда уж им отсталым ретроградам-монархистам тягаться с современной русской демократией. В Министерстве юстиции их тут же и осадили: поскольку-де конторы по увеличению поголовья дворян являются общественными организациями, то имеют полное право...

Так что президенту нашему и в самом деле надо уходить с должности или тоже прикупить титул императора. Ведь что может произойти: наберут эти «высочества» и «светлости» кворум, соберут дворянское собрание, да и переведут, скажем, «дежурного по России» Жванецкого на должность им-

---

ператора по России. А президента-то выведут за кремлевскую стену, да розгами его, розгами за его жалкое пролетарское происхождение...

До революции на Варакше насчитывалось полсотни лесных деревушек, починков и хуторов со столицей в селе Атаманово: Колодешники, Трясуны, Мякинники, Сыроеды, Лапотники, Сутяжники, Чашебники, Мудозвоны, Гончары, Гужееды — эти названия говорят сами за себя. Другие же населенные пункты требуют некоторых пояснений.

Челобитники — эти всю жизнь молятся. Корова отелилась — молятся, картошку градом побилло — молятся, дом загорелся — все равно молятся, вместо того, чтобы тушить.

Шампиньонщики. Эти когда-то ходили на сплав до Нижнего Новгорода. Там после расчета забрели в ресторан и, поскольку грибы в наших местах ничего не стоят, в целях экономии на закуску и потребовали грибов. И шампиньоны им так понравились, что они съели все, что были в ресторане, а потом, когда им предъявили счет, у них и заработанных денег не хватило.

Собашники. Испокон веку разводят и продают собак. Даже картошку не сажают: не говоря уже о какой-нибудь полезной скотине. По праздникам связывают этих собак за хвосты и наблюдают, чей конец деревни перетянет. На эти соревнования сбегалась вся Варакша. Кончались они так же, как и теперешний футбол, — дракой.

Простодырники — эти, говорят, верили всему, что услышат, как нынешний электорат. Если им говорили, что африканские негры напали на Россию, они тут же являлись в Атаманово во всеоружии: с сулебами, пищалями, кистенями и ружьями. Если им говорили, что в ихний починок на днях приедет митрополит, тут же принимались белить печи, выметать мусор из часовни и застилать улицу половиками.

Балабольщики. Ну, эти, если бы сохранились, вполне могли заменить всех наших юмористов, а ихний староста вполне мог по болтовне потягаться с самим Жириновским.

Трясуны — в отличие от простодырников решительно ни с кем не хотели воевать и перед мобилизацией всегда прокалывали уши спицами, отчего многих и трясло...

И, наконец, — Голожопники. Его жители снимали штаны, по пояс заходили в болото и ждали когда присосутся пиявки. Потом вылезали на сухое место, отдирали этих пиявок, складывали в стеклянные банки и увозили на Ветлугу или в Кострому в аптеки.

Но, несмотря на такое множество селений, у нас на Варакше все родня. В какой-нибудь вятской или костромской де-

---

ревне на тебя и внимания не обратят. Но как только ты пересек границу и ступил в варакшинский хутор или починок, встречная востроглазая бабка тут же взглянется в твое лицо, словно художник в картину большого мастера, и, всплеснув руками, воскликнет:

— Ба-агюшки! Да ведь это Бадеренков внук! Погли-ко глазом-то так и стригает, так и стригает, будто цыган али мазурик какой... Ну, дак заходи, заходи, покормлю чево бог послал...

Или:

— Матушки мои! Никак Хохряченок к матке в Атаманово правится. Глянь-ко, Параня, вся статья Митрея Захарова и походка дедова. Жива ли Хохрячиха-то? Ежели жива, дак передай-ко ей медвежей желчи. Уж больно она ее просила, когда я в Атаманово-то ходила...

И ни одну нашу бабку не смутит ни модный костюм, ни прическа, ни даже то, что родился ты даже где-нибудь за Варакшей.

Были у нас и такие селения, где народ говорил на таком древнем, закомуристом языке, в котором посторонний человек и половины слов не поймет. Бывало, спросишь меду у какой-нибудь бабки:

— А кма ли тебе надо меду-то? — спрашивает она.

— Ну, давай хоть полкмы, — в шутку отвечаешь ты.

Бабка удивленно таращит глаза.

— А сколько это полкмы-то?

— А кма сколько?

Наконец бабка соображает, что перед ней не кто иной, как настоящий варакшенок и просто разыгрывает ее, и возмущается:

— Еще и изгаляется над старухой. Иди, лешов дьявол, и за деньги не дам!

Если посмотреть на карту, то у нас можно обнаружить всего два-три крупных селения. Остальные не числились нигде. Землеустроители неоднократно пытались нанести их на «планты», но безуспешно. Одна такая экспедиция заблудилась, и ее до сих пор не найдут, вторую лесник Онуфрий завел, как Иван Сусанин, в гиблые Обабошные болота. А третья опять же заблудилась и, донельзя отошавшие, обросшие диким волосом, участники ее вышли куда-то к Ветлуге...

После революции отдельные активисты начали было крушить хутора, но их вскоре перестреляли. Постреляли и несколько присланных с района председателей колхозов, после чего охотников связываться с варакшенками уже не нашлось. С тех пор Варакшу окрестили семнадцатой респуб-

---

ликой и ни Кировская область, ни Горьковская, ни Костромская не желали ее видеть в своем составе и постоянно перепихивали из одной в другую. Так что многие наши люди до сих пор толком и не знают, в какой области родились. И я в том числе...

Правда, в самой столице Варакши селе Атаманове после войны сколотить колхоз все же удалось, но вскоре районное начальство убедилось, что нашим людям по менталитету ближе все-таки зверье. Создали звероферму. Скармлили зверью весь колхозный скот, после чего зверье частично разворовали, а частично выпустили на волю. Сами же помещения фермы, вольеры и контору, как у нас и принято с испокон веков, сожгли. Заодно сожгли и сельсовет и опять стали налегать больше на лесозаготовки, охоту, грибы и ягоды, чем на пустую подзолистую землю.

А к руководству Варакшей опять приступил батюшко Абросим — возможно, самый либеральный поп в мире. Он вместе с мужиками валил лес и, чтобы не надирать лошадь по пенькам и кочкам, на плече выносил к дороге шестиметровые бревна, словно жерди. На сплаве один снимал плоты с мелей и перекатов, а в Нижнем Новгороде в цирке, раздевшись до кальсон, валил одного за одним профессиональных борцов. Пил тоже вместе с мужиками. В церкви непослушного мог хряснуть по башке кадиллом. Мог обвенчать парня с девкой, но если та окажется не девкой, то тут же и развенчать по первому требованию жениха и повенчать с другой. Крестил детей, но если родне потом имя не нравилось, то запросто мог и перекрестить. А по праздникам, если наших мужиков начинали одолевать ветлугаи или ветчененки, смело становился впереди и с криками «Сарынь на кичку!» бросался на врага и так молотил своими пудовыми кулачищами во имя отца и сына, и святого духа, что враги так и рассыпались горохом.

ВЫПОЛЗОВ ПОЧИНОК

Мой родной починок назывался Выползов, потому что со всех сторон он окружен такими топями, что в них постоянно тонул скот, сдергивали со шкворней телеги и тарантасы, да и теперь, наверно, «новые русские», приезжающие на охоту, на своих внедорожниках, подолгу шупают в грязи полусгнившие бревна старых мостов и лежневок. Завидовала нам вся Варакша: к выползяткам не только уполномоченный, а сам леший не поберется.

Но мы, конечно, знали, где и как безопасней из починка выползти, а потом заползти обратно. Родился я не в самом

починке, как это записано в метрике, а километрах в трех от него под елкой в лесу, куда мать моя с бабушкой ходили за рыжиками. И жизнь моя сразу началась с несчастья. Для того, чтобы донести меня до дому, бабушке пришлось выси-пать на землю целое лукошко рыжиков. О чем она сокруша-лась потом до самой смерти. Я же молчал всю дорогу, и все решили, что я не жилец на этом свете. Не тут-то было! Дома на печи я заорал так, что всполошил весь починок. Прибе-жала ворожея бабка Дарья, взяла меня на руки и всю мою родню разочаровала:

— Живучой, дьявол! Погли-ко, у его и глаз, как у таракана светится.

С тех пор меня так в починке и прозвали: «тараканий глаз», хотя, сколько я потом этих тараканов ни рассматривал, ни-каких глаз у них не обнаружил.

Как с неприятностей все началось, так и пошло через пень-колоду. Повезла меня мать на салазках в соседний починок, чтобы сфотографировать и отправить фотографию на фронт отцу, но я вывалился по дороге в сугроб. Мать этого не заме-тила, поскольку везла еще полмешка картошки, чтобы зап-латить фотографу за работу. Меня подобрал какой-то старик на лошади и, решив, что дите выкинули специально, стал возить по чужому починку с тем, чтобы меня кто-нибудь усы-новил. Но кому я был нужен! Бедная моя мать, обнаружив пропажу, сбежала туда и обратно и бесчувственная валялась в том доме, где меня должны были фотографировать. Нако-нец, объехав весь починок, старик решил всучить меня фо-тографу, справедливо решив, что тот попутно увезет меня в район, а уж там и решат, что со мной делать дальше...

Тут-то я, наконец, и нашелся. И орал потом три дня, требуя птичку, которая должна была вылететь из фотоаппарата. Орал, может быть бы, и дольше, если бы бабушка не подобрала на дороге замерзшего воробья и не заткнула им мне рот.

— На, супостат, подавись ты этой птичкой!

Потом я с такою же наглостью ходил за ней, вцепившись в юбку.

— Баба, да-ай леденчик. Баба, да-ай леденчик.

Наконец она с грохотом открывала кованный медью сун-дук, долго рылась в одеждах, и совала мне в рот леденец.

— На, аделище ненасытное, подавись! Последний отдаю! От лешего да от нечистой силы можно хоть молитвой отойти, а от тебя ничем не отойдешь...

Но я точно знал, что леденец у бабки не последний и через пять минут опять тянул, вцепившись в ее юбку и не отставая ни на шаг:

— Ба-а, ну дай еще. Ба-а, да-ай же...

Потом я стал слепнуть и возможно ослеп бы совсем, если бы не мой закадычный дружок Санька Забродин. Я обнаружил у бабушки в подвале горшок со сметаной и стал поедать ее потихоньку, приспособив вместо ложки щепку. И вот однажды бабушка за ужином возьми да и скажи как бы невзначай: кто много ест сметаны, тот может ослепнуть. И можете себе представить: у меня вскоре защипало глаза, как будто я съел несколько луковиц. Потом потекли слезы, и все вокруг стало расплываться. Всю ночь я не спал, а утром побежал к Саньке узнать: если ослепну насовсем и на оба глаза, то будет ли он водить меня за палку, как Митю Слепого с Баранова хутора водит его жена Пелагея.

— Ду-ррак! — твердо заявил Санька. — Врет твоя бабушка. Это с голодухи можно ослепнуть, да и то частично, а от сметаны никогда!

Вскоре, правда, этот Санька едва меня и не погубил. Я объелся репой, и меня так схватило, что ничего не помогало: ни соль, ни полынь, ни трава толоконка. И Санька решил мне на брюхо поставить банки. Но поскольку банок во всем починке не было, он прилепил мне огромный глиняный горшок, подержав в нем горящую бересту. Поначалу все пошло хорошо и даже приятно. Боль прошла, но горшок затягивал мой живот все сильнее и сильнее, и вскоре привалила такая боль, что прежняя мне показалась вполне терпимой и даже ничтожной.

— Снимай! — заорал я Саньке.

Тот бросился ко мне, ухватился за горшок и начал меня катать сперва на кровати, потом на полу. Но горшок уже не отрывался. Все мои внутренности засосало в него, и я уже вроде бы почувствовал, как рвутся на мелкие обрывки мои кишки. Долго это продолжалось или нет — не помню. На мои вопли сбегался весь починок, но оторвать от меня горшок не смогли, сколько вместе с ним ни волочили меня по избе. В конце концов кто-то все же догадался разбить его то ли молотком, то ли поленом...

В общем, много всяких страданий перенес я уже в детстве, а потом, как вы увидите, и того больше. Моя старшая сестра Томка-няня, играя в лапту, привязывала меня мешковиной к себе на спину и хотя бегала лучше всех, самодельный тряпичный мяч с зашитым внутри камнем-голышом то и дело попадал мне то в голову, то в задницу. Орать было бесполезно: сестра настолько увлекалась игрой, что не обращала на меня никакого внимания. Правда, настолько развилась за счет меня, что потом, когда училась в Вятке в медучилище, в

течение четырех лет была чемпионкой области по бегу на любые дистанции.

Однажды мы с Санькой поймали в лесу медвежат и понесли их домой в берестяных пестерях с тем, чтобы вырастить и продать в Вятку в зоопарк, но уже около самого починка нас догнала медведица, в клочья изодрала наши пестери и увела медвежат в лес. Нас, правда, не тронула, но испугала, конечно, до поноса.

Пробовали мы делать глиняную посуду, но при ее обжиге сожгли баню. Некоторое время мы были даже миллионерами, обнаружив в бабушкином сундуке целый рулон керенских денег. Но нас, как и всяких миллионеров, одолела жадность, и мы отправились в соседний починок, где наши сверстники точно на такие же деньги играли в очко. Но вернулись оттуда и без денег, и с красными соплями.

Одно лето подрядились пасти починовских коз, но поскольку они все время лезли в огороды и не давали нам купаться, сделали в лесу загон и до вечера держали их в этом загоне, пока они не обгрызли все жерди и не перестали доиться.

Однажды после охоты начали чистить дедушкино ружье и забили в него шомпол так, что ни взад, ни вперед. Сообразительный Санька зарядил целый патрон пороху, ружье привязал к огороду и за нитку из-за бани спустили курок. Шомпол выбило, но ствол разорвало на три части, а ложу вообще нигде не нашли.

Мог бы, конечно, и еще кое-что порассказать, да как вспомнишь, какими трепками все это кончалось, так и руки опускаются.

ПОЭТ ИЗ ГОЛОПУЗОВКИ

Взял я грех на душу: послушался батюшки Абросима и sunulся в областную партийную газету. Но не успели меня еще оформить литсотрудником, как в комнату ко мне явился маленький шустрый старикашка, настолько заросший черным кудрявым волосом, что даже из ушей и из носа свешивались у него целые пряди. Посреди этого буйного волосяного покрова, словно только что вынутая из горна заготовка, светился большой крючковатый нос. И казалось, что от него вот-вот вспыхнет и затрещит все это волосье. Я вроде бы даже почувствовал запах чего-то паленого.

На старичке под стать его черным волосам был черный суконный пиджак с единственной огромной деревянной пуговицей, по сравнению с которой медаль «За отвагу» на

лацкане выглядела копеечной монеткой. Пиджак дополняли солдатские брюки-галифе, застиранные до коленкорového цвета. Но всего удивительней были огромного размера кирзовые сапоги, носки которых загибались кверху, словно не обрубленные коровьи копыта.

На правом плече у старичка висела гармонь-двухрядка, а на левом берестяной пестерек, с каким в наших краях ходят в лес за грибами, за брусникой, или «бродить» рыбу.

Старичок, словно Ванька-встанька, начал раскланиваться, но вдруг зачихал, закашлял, бросился в угол и стал сморкаться на старые подшивки газет.

— Козу держу, — через некоторое время сообщил он. — Пошел ноне косить-то в лес. Да и натакарился на дурман-траву. Вот и привязалась литургия.

— Аллергия, наверно, — поправил я.

— Ну да, литургия, будь она проклята. Всю дорогу обсморкал, да и у вас все лестницы.

Дед крепко пожал мою руку и сообщил:

— Я поэт из Голопузовки. Печатался в районной газете. А звать меня Семеном, а по отчеству я Ананьевич. А фамилия в нашей деревне у всех одна: Голопузовы от мала до велика.

Дед бережно поставил гармошку на пол у своих ног. Потом снял пестерек, развязал мочальную веревочку и выставил на стол целую четверть самогона. Потом еще порылся в пестерке и выложил кулек каких-то творожных комочков.

— Пей, не береги, — указал он на четверть, — чай, не покупная. Бочка у меня за сараем в лопухах железная. В нее все и валю: и ягоды, и яблоки, и грибы. Напотом горстку дрожжей да меду баночку. А как все переуркует, и наставляю на бочку-то три паяльные лампы. Но ежели муть пошла — лампы-то отодвигаю... Однаво двоих командировочных чуть с ума не свел. Они у меня на сеновале ночевали. Приползают через лопухи-то на полянку, да ну хохотать. Мы, говорят, думали, что у тебя за сараем военные ракету запускают или самолет реактивный поднимают... Оно, конечно, гулу много от трех паяльных ламп, но я на отшибе живу. Милиции-то невдомек. Да и гоню-то для дела, а сам с войны ее не потребляю... Я вообще все умею: хоть печи ложить, хоть шорничать, хоть рамы вязать, хоть корзинки плести, лапти, пестерки... Ежели хочешь, то и тебе сплету шестерички. Грамотны люди их теперича на видно место подвешивают. А вот брынза, что у тебя на столе, ну никак не получается. Рассыпается, как крупа. Я-то уж и давил ее в горшке, и казеинового клею добавлял, и крахмалу — ничего не помогает. Но ты ешь, закусывай, она очень пользи-

---

тельная. А что касательно стихотворений, то я имя с детства был ушиблен. Правда, и попадало же мне за них и от батька, и от деда! Надо дело делать, а я задумываюсь. Батька-то как даст подзатыльник. А дед все за уши драл. Какое, говорит, твое свиначье дело пустым делом заниматься, ежели пахать, косить, боронить надо. Только прадед сочувствие и проявлял. Он в гусарах служил. Бывало, нагрянут всем эскадронном в Голопузовку-то, дым коромыслом, две недели без просыпу. Рябенков наделают — и опять в поход. Прабабушка моя Лизавета, помню, бывало, и руками, и ногами зыбки качала...

Но я-то все равно в овине или в бане занимался этим делом. Бывало, девкам такое сочиню про любовь да про измену, дак они так и уливаются слезами. А отшабашил меня от писанины бригадир Ситька колченогий. Тетка-то моя Агафья раз приходит и говорит:

— Ты, Семка, поскольку знакомство в газетке завел, дак дохнул бы на Ситю-то. Ведь житья никакого не стало: пьет кажинный день, дерется, людей на своем жеребенке мнет, грязным батоком молоко у нас, у доярок, меряет..

Ну и накропал я в газетку-то, можно сказать, целую поэмку.

*Голопузова бригада работающая, как надо.
Только жаль, что бригадир — пьяница и дебошир.
На коне, как воевода, конь-огонь у Всеволода.
Вдрызг напившись, обормот, скачет прямо на народ!
Может он избить доярку, обругать при этом «ярко»,
С фермы всех поразогнать. Что с такого гада взять?
С председателем по дружбе водку пьют во время службы,
Не сбегут-де мол дела, захмелимся, трын-трава.
Водка дружбу их скрепила и нужна партейна сила,
Чтобы связь порвать такую и наладить деловую.*

Вот поэмку-то эту взяли да и напечатали целиком и полностью в газетку-то. Председателя нашего скинули да куда-то в район перевели, а Ситьку колченого тоже скинули из бригадиров в объездчики. И вот с той поры не стало мне в Голопузовке никакой жизни.

Как где увидит меня, так и гонит кнутом до самого дома. Да еще и причитает:

— Это тебе за пьяницу. Это за дебошира. Это за обормота. Это за гада. А это за партейную силу.

Но теперича, когда конюшню мою закрыли, и я имею массу свободного времени, то решил целиком и полностью отдался своему любимому делу.

С этими словами дед достал из голенища толстую тетрадь из оберточной бумаги, прошитую дратвой.

— Поэма, — сообщил он. — Называется «Дружба народов».

*Мы с Китаем в противоречьях,
Но это временно. Пока.
А когда Хрущева скинут,
То станцуем гопака.*

Дальше шло все в том же духе. Причем хунвейбины рифмовались почему-то с кудрявыми рябинами, бараны с барабанами, а Никита Сергеевич Хрущев с самыми что ни на есть отборными матюгами.

— Ты мне вот что скажи, — спросил Семен Ананьевич, —

*Первый сокол Ленин,
Второй сокол Сталин,
А кругом летали
Соколята стаей.*

Соколята — это кто? Это члены Центрального Комитета или же Политбюро?

— А черт его знает, — пожал я плечами. — Об этом у поэтов надо спрашивать, у композиторов.

Дед опять схватил двухрядку и, передразнивая эстрадных певцов, пропел:

*Травопольная система
До чего ж ты хороша:
В поле травка и цветочки,
А в амбаре ни шиша...*

А теперича вишь что получилось: и в амбаре ни шиша, и травки в поле-то нету. Козы-то в нашей Голопузовке все жерди на огородах обгрызли...

Но ты мою-то поэмку зря не дослушал, — свернув «козью ножку», продолжал дед. — Митька-то, мой племянник, у этого Хруща в охранниках был. Дак когда Мао-то к нему приехал да стал за Сталина заступаться, мол, беда будет великая вашему государству, ежели вождя-то хаять, так Никитка-то на него в драку. А Мао-то повалил его да за глотку. А мой-то дурак, Митька-то, за ногу его и сташил. Дак я ему теперь за это ни рюмки, ни руки не подаю...

— Семен Ананьевич, может, вам лучше про войну что-нибудь сочинить? — попытался я выкрутиться из этой скольз-

---

кой и опасной темы, заметив, что сотрудники газеты то и дело, ухмыляясь, заглядывают в нашу комнату.

— А че, парень, про нее писать? — махнул дед рукой.

— Подожди, а медаль за что?

— За глупость начальства. Присел я как-то в кукурузе побольшому и слышу рядом чой-то шубаркает. Шуршит, крихтит и шубаркает. А там немец сидит, и тоже по-большому. Я — ханде хох! И в штаб его. А уж когда медаль-то выдали, оказалось, что он сам к нам в плен шел сдаваться. Значит, не возьмешь поэмку-то?

— Нельзя, дед. Обоих же посадят.

— Дак, может, про любовь подойдет?

Дед тут же выхватил из голенища другую тетрадь еще толще первой и зачистил, умильно закатывая глаза:

*— Идешь ты непорочная
В кругу среди девчат,
И груди твои почками
Созревшими торчат.*

Это у меня про Лидку Махонину, — начал он пояснять, — из Дымковской слободы, где игрушки-то лепят из глины. Мы в молодости всегда туда ходили. Мне к тому времю батько уж и костюм справил, сапоги гармошкой и двухрядку вот эту. Я дорогой-то парням поигрываю, а перед слободой спрячу ее. Стыдно с двухрядкой-то: в Дымкове уже и баяны, и кардионы были.

Вот однова идем обратно, а я как заиграю, так конскими катышами и завоняет. Ребята-то смеются: от тебя, Семка, вроде как мерином припахивает. Крышку-то открываю — полные мехи конского дерьма. Дымковские для насмешки напихали. Но это я так, к слову...

Вот Лидке-то и говорю однажды:

— Ох, и станок у тебя, Лида, красивее всяких ваших игрушек...

А она хохочет: не с твоим, говорит, разрядом на нем работать, Семка. Д-дура! Откуда ей было знать про мой разряд. Ведь хреновое дерево завсегда в сук растет... Я и теперича не только по своим голопузовским бабенкам бегаю, а бывает, что и в соседнюю деревню загляну. А Лидка-то уж который год с клюкой ходит...

Поэма про любовь у деда опять закончилась сплошными матюгами в адрес Никиты Сергеевича Хрущева.

— Семен Ананьевич, может, тебе заглянуть в молодежную газету, — уже не зная как отвязаться от деда, посоветовал я.

— Да был уже. Четверть самогонки выпили, гоготали до упаду, а хоть бы одну строчку черкнули...

— В таком случае прозой попробуй что-нибудь. О природе, о колхозе...

— Нет, парень, я могу только стихом. Прозой не получается. Я ни запятых, ни точек не знаю, где поставить. Все у меня сливается и даже самому непонятно.

— Тогда, дед, не знаю.

— Может, хоть частушки возьмешь? — с надеждой спросил он.

Дед трясущимися руками стал завязывать свой пестерек. И горько заплакал. А у меня пропало всякое желание работать в областной партийной газете...

ЕНКО-СЫРОЕД

Вот хотите верьте, хотите нет, а было дело. Своими глазами видел. Район наш с пол-Европы, не меньше. На юге, на Северной Двине, уж лед давно прошел, пароход «Пушкин» почему зря шлепает взад-вперед, а на Пинеге мужики и малахеев еще снимать не собираются: мороз градусов под тридцать жучит. Ну, дорог, само собой, никаких, все самолетом. Даже скотину и ту по воздуху. Да и куда денешься: пока с Пинеге до Двины прогонишь, от скота кожа да кости остаются или вообще ничего: навалятся в тайге волки или медведи и все стадо порежут...

Так вот, значит, если надо в какой колхоз ехать, идешь в аэропорт, садишься в самолет и — пошел. Летом, конечно, ничего, даже приятно, особенно в жару, ну а если зимой да в мороз — беда.

Так вот, прилетел я в тот раз в Пинегу-то. Встречают меня, конечно, как родного. Да не подумайте, что только меня такто... Там в то время любого чужого человека как самого дорого гостя встречали. Не поверите, дело иногда до ругани доходило: из-за того, у кого приедем остановиться. Тут и величина дома учитывалась, и как хозяйка готовить умеет, и есть ли полог от комаров, если дело летом происходило...

Напарят тебя в бане, напоят чаем, накормят рыжиками, семужкой, посадят в передний угол и слушают, что ты рассказываешь. Вся деревня по лавкам сидит, рты поразевавши и уж тут не важно, о чем ты рассказываешь, — о дрожжевании соломы, о беспривязном содержании скота или о международном положении — ничего не проходит мимо. Все выслушивается с таким вниманием и подобострастием, будто ты

не простой заезжий человек, а по крайней мере академик или член правительства... Милый, простой, доверчивый народ! Меня, по правде сказать, и теперь тянет к нему. Маешься, маешься среди меркантильных россиян средней полосы, да ни с того ни с сего переругаешься со всеми, плюнешь на все и едешь на Север, хотя и знаешь прекрасно, что и он уж теперь не тот. В какую глушь ни заберешься, обязательно встретятся тебе то вербованные бичи, пугающие застенчивого и тихого северянина страшным оскалом вставных зубов, то жуликоватые интеллигенты, выманивающие у старух иконки, прялки да медные самовары, то прилепившиеся к одиноким бабам тунеядцы...

В тот раз поместили меня, как обычно, в огромной, как крепость, избе, у бабки Селиванихи. И не успел я отогреться и напиться знаменитого бабушкиного чая с медуницей и мятой, как в избу прибежала простоволосая старуха в резиновых чунях и в не застегнутом ватнике. Торопливо перекрестившись на иконы, она рухнула передо мною на колени.

— Батюшка! Отец родной! — зачатила она. — Помоги старуку-то чем-нибудь, уж и с лица переменялся... Мы уж все перепробовали: и медвежьей желчью поили, и чагой, и зверобоем...

— Да что с ним?

— Остудился, батюшко. Пошел на Окунево озеро да провалился под лед. Говорила дураку, говорила — не ходи! Не послушался, стал вершу-то ставить, да оскользнулся и обрюхнулся в промоину-то. Уж не знаю и выбрался как — и валенки по пуду, и штаны ватные... А теперь вот жаром весь так и полыхыет, как печка...

— Бабушка, да я ведь не врач, зоотехник я. Вам врача надо.

— Да где его взять, врача-то? Была медичка, да и та сбежала. Кто, батюшко, в нашей проклятушей деревне жить-то будет за сиянскими-то горами... Попажа-то к нам, сам видишь, какая, да и лавку закрыли, и клуб-то на замке, уж который год жито сваливают... Иной раз пекариха запьет, да и хлеба-то по неделе не видим. Сами пекем. Она, медичка-то, пряженники какие-то пекла без закваски, без приговорка, без ничего, да и сама животом маяться стала.

— Бабушка, так ведь я по скоту, да и то зоотехник, а не ветеринар.

— Дак что, ежели не филитилинар дак. Все равно больше понимаешь, чем наша Полуниха. Она ведь только по надсадке да от вывихов понимает, а от простуды-то ни-ни. Дала святой воды, а что с нее, с воды-то. Ежели бы у него порча была, она, может, и помогла бы, а у него ведь ошудя...

— Бабушка, да у меня же ни лекарств, ни инструментов, ничего нет.

— Да ты хоть посмотри его, кормилец, может, и присоветуешь чего.

— Давайте, я лучше в район позвоню, в больницу.

— И-и, батюшко, какой телефон! Столбы-то еще на прошлой неделе в Прилуцком поле все как один ветром поваляло...

— Ну, ладно, делать нечего, пошли...

— Пошли, пошли, мил сын, тут недалеко, через два дома всего. А я уж в долгу не останусь, рыжиков кадушку тебе снаряжу, меду...

— Да разве в этом дело, бабушка!

— Айда, айда, мил сын.

У старика, как я и предполагал, было воспаление легких. Он лежал без сознания. Я смерил температуру. Ртуть поднялась до сорока одного градуса. В аптеке у сбежавшей медички антибиотиков не оказалось. Я размешал в стакане таблетки аспирина и выпоил старику. Увы! Аспирин не помог, температура даже на полградуса не снизилась. Старик в беспмятстве стал поминать какого-то белого барана.

— Отходит... — шепотом пояснила бабка. — Вишь, смертонька показала. За Енком-Сыроедом послать, че ли?

— Он что, медик? — оживился я.

— Какое, батюшко мой! Чукча тута у геологов, вроде колдуна, на вездеходе работает...

— Он что, вылечил кого, что ли?

— Как же, многих... В позапрошлом году Ванька-то Панин тоже остудился на сплаве, дак он, Енко-то, его и вылечил. И корову у Полунихи...

Бабка, торопливо надернув на ноги чуни, убежала на конный двор, и минут через десять мимо окон в сторону темнеющей вдали тайги, громко шлепя задом о лошадиную спину и высоко вскидывая локти, проскакал всадник.

Часа через полтора в избу вошел маленький черный человек с плоским лицом, с черными глазами. На голове у него красовался такой драный малахай, какой в других местах, пожалуй, постеснялись бы и на огородное пугало надеть.

Он пробурчал что-то вроде «зласте», стриганул на меня прищуренным глазом и хитро усмехнулся, обнажив пятнистые, словно незрелые бобы, зубы. Потом, шибко косолапя, прошел к больному старику, сдернул с него лоскутное одеяло и припал большим волосатым ухом к голой груди. Бабка присела у изголовья мужа, сложила на коленях руки и окаменела.

Енко-Сыроед поелозил ухом вправо-влево, постучал за чем-то бурым треснутым ногтем в обтянутые синей кожей ключицы старика и выпрямился.

— Однако вылечу, — сказал он уверенно и стал задерживать застиранные ситцевые занавески.

А дальше, братцы, началась такая дичь, какая во сне не приснится. Енко спихнул бабку с постели, выволок расшатанную деревянную кровать на середину избы и пошел вокруг нее: сначала на цыпочках, осторожно нащупывая половицы грязными носками резиновых сапог и балансируя руками, будто переходил по ненадежной жерди через ручей, потом начал притопывать, прихлопывать руками, будто собираясь плясать «цыганочку» с выходом, наконец взвизгнул и пустился вокруг кровати в диком танце, на ходу сбрасывая с себя малахай, ватник, прожженную синюю нейлоновую рубашу, грязную майку с едва различимой надписью. «Ну, погоди!». Потом в разные стороны полетели резиновые сапоги, дырявые, выкроенные из старой спецовки портянки... Вскоре Енко остался в одних широченных хлопчатобумажных штанах, собранных на заду в бесчисленные складки и подвязанные узловатой сыромятной бечевкой, какими заводят пускachi тракторных двигателей и лодочные моторы.

Я как сидел, раскрыв рот и выпучив глаза, так и продолжал сидеть. А Енко, сверкая голыми пятками, словно луковицами, вихрем пронесся мимо меня и бабки, которая, собрав в кучу раскиданную одежду и обувь, спокойненько стояла теперь у запечка, скрестив руки. Из-под ног у нее вылезла была кошка, но тут же спряталась обратно, отчаянно замыкав, будто ей хвост прищемили. А Енко все быстрее и быстрее носился вокруг кровати, махая перед дедом руками и подбадривая себя дикими нечленораздельными звуками, похожими на визг перегревшейся бензопилы. На губах у него появилась пена. Тут я поймал себя на том, что непроизвольно притопываю ногами и пошевеливаю пальцами, потом, помимо своей воли, стал прихлопывать в ладоши, а потом, провалиться мне на этом месте, и в пляс пустился вслед за Енком-Сыроедом. Пляшу и про себя думаю: дурак, что делаю? А остановиться все равно не могу. Тут, гляжу, и бабку заподергивало. Подергало, знаете, подергало, да и тоже повело. Глаза тарашит в испуге, а сама «барыню» почему зря выделяет, как молодущка.

А Енко вообще осатанел, уж едва не по потолку шпарит. Изба ходуном ходит, стены, половицы трещат. Я думаю: увидит кто, точно с работы выкинут. Специалист, можно сказать, с двойным высшим образованием, биологию насквозь изучил, а сам с шаманом-чернокнижником спутался... Он на четвереньки, и я на четвереньки, он на стену прыгает, и я туда же, он урчит по-звериному, и я громче его. И бабка так

разошлась, что того и гляди, кровать опрокинет. Тут гляжу, старик-то, больной, шевельнулся и голову стал поднимать, ей-богу! Потом сел на кровати, глазами поморгал-поморгал, ноги, словно батоги сухие, спустил на пол, лицо обиженное сделал, да и пошел взлягивать. Тут я запнулся и прямо на лавку упал, да и заснул сразу. Точно в омут нырнул. Сколько проспал — не знаю. Проснулся. В избе семилинейная лампа горит, кровать обратно в простенок поставлена, а старик со старухой, как ни в чем не бывало, за столом чай с малиновым вареньем пьют. И Енко-Сыроед тоже с краешку примостился, тоже чай с блюдечка хлебывает да свою черненькую жиденькую бородку поглаживает.

Я поднялся, шапку в охапку, да скорей восвояси, а бабка догнала меня в сенцах, да и шепчет прямо в ухо:

— Дак ты, батюшко, когда уедешь к себе в район-от, дак не шлепай тамось, чего видел-то тута, а не то, как бы его не посадили, Енко-то. Ведь совсем без никого останемся тогда...

— Ладно, бабка, — говорю, — ну вас к лешему, ничего я тут у вас не видел и ничего не слышал, приснилось, наверное, мне это все...

ПОБЛАЖКА

Приезжаю однажды из командировки, гляжу: мой начальник до того чем-то перепуган, что с лица даже переменялся. Двери кабинета на ключ закрыл, окна занавесил и ко мне:

— Выползов, за тобой чего-то такое открылось, что даже мне в райкоме рассказывать бояться. Может, сам расскажешь?

И пока я рассказывал, он три раза с кресла от хохота падал. Слезы вытерет, успокоится вроде, да как на меня глянет и опять:

— Так, говоришь, шерсть сдал, мясо сдал, яйца сдал и готов жить при коммунизме...

Да опять гоготать так, что в кабинете стулья подпрыгивают. В приемной начали даже двери ломать: думают, неладно что-то с начальником происходит.

Но мне-то, по правде говоря, не больно и смешно, потому что приказано: немедленно выслать меня из райцентра в колхоз имени Свердлова под надзор участкового и бабки Степаниды.

У бабки Степаниды помер муж. Пенсия у нее маленькая, колхозная, а дом большой. Ну, и уговорил ее председатель пускать на постой приезжих.

Приезжаю я к ней и понятия ничего не могу. Стол и лавки опрокинуты, половики взбурованы, самовар на полу валяет-

---

ся, рядом с ним рукомойник с оборванной бечевкой, черепки от горшков, пустые бутылки... В избе вместо привычных запахов мяты и душицы пахнет какой-то заграничной косметикой и табачищем. Сама бабка сидит на кровати и держит в руках ухват с обломанным черенком.

— Батюшко! Голубчик! Где же ты раньше-то был? — увидев меня, вскинулась она. — Чтобы тебе хоть вчера-то приехать, али же сегодня, да пораньше...

— Что случилось, бабушка? — поинтересовался я, с любопытством оглядывая разгромленную бабкину избу.

— Да ведь мы бы вдвоем-то их, басурманов, поди-ка в два счета вытыкали...

— Каких басурманов? — не понял я.

— Ну, етих, артистов-то, пропади они пропадом!

— Каких артистов?

— Ну, которые представление-то вчерась в клубе делали. Пустила их, думала путные, а они погли-ко, что выкусывают...

— Да откуда они у вас взялись, артисты-то? Ведь и дороги уж третью недели нет. Мы на тракторе и то еле проехали.

— Председатель, пустая башка, залучил, батюшко мой. Надо, слышь, народу поблажку сделать после уборки-то. Вот и сделал поблажку. Всю деревню с ума свел, а я дак и теперь еще в себя никак не приду, руки и ноги трясутся...

— Где же он их откопал?

— Да в Котласе, где еще. Саньку-то Боровикова послал за имя на тракторе с санями. Три дня тот ездил, на четвертый пустой приехал. Говорит председателю: не желают-де на тракторе они ехать. Просят легковушку, да и деньги вперед за представление-то. Нашему бы плюнуть да отступиться, дак нет. Набрал в кассе денег, «козла» своего на тракторные сани поставил, па-ехали.

В субботу вечером, только я козу подоила, прибегает ко мне Маня Колиха. Айда, говорит, Степанида, на представление-то. Ну и наладились две стары дуры...

Приходим. В клубе народ со всей округи собрался, яблоку упасть негде. Уж бог знает, откуда и набрались, деревни-то, почитай, все в округ пустые. Мы с Маней-то пробрались к самому помосту, думали, невесть чего увидим. Стоим. Ну, в долги ли, в коротки ли, зашабаршело на помосте-то, шторы разъехались в разные стороны. Выходит одна тощая-тощая, в чем душа только держится, батюшко ты мой. Все мосолки-то, ребрышки, пересчитать можно. Ну, что тебе дощечка стиральная, ей-богу. Личико-то с кулачок всего, не больше, да все синее-синее, как у утопленницы, поглядеть страшно, в гроб и то краше кладут. Волосенки-то на голове тоже синие

не синие, зеленые не зеленые, да спутаны все, что тебе у моей Жучки на задней ляжке, прости господи... Тута вот, батюшко мой, струменты-то ихние заухали, задудели, забрякали. Она на помосте-то подергалась-подергалась и запела: «Уносит меня, уносит меня...»

Я про себя думаю, да, господи, куда тебя уносит-то? Кто на тебя покорыстится? Уж разве слепой какой-нибудь или вовсе калека. А она, батюшка мой: «И уносит меня, и уносит меня в какую-то даль...»

А сама эдак вся вытянулась прямо в сырмятную струну, какой раньше шерсть-то на валенки трепали, ручонки-то к потолку тянет. Ну, прямо сердце у меня кровью обливается, до того ее жалко. Пропела она, матушка, ушла за занавеску. Тут, немного погодя, еще громче заухало, что вот тебе лешой по лесу пошел, и выскакивает откудов-то сотана настоящий. Только шерсти и рогов нету. Тоже подергался, повихлялся, да и закатился, батюшка ты мой. Прямо зверем так и ревет. Да все скачет по помосту-то, да задом виляет, будто его шильями в зад-то колют. Мы с Маней попятнулись, жутко нам сделалось. Уж до того он пасть-то свою раздирает, дак прямо, господи меня прости, вроде бы даже и дерьмо видать. А вокруг-то его девки здоровущие, как лошади, да почти что без ничего, ноги прямо до потолка задирают, ей-богу. Повихляются-повихляются, как на шалнирах, да опять вскидывают голяшки-то, да опять... А мужик-то уж весь заходится, поси-нел весь, шары-то выкатил, жилы на шее окостенил, нечесаной гривой трясет, жакетку какую-то полосатую скинул. Ну, того и гляди, на людей набросится. Народ-то тоже пятиться стал. А тут еще, батюшко мой, страшнее сочинилось. На помосте-то дым закрубился.

— Пожар! — заорал кто-то. — Горим!

Тут все и кинулись кто куда. Стулья затрещали, рев, визг, крик. Нас с Маней-то закружило, завертело, да и на рундук выбросило. Манина внучка Танька выскакивает за нами, да за рукава нас. Это, слышь, не пожар, это так нарошно делают, чтобы все на помосте-то натурально было, как в природе. Я, батюшко мой, думаю: да пропадите вы пропадом с этой природой и с представлением вашим. Вырвалась от Таньки-то — да домой без оглядки. Пришла в избу-то, гляжу, вскоре и они, артисты-то, всем гамузом ко мне правятся. Собаки за имя, ребятишки бегут... Ну, я, конешное дело, куда деваться-то: на стол собирать, самовар ставить. Выбежала на колодец за водой-то, гляжу: эта синяя-то, которую уносит-то, уж в одних трусах да в лифчике у колодца-то, руками и ногами дрыгает. Ну, что вот тебе, батюшко мой, падучая ее бедную

бьет. Я говорю: матушка моя, что ты делаешь-то? А она мне: робику, бабка, робику... Дак тебе лежать бы, говорю, больше надо-то, а не робить. Вишь ты худа до чего. Отдохнула бы, мол, лучше... Нет, она кулачишкам-то своими вот тычет, вот тычет в пустое, а сама чуть не узлом завязывается. Тут, откуда ни возьмись, Жучка моя к ней, и до того, батюшко мой, остервенилась, ну прямо за ногу ее. Она тут как завизжала, заверещала, а я гляжу: что-то у нее из роту-то и вывалилось белое. Жучка-то моя, не будь плоха, да схватила это белое-то да бежать. А она за ней вдоль деревни нагишом-то, только пятки сверкают. Народ-то из окон выпялился, хохочет... Оказалось, зубы у нее вставные Жучка-то моя унесла. Бегала она за ней, бегала из конца в конец, отняла, видно, кое-как. Приходит, батюшко мой, поглядеть страшно. Краска-то вся размазалась по лицу. Черное с синим смешалось, волосья слиплись, сама-то вся в грязи. Ведьма и ведьма. Умыла я ее у колодца-то, да тут и обмерла. Думала, что ей лет двадцать—тридцать. А она, батюшко ты мой, почти что со мной ровесница оказалась. Ну, на стол-то кое-чего собрала я, самовар вскипятила. Тут они и взялись пить, несчетно бутылок выпили.

Потом петь-плясать снялись, потом, батюшко ты мой, бабы-то расчапались из-за дьявола-то волосатого. Эта, которую в даль-то уносит, с молоденькой, котора ноги-то на помосте закидывала. Такое побоище открыли — небу жарко. А волосатик-то нет чтобы их разымать. Дак вместо этого хохочет. Да нарощно подзуживает, бессовестная харя. Бей, кричит, ее, Манька, чтобы поперед ветеранов не лезла! А когда молоденькая верх возьмет, дак ей орет: бей ее, Зойка, старую вешалку, чтобы много себе в голову не забирала. А то, вишь, моду взяла: у молодых из глотки рвет! Вот, батюшка ты мой, и проволынились до самого утра, едва-едва развязалась с ними...

БЕСПРИВЯЗКА

Правду же говорят: плохо, когда дурак, но еще хуже, если дурак с инициативой. Это я про нашего «дорогого Никиту Сергеевича Хрущева». Только от пропашной системы отбились, давай кукурузу, кукурузу спихнули — давай бобы, с бобами кончили — айда на безпривязку. Секретарь райкома аж из себя выходит, чуть не с кулаками на нашего председателя. Что, говорит, такое получается: во всех районах есть, а у нас нет. Или, говорит, будет безпривязка, или партбилет на стол положишь...

Ну, тут наш-то, Павел Иванович, налилсЯ нехорошей кровью, да тоже: хрясь кулаком по столу. Хорошо, говорит, рас-

---

такая мать, будет тебе безпривязка! У меня и душа в пятки. Нагляделся я на нее в соседнем районе. Скотина вся скопом, корма с навозом перемешаны, доярки не знают, где чья корова, доят, что под руку попадет: и дойных, и сухостойных. Бывало, какая и под быка подсядет с подоиником в эдаком-то содоме. Смех и грех!

Выходим от начальника. Павел Иванович стакан водки хряпнул, чтобы нервы, значит, унять, и говорит шоферу:

— Пошел в «Авангард», на Долининскую ферму.

«Авангард» — это колхоз соседний у нас, с которым мы соревнуемся. Пока в нем старый председатель был Степанов, еще куда ни шло, держались. А как ушел он на пенсию, да поставили туда завсельхозотделом Хлебаева, так все и покатилося. Уж больно он любит со всякими починами выступить. Ну, прямо хлебом не корми, только дай почин какой-нибудь сделать или подхватить. Бывало, сев ли начнется, в «Авангарде» сеют раньше всех, урожай тоже первыми собирают. Всех раньше рапортуют о развертывании соревнования, принятии повышенных обязательств, внедрении всяких «богодуховских» методов... Ну и дошло дело. Урожай упали, надои молока тоже, зарплата само собой, люди поразбежались, а те, что остались, ударились в такую пьянку, что в этом «Авангарде» вскоре некому стало подоить коров и вспахать землю...

Приезжаем, значит, на ихнюю Долининскую ферму. А там, мама родная! Старый коровник упал, новый не достроен: одна крыша да стены. Коровы бедные в навозной жиже по самое брюхо. Павел Иванович в затылке почесал, мигнул мне, да и говорит: «Вот она, матушка, безпривязка-то настоящая, без подмесу...»

А я все никак не могу сообразить, куда он клонит. Ну, походили мы по ферме, он себе что-то в тетрадку записал и говорит шоферу:

— Вези к Хлебаеву!

Меня еще больше удивление взяло. Он с этим Хлебаевым и не здоровался несколько лет. Допек тот его соломой, когда еще завсельхозотделом был. Прицепился, как банный лист, давай да давай ее запаривать. Наш-то ему:

— Мы соломой не кормим, у нас, слава богу, сена хватает.

А Хлебаев ноль внимания.

— Парь солому и все тут, чтобы районную сводку не портить.

Шире—дале, на бюро нашего начал таскать, выговор вlepил. Ну, Павел Иванович плюнул и заставил плотников чаны деревянные на каждую ферму сделать. Сделали, пар к ним

подвели, соломой для близиру загрузили, да дежурного на дороге выставили. Бывало, как едет начальство, дежурный сразу на фермы знак подает: включайте пар. Так вот до самого лета и «парили». Как сгниет солома в ящике, выкинем ее в навоз. Да опять закладываем...

Приезжаем, значит, к Хлебаеву. Павел Иванович сразу в кабинет. Побыл там минут десять, выходит довольнехонек. Есть, говорит, безпривязка. Оказывается, что сделал? Договорился с ним, ихнюю ферму Долининскую за свою безпривязную показывать начальству: с нашей-то она совсем рядом была, через овраг всего. Пообещал им за это кормов, ну а молоко, что надоят, нам. Хлебаев, дурак, даже на это согласился. Да и куда денешься, если кормов и до января не хватит...

Я Павлу Ивановичу тут и говорю:

— Как бы не вышло чего, не остаться бы нам опять без председателя.

А он только посмеивается:

— Ниже мужика все равно не поставят.

Его ведь уж снимали за кукурузу. Тоже вот так же: секретарь вызвал: сей кукурузу, клевера распахивай и сей. Павел Иванович сопротивляться не стал. Будет, говорит, сделано. А сам вместо трехсот гектаров посеял вдоль дороги, где начальство ездит, гектара четыре, а клевера все оставил. Уж чего только агроном ни делал, чтобы она повыше была, чтобы, значит, клевера-то закрыть. И навозной жижей каждую неделю поливал, мочевины бросал и рыхлил, и пропалывал, и репродукторы-то в трех местах повесил с симфонической музыкой. Вычитал где-то, что от нее, от этой музыки, урожайность якобы чуть ли не в два раза поднимается. Ни хрена не помогло: торчат одни былки кривые и все. А начальство за день по десять раз названивает, какова кукуруза, что с кукурузой?

Ну, тут Павел Иванович сам взялся за дело. Школьников привел на поле, поставил их на коленки в этой кукурузе, чтобы она выше казалась, и сфотографировал их из своего аппарата, а снимок в райком отправил, чтобы до поры до времени усыпить бдительность начальства. Все, мол, с кукурузой в порядке, ждем рекордный урожай.

Завсельхозотделом Хлебаев сначала этот снимок в райгазету, потом в областную. К нам делегации за опытом. Тут и открылось дело... Секретаря, известно, сняли да в область перевели, а нашему Павлу Ивановичу по шапке да и в бригады...

Отчитались мы в райком за хлебаевскую безпривязку и стали осваивать. Завезли корма, подвели воду и электриче-

---

ство. Доярок своих лучших я туда поставил. План по молоку мы уже выполнили, так, думаю, на сверхплановом еще руки погреем. Вскоре на Долининской ферме уже по десять килограммов на корову стали надаивать. Мне, дураку, надо было бы половину этого молока на другие фермы писать, чтобы в глаза никому не бросалось, а я и тут не докумекал. Пошла по области слава: Выползов на безпривязке по целому пуду молока надаивает...

Ну, и начали опять ездить отовсюду. У нас ведь известно: кому работать неохота, те за опытом ездят. Попьют, поедят на дармовщинку, да еще мало этого, в решении запишут, мол, почаще вот эдак-то собираться надо, больше, мол, пользы-то будет... Ну и мотаются всю жизнь, вместо того, чтобы корову досыта накормить...

Приезжают однажды аж из-под Москвы. Сам начальник райсельхозуправления привез. Как же! За тысячу километров киселя хлебать приехали. Грудь эдак петушиным коленом выпятил, просвещает про себестоимость, про психологию стада... Тут, как на грех, и вынесло хлебаевского заведующего Кордюшкина. Мы его обычно на это время в конюшню запирали, потому что спился подлец, хуже всякого тунеця. А тут наш заведующий проглядел. Только делегация на ферму — он шасть навстречу со своей опухшей рожой и лыка не вяжет. Ну, народ к нему. Спрашивают, кто, мол, такой: дояр или скотник. А он: хрен его знает, мужики, сам не сообщу...

Им бы надо плюнуть да отойти подальше, ясно, что человек не в себе, так нет, окружили, блокнотики достали, расспрашивать начали: сколько коров, да чем кормят, да как доят? Ну а он на каждый вопрос только руками разведет, да свое: а х-хрен его знает! Потом зенки-то продрал, увидел нашего председателя, да к нему прямо за грудки:

— Ты кто такой здесь, рыжая харя, чтобы делегации-то возить?

Ну, начальник управления хотел замять это дело, неудобно перед чужими-то людьми. Легонько эдак потрепал его по плечу:

— Ты что, голубчик, председателя своего не узнаешь?

А он:

— Я своего председателя чудесно знаю, а это самозванец и грабитель нашего колхоза. Поэтому попрошу из ветеринарно-санитарных соображений очистить территорию!

Тут наш заведующий опомнился, схватил его, потащил было в конюшню, а Кордюшкин вырвался, да как заорет своему бригадиру:

— Гришка! Спускай собак, да бежи за Хлебаевым, ферму грабят!

Тут все к машинам. Собаки за москвичами. Одному новое пальто в ключья, другому — штаны до земли. Наш председатель в лес. Он хоть и здоров был, а начальника управления послабже. Тот одной рукой подкову ломал.

Я кое-как проводил делегацию. Жду, чего будет. Вызывают Павла Ивановича на бюро. Думаю: ну все, пропал мужик, опять в бригадиры переведут. День нет, два. На третий является.

— Засучивайте, — говорит, — мужики, рукава, «Авангард-то» к нашему колхозу присоединили...

РАЦУХА

Из-за меня, дурака, считай, мы Пашки-то Белоглазова лишились. А какой слесарь был! Не только в нашем колхозе, в районе таких слесарей не было. Да что там район, во всей области, если десяток наберется, так и дай бог. Ничего у него от рук бывало не отобьется: ни доильные аппараты, ни тракторные двигатели, ни котлы паровые, ни тем более наши фермерские железки. Что угодно починит. Да мало того, еще и гарантию даст.

А все началось с того, что попросил я его однажды центрифугу покрутить, когда делал контрольную дойку и определял жир в молоке. Должен сказать, что процедура эта долгая, нудная, да к тому же и не безопасная, потому что дело имеешь с концентрированной серной кислотой. Сначала в жиромер заливаешь эту самую кислоту, потом пробу молока, потом изоамиловый спирт, потом закупориваешь жиромер пробкой, потом греешь его в водяной бане, потом закладываешь в центрифугу и крутишь ее минут десять. Опять греешь его в теплой воде, и уж только после этого в нем над темной жидкостью появляется желтый столбик молочного жира. Вот и канителишься...

Пашка смотрел на меня, смотрел, а потом спрашивает:

— Это сколько же крутить-то?

— Считай, — говорю, — в центрифугу входит двадцать чептыре жиромера, а коров у меня полторы тысячи.

— Чекнуться можно! — изумился он. — Неужели попроче ничего сообразить нельзя?

— Сообрази, если можешь...

И что вы думаете? Забрал у меня он все справочники, взял отпуск, закрылся у себя в сарае и через месяц приходит на ферму с чемоданчиком. Открывает его, сует провод в розетку, достает пробирку и говорит мне:

— Наливай молоко!

Ну, я налил. Конечно, усмехаюсь, потому что знаю: ничего у Пашки не выйдет. Сотни, а может, тысячи специалистов-животноводов думали над тем, как упростить жиросодержание, и ничего ни у кого не получилось.

А Пашка, между тем, сунул пробирку с молоком в свой чемодан, нажал кнопку, и стрелка на шкале от старого мотоциклетного спидометра остановилась на тридцать седьмом делении.

— Пожалуйста, — ухмыльнулся он. — Три и семьдесят две сотых процента. Можешь проверить на своей шарманке.

Я, разумеется, проверил. Жирность в молоке точно совпала с Пашкиной.

— Наверно, не веришь? — спросил он у меня.

— Конечно, не верю. Вот если у тебя сто проб сойдется, тогда еще куда ни шло. А так кто же тебе поверит: считай, у половины моих коров жирность три и семь десятых...

— А по мне, так хоть у всех проверяй. У меня как в аптеке.

— Ну, давай, давай...

Я начал проверять пробы за Пашкиным прибором и не поверите: все у меня сходилось тюгелька в тюгельку. Не успею я еще и кислоту в жиросодержатели налить, а Пашка уже кричит:

— Первая проба, три семьдесят шесть, вторая — четыре и одна сотая, третья — три и двадцать четыре сотые... Бракуй чертям свою корову, совсем одной водой доит... В четвертой пробе три и девяносто пять сотых...

Я вовсе выбился из сил и на двести сороковой пробе махнул рукой.

— Сдаешься? — подступил ко мне Пашка.

— Сдаюсь... — озадаченно ответил я.

— То-то и оно. Если хочешь, я и сливки могу проверить.

— Сливки?

— Раз плюнуть.

Я черпанул в пробирку из фляги отстоявшихся за ночь сливок.

— Двенадцать с половиной процентов, — через секунду сообщил Пашка и снисходительно похлопал меня по плечу.

— Может, ты и сметану можешь замерить? — осведомился я.

— Сметану не могу, шкалы не хватит. На ней, гляди, всего сто сорок делений. А для сметаны надо, наверно, двести или того больше. Но если тебе надо для сметаны, то могу и это устроить. Только спидометр тогда не от мотоцикла, а от самолета надо...

— Ну и ну, — почесал я в затылке. — Как ты додумался-то?

Пашка пожал плечами.

— Чего думать-то... Вот фотоэлемент, вот лампочка, вот твоя пробирка с молоком между ними.

— Ну и что?

— А то. Жир-то в молоке в шариках или нет?

— Ну, в шариках.

— А раз в шариках, то чем их больше, тем света меньше падает на фотоэлемент и наоборот. Врубился?

— Врубился, — ответил я, невольно переходя на Пашкину терминологию.

— Фотоэлемент соединен со спидометром. Все проще пареной репы...

— Да если это все так, тебя же деньгами завалят. Ты понимаешь, чего сделал?

Пашка опять пожал плечами.

— Я на деньги не жадный.

— А слава?

— Мне и на славу наплевать. Главное, вам мороки не будет. А то каждый месяц крутите. Озвереть можно...

Пашка запаковал чемоданчик и широким жестом положил его мне на стол.

— Пользуйся моей добротой!

— Да ты что, дурак? Вези его в Областное управление сельского хозяйства. Тебе там за такое изобретение на «Москвич» или даже на «Жигули» дадут...

— Что у них там валяются деньги-то?

— Да не в этом дело. Ведь с этим прибором тысячи людей на фермах освободить можно. Ты посчитай: в каждой области триста-пятьсот колхозов и совхозов. Стало быть, столько же и людей занято жиросепарацией. А по Союзу? А еще молокозаводы? А кислоты сколько сэкономятся, спирту изоамилового, центрифуг, электроэнергии... Да ты, дурак, все молочное дело перевернешь со своим прибором, тебя десятки людей благодарить будут, на руках носить...

— Так уж и десятки...

— Конечно, даже сотни тысяч! Ведь все, как мы, маются с этим жиросепарацией. А тут человека на район поставь и, пожалуйста: один справится.

Пашка недоверчиво покосился сначала на меня, потом на прибор и поглубже натянул на голову свой замасленный картуз.

— Давай, давай, не раздумывай. Завтра же забирай свой прибор и в отдел животноводства. А я тебе бумагу напишу, что прибор опробован в производственных условиях и дал отличные результаты...

Уговорил, в общем, Пашку.

Уехал он и как в воду канул: неделю нет, две, три... Потом прибегает ко мне его мать, Нюра Васиха, и давай ругаться.

— Ты, — кричит, — грамотный, а чему Пашку-то, сына мово, научил! В кутузку парня законопатил ни за что, ни про что...

— Как в кутузку?

Нюра пошарила в юбках, вытащила письмо и помахала им перед моим носом.

— Гляди вот, любуйся! Я тебя за хорошего человека почитала, а теперь тыфу! И не подходи больше, когда доярки твои заболели. В жизнь подменять не пойду...

В письме Пашка сообщал, что осужден на пятнадцать суток за хулиганство. Оказалось, что своим аппаратом он разбил кому-то голову.

Это было настолько невероятно, что я решил на другой же день поехать и все разузнать на месте, а может, и помочь чем бедному Пашке.

Искать заведение, где отбывал он свой срок, долго не пришлось. Оно оказалось рядом с автовокзалом. Да и упрасивать о свидании тоже никого, к счастью, не потребовалось. Пашка, весело насвистывая какую-то городскую, незнакомую мне песню, чинил в заведении электропроводку.

— Павел, расскажи, чего вышло-то? — спросил я, протягивая ему пачку сигарет.

Он закурил и пожал плечами.

— Тут и рассказывать нечего. Которому ты бумагу-то написал в областное управление, его на месте не оказалось: в командировку куда-то отправили...

— Ну?

— Я уж было обратно собрался, а тут и подвернулся этот брюхан-то рыжий.

— Какой брюхан?

— Ну, Деревянко-Перекобыльский-то, что у них там этой рационализацией заведует. Спрашивает, чего, мол, у тебя, не рацуха? Рацуха, говорю, вот прибор сделал, жир в молоке определять.

Он на меня посмотрел, как на дурака, и закатился хохотать. Лучше бы ты, говорит, сюда вечный двигатель привез, или еще чего почуднее. За границей все ученые над этим делом уж сто лет бьются, и то ни хрена не получается...

Тут я, ни слова не говоря, р-раз ему твою бумажку-то в зубы. У него сразу весь смех прошел. Залезбил передо мной, забегал, прямо так и стелется. Заташил в свой кабинет, в кресло усадил, чаем поить начал. Потом давай мне всякие глупые вопросы задавать, мол, что такое молочный жир?

— Че вы, масла коровьего не видали, что ли? — спрашиваю. — Молочный жир — масло коровье и есть, по три двадцать...

— А что еще тебе по составу молока известно? Чего еще в нем есть?

— Это любому дураку известно: обрат да сыворотка.

— Эх ты, — говорит, — темнота, в молоке-то больше сотни всяких соединений: и белки, и кислоты, и витамины, и микроэлементы, и аминокислоты. Даже золото есть, сколько-то там миллионных долей.

— Ну и что?

— А то, ты же, в случае чего, не сумеешь все это объяснить-то комиссии.

— Мне, говорю, и объяснять нечего. Раз вы знаете, вы и объясняйте.

Гляжу, обрадовался он. Приборчик мой к себе под стол пихнул, а в бумагу-то рядом с моей свою фамилию записал. Потом сбегал куда-то, по плечу меня похлопал и шепчет на ухо:

— Надо еще, слышь, Петра Петровича в бумагу-то включить, он эффект какой-то считать будет...

— Мне что, говорю, включай.

— Семена Феоктистовича обходить неудобно...

— Пиши и его.

Записал, в общем, он и Петра и Семена, и еще сколько-то человек. Дал мне бумажку в гостиницу.

— Жди, говорит, мы теперь это дело быстро обтяпаем.

Я заселился, жду. День жду, два, три... Потом деньги у меня кончились. Прихожу в контору-то, так, мол, и так. Тут один чернявенький похлопал меня по плечу и говорит:

— Не мучайся, парень, езжай домой. Потому что они на приборчик твой уж и патент получили, и денежки...

— Как получили?

— А так вот, молча, по тысяче рублей...

Ну, я к этому Деревянко-Перекобыльскому. Захожу. Он заюлил, завертелся, заизвинялся. Конечно, говорит, маленько неудобно получилось, потому что ты в списке оказался одиннадцатый. Начальство и вычеркнуло тебя, чтобы, значит, у всех сумма-то не дробленая получилась. С ним ведь, слышь, не поспоришь, с начальством-то...

— А ты, — спрашиваю, — получил?

— Получил.

— Ну, так дай мне хоть на дорогу сколько-нибудь.

Он руками развел. Всей бы, говорит, душой, да нет с собой ни копейки. У нас деньги-то в руки не дают, а на книжку сразу переводят. Порядок такой...

— Да за такие штуки! — взвился я. — Ему прямо по морде надавать надо было!

Пашка тяжело вздохнул.

— Так оно и получилось... Как стал я прибор-то забирать, этот Деревянко-Перекобыльский вцепился в него, заверещал, будто кастрировать его собираюсь, да еще и лягаться начал. Тут я и не выдержал...

— Так, может, сходить мне к начальнику милиции-то, я ходатайство от колхоза вот привез насчет тебя.

— А зачем?

— Ну, чтобы тебе сбавили срок-то.

— А чего его сбавлять-то. Он у меня неделю назад кончился.

— Погоди, а домой-то чего не едешь? — изумился я.

— Как чего? Работаю здесь. Начальник-то милиции, как узнал, кто я такой есть, так мало того, что срок мне скостил, а и к себе на работу оформил. Я теперь в два раза больше получаю, чем в колхозе-то, да и работа у них не бей лежачего. Не то, что у вас: всю жизнь по ворот в грязи да в навозной жиже...

НЕУЛОВИМЫЙ ЛЕВА

Господи ты, боже мой! Кого только не ссылали в это район: и карманников, и домушников, и растратчиков, и тунеядцев, и проституток. А мне на ферму даже политического подсунули, Леву Гольца, и тут же жирность молока на этой моей ферме рухнула наполовину.

Леву я застучал ранним утром, когда он консервной банкой счерпывал сливки с молока вечерней дойки.

— Приятного аппетита, — говорю ему, — я не знаю, как там в ваших израильских кибуцах, а у нас за такие штуки ведро с коровьей мочой на голову и коленом под зад. Традиция такая. Так что сам попросишься из сторожей в другое место или традицию соблудности?

Ну и помучились с ним потом в стройбригаде! Если чего-нибудь обмывать — Лева первый. А если работать, так он петухом и закукарекает. Целых два года кукарекал, а как откукарекался, уехал в Москву и сделался там писателем. Правда, фамилию свою почему-то с Гольца на Гольцева поменял. И вот, хотите верьте, а хотите нет, вскоре настолько знаменитым сделался, что по западным радиостанциям только про него и слышно: посмотрите-де, какой этот Лева Гольцев страдалец за правду-матку, с каторги, можно сказать, не вылазит. А то, что Лева иностранными шмотками в райцентре спекулировал да детишек нашей дуре медичке наклепал,

---

да нас же, колхозников, и обзывал в своих книжках всякими нехорошими словами, — об этом на радиостанциях почему-то ни гугу..

Шире-дале, через некоторое время слышим: Лева наш до того дописался, что уж и в Москве ему якобы тошно жить сделалось. Никакой, говорит, свободы и демократии у этих «совков» нет. Один сплошной зажим. Мои, слышь, книжки всего по три раза в году печатают, да и то не массовым тиражом. В общем, уехал Лева за границу и оттуда еще пуше на нас клепать стал. И такие-то мы, и разэтакие, и лапотники, и навозники, и рабы, и вообще первобытные люди. И цари-то у нас придурки, и Сталин-то людоед, и писатели-то наши — дебилы. Но, говорит, если мы его, Леву, слушать будем, то он все же берется сделать из нас каких-никаких завалыщих людишек. Для этого, слышь, не особо много и надо. Главное, вышибить из наших голов всякую дурь про родные березки да осинки, да положить в это место доллар, да одеть на нас американские штаны, обуть в английские башмаки, да маленько подсыпать в наши пустые головы общечеловеческих ценностей — вот тогда, может быть, что-то и получится.

Наши мужики слушали, слушали да мне и говорят:

— Ты, Колька, вроде в газетки пописываешь и начальство поругиваешь, стало быть, по теперешним временам тоже какой-никакой писатель. А раз ты писатель, то кончай свое начальство поливать, а накатай клязу на Леву, потому что он хуже и вредней любого нашего начальника, а может быть, и самого управляющего по мелиорации, который до того всю землю в нашем Замотаевском районе исковырял, что по ней даже и пешком пройти невозможно. А Петька Сопелкин, как в отпуск поедет в Москву, и свезет клязу в какую-нибудь газету.

Накатал я клязу, увез ее Петька Сопелкин и приезжает с пустыми руками. Так и так, говорит, везде я был, но нигде клязу не взяли. Да еще мало этого, меня же вместо Левы и обвиняют. Говорят, что я национальную розню поджигаю, и за это меня надо или на Колыму отправить, или, еще лучше, к стенке поставить...

— Ну а ты? — спрашивают мужики.

— А я обозлился и говорю: может, вашего Леву на Колыму-то, он же первый на нас бочку-то покати!

— А они?

— Эх ты, темнота! — говорят. — В политике ни хрена не волокешь, потому что свободы и демократии не нюхал, не говоря уже о правах человека и гражданина...

В общем, целую неделю ходил я, мужики, по всяким газетам и ни хрена не выходил, потому что кругом там Петровы,

---

Ивановы да Сидоровы, но от всех как бы нашим Лево́й ма-ленько припахивает, и нигде никакой видимости нет.

Задумались мужики, и тут встает Васька Устюжанин и говорит:

— Хошь не хошь, а, видно, испуг надо делать. Тогда, глядишь, может что и прорежется. Я, когда в загранку ходил, женился на одной бабенке в Одессе. Семья вроде хорошая, все тихо, мирно, благородно, а чую, что нерусским духом вроде бы отдает, и от этого жить мне все тяжельше и тяжельше. Тут вот и попадает мне на счастье кореш один из наших, из вологодских. Ну, выпили с ним, за жизнь толковать начали. Вот, говорю, Мишка, какое дело-то у меня: ежели со стороны смотреть, дак все хорошо и лучше не надо, а ежели поглубже копнуть, дак хоть с кормы да вниз головой.

— А что такое? — спрашивает он.

— Да и сам не знаю, давит и давит что-то.

— Видимость есть какая-нибудь?

— Нет никакой видимости, и слышимости тоже нет, а жить невозможно.

— Может, факты какие наблюдаются?

— И фактов нет, кроме того, что у меня от моих шестисот рублей, не считая валюты, даже на носки не остается, хотя и пить перестал и даже курить бросил.

— Тогда дело хужее, — говорит Мишка, — тогда испуг надо сделать. Погляди, может, что после этого и прорежется. А ежели не прорежется, дак бросай все к чертовой матери и бежи куда глаза глядят, потому что, если у тебя от шестисот рублей в месяц, не считая валюты, даже на носки не остается, то ты не туда пришвартовался, не к тому причалу.

Послушал я его. Пришли как-то с Кубы, пришел я домой, снял со стены двустволку, да к-как жажну в потолок из обоих стволов. Кто, говорю, в доме хозяин, суки? Тут вот все и прорезалось. Из моей комнаты от моей жены какой-то гад с вытаращенными глазами выскочил прямо в окно. Жена в обморок, а теща с тестем ни с того, ни с сего вдруг не на нашем языке залопотали и за чемоданы схватились. Оказывается, они на мои денежки то ли в Израиль дернуть давно собирались, то ли еще куда...

Так что, Петька, для меня такое дело оформить — раз плюнуть. Поехали прямо к Ле́ве. Говорят, что он недавно из-за бугра вернулся обратно в Москву и уже журналом каким-то там заворачивает.

Ну, приезжают они в тот журнал, заходят к Ле́ве. Васька Устюжанин берет его сразу за рога.

— Ты, — говорит, — или напечатаешь нашу статью, или сейчас же мы к твоей бабе поедем, и двух детишек твоих ей подвалим. Они у нас тут в скверике сидят.

Лева заюлил:

— Ах, какая встреча! Ах, дорогие друзья по каторге! Да в чем дело? Да мы вашу статью хоть отдельной брошюрой, хоть в первом номере на первой полосе. Пожалуйста, хоть сто пудов...

Потом коньяк достал, угощать начал. А наши сдуру-то и ахнули по стакану, потом по второму. А потом Петька Сопелкин целоваться к Лева-то полез. Мы, говорит, все тебе прощаем, раз такое дело: и то, что ты петухом кукарекал, когда мы вкалывали, и то, что медичке ребят наклепал. Даже, слышь, и фамилию не твою, а другую в статью-то вставим, потому что ты нам теперь друг, товарищ и брат. А что первобытными людьми обзывал нас в своих книжках и в заграничные штаны всех собирался одеть — так, может, это и правильно. Сам знаешь: живем-то в лесу, а молимся-то колесу.

Тут Лева вроде бы за второй бутылкой потянулся, а сам раз, и нажал кнопку под столом. Влетают два милиционера с пистолетами и хлобысь Петьку Сопелкина и Ваську Устюжанина в кутузку. Тут Петька и спрашивает у Васьки:

— Каково наш друг, товарищ и брат нас оформил, а?

А Васька зубами заскрипел и говорит:

— Все равно я заделаю этому Лева козью морду!

Ну, освободились они. Приехали домой. Васька берет медичку вместе с детишками и бац — прямо к Лева на квартиру. Только того и след простыл.

— Опоздали малость, — говорят соседи. — Лева опять за бугор смотался, лекции в их университетах читать...

НА ПРОМЫШЛЕННУЮ ОСНОВУ

Все началось с того, что начальник управления Шаврин сунул нам в колхоз своего брата, когда наш-то старый председатель на пенсию ушел. Ну и пошел тот, как говорят, все «через колено» ломать. Всю жизнь в профсоюзе просидел, сельское хозяйство и не нюхал, а туда же: давай, чтобы все по его было. Специалистов поразогнал, севообороты сломал, урожайность с тридцати центнеров до десяти свалилась. У нас, у животноводов, само собой, кормов не стало, а раз кормов не стало, надои, привесы упали, зарплата у людей — тоже. Ну и побежал народ из колхоза. Раньше, бывало, у меня на ферму в очереди стояли, а тут дело до того докатилось, что я, главный зоотехник, как плохой бригадиришко, только и делаю, что по деревням мотаюсь да всяких пьянчужко-подзаборников собираю, чтобы коров подоить...

Дальше — еще чище: соломы и той до весны не стало хватать. Коровы настолько отошали, что без посторонней помощи даже растелиться не могут. Ну а если и растелятся, телята тут же дохнут, потому что молока-то нет. От трех-четырех коров едва одному теленку на выпойку наберешь...

Ну, пошел, значит, падеж. Составляем с ветеринаром отчет и не знаем, в какую графу все это заносить. Записать в падеж — ветеринара посадят, записать, что коровы не стельные оказались, — меня как зоотехника потянут. Вот и мудрим сидим по неделе: то абортотв припишем, то этих дохлых телят в мертворожденные поставим... Отправим отчет и трясемся неделю. Приедет прокурор или не приедет? Не приехал и ладно, опять до следующего отчета перебиваемся...

Доехали вскоре до того, что в колхозе, как говорится, собака нечем выманить стало. Шаврин-то уж с братом и смикитили комплекс у нас строить. В общем, все как в анекдоте про три письма. Наверно, слышали? А если кто не слышал, так расскажу. Выгоняют с работы одного председателя, ставят другого. Ну, этот, другой-то, и спрашивает первого: мол, что делать-то, когда райком жать начнет? Тот ему и передает три письма. Первое, говорит, вскрыешь, когда трудно будет, второе — когда очень трудно, а третье — когда невыносимо трудно... Ну, работает председатель, дело окончательно разваливает, потому что того, первого-то, не лучше нисколько: из профсоюза, что ли, взят, вроде нашего, или с жилкомхоза, не знаю. Три года прошло, потянули его на бюро. Струсил он и решил первое письмо вскрыть. А там всего одна фраза: вали все на меня... Сообразил председатель и пошел на бюро костить своего предшественника: такой, мол, он и растакой, и все дело развалил, а я, мол, теперь у разбитого корыта, тяжело, мол, поднимать-то, дайте время... Дали ему еще время, да только мало толку: дела все хуже и хуже — ума нет, так с боку не повесишь... Председателя опять на бюро. Вскрывает он второе письмо, а там теперь уже всего два слова: разворачивай строительство. Ну, председатель опять духом воспрял. Бьет кулаком себя в грудь, на бюро-то. Дайте, мол, мне денег, стройматериалов, людей, тогда я всем нос утру. Через три года в передовиках буду. Поверили ему и в этот раз. Дали, что просил. Нагородил председатель новых коровников, телятников, свиарников, всяких других помещений наворочал. А все равно — ни молока, ни мяса, ни шерсти не прибавилось. Тогда приглашают его на бюро в третий раз. Делать нечего. Открывает он третье письмо, думает, еще какую-нибудь зацепку в нем найдет. Увы! На бумажке написано: готовь три письма...

Ну, я, конечно, начал писать везде, жаловаться. Не нужен, мол, нам этот комплекс, только зря три миллиона народных

денег угрожаем. Лучше бы, мол, старые фермы подремонтировали, они бы еще послужили, да председателя сменить... Только куда там! Вызвал меня начальник управления, брат-то Шаврина, да и намекает: супротив, мол, политики партии прешь, как бы, мол, чего не вышло... Вишь куда выворачивать начал! Ладно, думаю, пропадите вы пропадом, когда миллиарды кобелю под хвост летят, так уж три миллиона ничего не составляют...

Вот под Новый год как-то вызывает меня начальник и говорит: езжай в район, встречай председателя Государственной комиссии. Я обрадовался. Думаю, раз человек из самой Москвы, так все на место поставит.

Фигушки! Приезжаю в гостиницу-то, а уж с ним, с председателем-то, наш «Межколхозстрой» поработал. Крепко поработал к тому же: весь номер пустыми бутылками усеян, а сам-то председатель спит прямо за столом и буйная голова в тарелке с салатом лежит.

Ну, все, думаю, раз такое дело, то и моя голова пропала. На комплексе-то родильное отделение еще и до «нуля» не выведено, гидроизоляция на лотки не положена. Стало быть, навоз-то самосплавом не пойдет, как в проекте предусмотрено, а весь в коровнике останется, все к чертовой бабушке утопит. Да и доильные-то установки еще не смонтированы, и проходы между кормушками заужены так, что не только на тракторе с кормораздатчиками, на лошади с телегой не проедешь.

Расталкал я его кое-как, заташил в машину, стекла все открыл, может, думаю, выветрится из него хмель-то. И правда, вскоре соображать стал маленько, глазами мигать. Только толку-то что? Как доехали до колхоза, «Межколхозстрой» его опять под белые руки, да в столовую, да в «литерный» зал, да опять угощать. В общем, вышел он оттуда еще чище, чем был. Даже по комплексу-то и то под руки водили, только что ноги не переставляли. И смех, и грех! Поводили эдак-то его, поводили, потом акт подсунули, на голову ондатровую шапку надели, вместо его кроличьей, на плечо ружье повесили с гравировкой: «Такому такому-то от таких-то, в честь пребывания в Замотаевском районе». Потом в машину затолкали.

Поглядел я на него и думаю: подлец ты, подлец! Три миллиона на шапчонку да на ружье променял. Да хоть бы ружье-то хорошее было, а то так себе. Мешалка, как у нас, у охотников, говорят. Свиную болтушку только и годится мешать...

Ну, делать нечего, повез я его обратно. Привожу в райцентр, в гостиницу, а там шиш — не принимают его, потому как мало того что пьянехонек, еще и ружьем махается, так и норовит кого-нибудь прикладом по голове гвоздануть. Я его в другую гости-

---

ницу — и там такая же история. Хватит, говорят, с нас одного председателя: приехал, слышь, колбасный цех принимать, а сам вторую неделю пьянствует, весь этаж ходуном ходит...

Куда деваться? Повез я его к себе домой, не на дорогу же выбрасывать. Заташил в дом кое-как, уложил на диван, а не увидел, что на поясе-то у него патронташ. Оказалось, подлецы-то строители не только ружье ему всучили, а еще и патронташ с патронами пристегнули. Только мы все заснули, он вскочил, да и давай в форточку палить, в белый свет, как в копеечку. Мать честная! Я кое-как скрутил его, повязал ремнями. Тут и участковый. Забрал его вместе с ружьем, да в милицию. Ну, думаю, ладно, туда и дорога.

Ан, нет! Чуть свет прибегают обои Шаврины, да на меня чуть не с кулаками. Ты что, кричат, растакая мать, как позволил участковому-то его забрать, посадят теперь человека. Сейчас же езжай в район да скажи в милиции-то, что, мол, это ты стрелял, а не он. Ты охотник, тебе ничего не сделают...

Поехал я, как дурак. Приезжаю в милицию-то, так, мол, и так. Я это стрелял, а не председатель, ружье, мол, у него пристреливал... А начальник милиции посмотрел на меня эдак пристально и спрашивает:

— Так пошто ты в окна-то главного агронома пристреливался, да еще ночью?

Я, говорю, в другое место целился, да больно шибко рассеивает ружье-то...

— Ну, слышь, раз шибко рассеивает, так давай, голубчик, сдай и его, да и билет охотничий и садись на пятнадцать суток...

Ну, отсидел я, конечно. Вышел, мать честная! Уж лучше бы меня совсем не выпускали. Коровы на комплексе уже неделю не доены, не кормлены и по брюхо в жиже стоят. Некоторые и телятся прямо в этой жиже. А моя бывшая рекордистка Слава вообще под пол, в навозохранилище, провалилась, и все кости себе переломала. Я — к Шаврину, едва не со слезами. Давай, говорю, делать чего-нибудь, пока все стадо не погубили. А ему хоть бы хрен по деревне: строители, слышь, пусть доделывают, а у меня средств нету...

Слава богу, хоть выкинули его вскоре. Мы с новым председателем кое-как подправили все, сохранили коров. А «Межколхозстрой» как ушел, так и глаз с тех пор не показывал. Говорят, в соседнем колхозе теперь такой же, как у нас, комплекс лепит...

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Подхожу к какому-то городу, гляжу: народ в него со всех сторон валом валит. Кто на машинах, кто на тракторах, кто

на телегах, на мотоциклах и велосипедах, но больше пешком. Все нарядные.

Пристроился к толпе мужиков, спрашиваю:

— Праздник, что ли, в городе у вас?

— Праздник.

— Какой?

— Презентация.

— Что-то не знаю такого. Троицу знаю, Пасху, Вознесенье, Николу, День Победы, Первомай, а такого ни в советских, ни в церковных святцах вроде и нет.

Засмеялись мужики.

— Темнота. Теперь вот американский у нас добавился.

— Да откуда?

— А наши им авиационный завод продали, а они его под «сникерсы» переделали. Сегодня открывают. Шоколадки всем бесплатно будут раздавать да еще чего-нибудь. Это вот и называется презентация.

— Большой был завод-то?

— Ба-альшой: и под «сникерсы» хватило, и под кошачий корм, и под ихнюю водку, и даже под презервативы...

Вышли на главную улицу, а там народищу — не протолкнешься. Посреди военной духовой оркестр идет, американский гимн во всю ивановскую шпарит. Наш полковник задом перед ним пятится, палочкой помахивает. За оркестром целый батальон полуголых девиц в шляпках с перышками. Дальше идет машина с прицепом: а на нем лежит огромный, как строительная плита, «Сникерс». На этом «Сникерсе» опять же полуголые девки пляшут да шоколадки в народ раскидывают. Мужики по пять штук ухватили. А я ни одной, потому что на тротуар меня затолкали. Гляжу: идет вторая машина. В кузове бочка блестит чуть поменьше силосной башни, а на этой бочке скелет человеческий нарисован в черной шляпе. Под ним написано: «рашен водка».

— Отраву, отраву везут! — заорали бабы. — Мужиков наших травить!

А мужики хохочут, вперед продираются, закуску из карманов достают и кричат:

— Дуры! Нас Чернобылем не могли отравить, а водкой разве отравят?

Но тут и я не сплеховал: поймал пару банок американской водки да еще пакетик с розовыми шариками. Отошли с мужиками на газон. Выпили. Стал я этими шариками закусывать. Они смеются.

— Это же таблетки противозачаточные, дурак!

И дали яйцо вареное. Закусил.

Хороводом ходили уже почти голые девицы и пели. Но что пели, разобрать было невозможно, потому что на площадь уже хлынула многотысячная толпа безработных с камнями. Первой их жертвой сделался полковник-капельмейстер. Его излупили, и оркестр тут же грянул «Интернационал». Под его звуки стали лупить полуголых девиц. Потом толпа навалилась на машину и под крики: «раз—два взяли! Еще взяли!» — машину завалили набок. Гигантский «Сникерс» оказался бетонной плитой обернутой в фольгу. К машине с водкой бросились бабы, но опрокинуть ее не сумели.

Вскоре послышалась стрельба. Я сунулся было за угол многоэтажки, но не успел. Череп мой вроде бы раскололся на несколько частей, а из глаз брызнули разноцветные геометрические фигурки. Очухался под вечер. Лежу на газоне. Вокруг никого нет. Только пустые банки из-под водки валяются да обертки от «сникерсов».

«ЦЕЛИТЕЛЬ» В АКВАРИУМЕ

Проснулся я в родной стихии. Справа от меня орала полудохлые быки, а слева... слева спали какие-то странные люди. Один был в зимней шапке, но босиком, второй в лакированных туфлях, но без штанов, в каких-то женских рейтузах, у третьего были штаны, но рубахи не было. Ее заменяла какая-то драная жилетка. Четвертый был в шляпе, при часах и даже в перчатках, но почему-то в женском платье... Все были связаны цепью.

«В психушку попал, не иначе, — сообразил я, — или сплю?» Ущипнул себя за ухо. Нет, не сплю. Ничего вокруг не изменилось. Только быки начали орать еще громче, а в кормовом проходе появился скотник и, трехэтажно матерясь, принялся швырять вилами в кормушки гнилой силос.

Заметив, что я проснулся и загремел цепью, он бросил вилы, ушел куда-то и вернулся с молотком и зубилом.

— Сейчас освобожу. Лежи знай, не дергайся. Целитель, мать-перемать, а пьешь, с кем ни попадя.

— Я — целитель? Да ты в уме ли, дядя?

— А кто же? По всей округе давно слух разошелся: целитель со святых мест идет и всех подряд вылечивает, хоть скотину, хоть людей. Правда, чего теперь людей и лечить: скотина намного дороже. А чтобы выручить тебя, под утро прибежала баба со Знаменки, где тебя ихний ветеринар опоил, да и сдала цыганам. Не помнишь разве?

— Нет. А за что опоил-то?

— За то и опоил, чтобы ты не шастал в его зоне. Ты-то за табак да за похлебку лечишь-кастрируешь, а он в обои карманы гребет. Хоть вылечил, хоть не вылечил, а пенсию отдай.

— П-понятно. А цыгане-то при чем?

— Тута теперь, парень, заместо Советской власти во всем Подмоскovie они хозяйничают, — почесываясь, продолжал скотник.

— Как это?

— А больно просто: заключат договор с директором или председателем, наберут в Москве «бомжей» по вокзалам да по свалкам. Те и работают за блюдо похлебки. А потом, как работу сделают, цыгане денежки за них за всех получают, с начальством маленько поделаются, да и поминай, как звали. А эти «бомжи» в конторе поорут, руками помахают и разбегаются обратно по вокзалам да по свалкам.

— А в суд?

— Какой, парень, суд! У них же документов-то нету, да и в розыске многие... Иди теперь с богом, только в Мордасово не заходи.

— Почему?

— А милиция у нас шибко шалит.

— Строгая, что ли?

— Какое строгая. Грабят чужих и своих, преступления на правых людей вешают...

«Перепил, видно, дядя тоже вчера», — не поверил я и побрел прямо. Однако и трех километров по трассе пройти не успел, гляжу: догоняет меня «уазик» с мигалкой, вылетают из него два милиционера, хватъ меня за бока и на заднее сиденье.

Привезли в это самое Мордасово. Город не город, деревня не деревня. На площади Ленин с протянутой рукой. Около него базарчик. Южане яблоками да жвачками торгуют. Тут же и милиция, а за ней — кладбище. Мне совсем нехорошо сделалось от такого соседства.

Пихнули в КПЗ. Сидит в нем на нарах кудрявый малый, музыку через наушники слушает и сам с собою в шахматы играет. Посмотрел на меня, спрашивает:

— Умеешь?

— Маленько умею, да не до того мне.

— А что такое?

Рассказал ему.

— Плюнь, — говорит, — на это дело и здоровье береги. Раз у тебя денег нет — не посадят.

— А тебя за что? — спрашиваю.

— Меня за деньги. Я американский спирт «Рояль» по де-

ревням развозил, а потом деньги собирал да шефу в Москву отвозил. Набрал однажды сто «лимонов», тут и ограбили прямо на дороге. Я к ихнему начальнику. Тот смеется:

— Прогулял, говоришь, денежки-то?

— Нет, твои менты ограбили.

— Нет, прогулял!

Он мне целлофановый мешок на башку. Две минуты подержал.

— Прогулял?

— Прогулял, прогулял, — маячу.

— Ну, то-то, подпиши бумагу-то.

Не успел я малого дослушать, кричат:

— Выползов, на допрос!

Заводят к начальнику. Тот улыбается, руку мне жмет, как родному. Ты, говорит, неподалеку позавчера дачу сжег у нашего областного начальника. Бумагу подпиши, пожалуйста, вот тут, тут и тут...

Я тоже заулыбался и говорю:

— Ошибка ваша, товарищ майор. Не мог я ту дачу сжечь, потому что в колхозе на ферме ночевал, скотник может подтвердить.

— Ну, тогда и скотника в сообщники запишем, — еще душевнее заулыбался майор. — Групповая получится... Подпишешь?

— Нет, не подпишу.

— А плавать умеешь?

— Умею. На подлодке служил даже через торпедный аппарат выброситься смогу, если глубина небольшая.

— Мышкин! — закричал майор в микрофон.

Гляжу, выходит пьяный в стельку мордovorot.

— Сведи его в аквариум, — кивнул на меня майор.

Мордovorot взял меня за шкирку и приволок в какой-то бетонный закуток, без нар и без окон, только труба какая-то сверху торчит.

Дверь захлопнулась. Слышу, вода зажурчала. Вспомнилась ни к селу ни к городу какая-то школьная дурацкая задачка: из куба «А» в куб «Б» переливается вода... А она, вода-то по колено уже. Выше, выше. Уж и пол ногами не достаю. Начал плавать, потолок слышу темечком. Конец, думаю, утопят. Молитву бабушкину шепчу: «Богородица, дева радуйся, благодатная Мария, Христос с тобой...» А дальше-то не знаю, забыл. Попробовал другую: «Во имя Отца и Сына и Святого духа...». Тоже не помню. А уже захлебываться стал. Тут люк вверх открылся. Я башкой туда, как торпеда. А там майор сидит на корточках, хохочет, как в цирке:

— Подпишешь? — спрашивает.

Я воду выблевал, башкой мотаю:

— Подпишу.

— Ну, то-то. Тут, видишь, дело-то какое. Дачу-то генеральскую сыновья его же с потаскухами по пьянке сожгли. Сауну не выключили. Да ведь если их впутать, так страховку шефу-то не дадут. Понял?

— Понял. На сколько посадите?

— Да не посадим, что мы, не люди разве? Ты же ее случайно сжег-то, не так ли? Мимо шел да окурок случайно бросил в сухую ботву. Так ведь дело-то было?

— Так! Так!

— Ну вот, а ты, дурак, запирался. Счас воду спустят, обсушат тебя, стакан нальют: да и ступай с богом.

ЗЕМЛЯНАЯ «ЛЯХОРМА»

Вечером приплелся я в свое родное село и не узнал его. Дома все пустые, окна повывбиты, огороды и улицы крапивой да лопухами заросли. Ни коровка нигде не взмыкнет, ни петушок не закукарекает. Только одичавшие кошки из-под ног сигают в разные стороны. Колхозная контора тоже пустая. Дверь на одной петле. Причем на вывеске слово «свободный» зачеркнуто, а сверху подписано «напрасный». Так что получилось колхоз «Напрасный труд».

Черт знает что такое! Вроде и зона не Чернобыльская — Подмоскowie. Чума, что ли, прошла? Или холера? Или, грешным делом, свой дикий председатель завелся. Помните, был такой помещик у Салтыкова-Щедрина.

Однако помещика я не нашел, а нашел в самой крайней избе, со съехавшей до земли крышей, бабу Маню, старую-престарую.

— Как живешь, бабуля? — спрашиваю.

— Да так вот и живу, батюшко мой. Пока зерна маленько оставалось, дак молотком дробила да кашу варила, а напотом помирать легла. Молюсь перед смертью: очисти, боженька, очисти, да прими душу мою грешную. А тут и слышу под окошком:

— Очищу, бабка, очищу.. Только дай бычок докурю...

— А голос-то, батюшко мой, грубый, пропойный. Думаю, помлило перед смертью. Ан нет, заходит какой-то, да все у меня и очистил, даже могильное приданое и то забрал... Теперь вот собирать хожу в Мордасово. Пока подают...

— Народ-то наш куда подевался?

— А разбежался, батюшко мой, народ-то, куды глаза глядят. После жулика Мырина еще трое ли, четверо ли предсе-

---

дателей сменилось, а только все хуже и хуже дело... Тут вот и приехал этот сукин сын Кузькин. Надо, говорит, земляную ляхорму делать, разделиться всем на одиноличную жизнь. Ну и разделились. Он сам-то чего получил, поновее забрал, а остальным — че осталось. Нам с Дашкой Митихой телка да трубы, да зерна по три мешка досталось. Трубы дачники поворовали, а телку и до дому не довели: сдохла по дороге. Ну, на селе проели-пропили, кому чего досталось, а работы-то нет. Энтот, сукин сын, Кузькин опять приезжает. Мы, слышь, маленько перегнули с энтотой земляной ляхормой. Давайте, говорит, подписывайте под меня свое недвижимое, а я вам дом многоэтажный в Москве построю и работой обеспечу. Хватит, говорит, вам тута грязь месить. В столице жить будете.

Наши обрадовались, подписали. А энтот, сукин сын, деревню нашу сперва одному заводу под дачи продал, потом другому, напотом еще и фабрике какой-то. А сам скрылся.

Опосля его другой приезжает. Подписывайте, слышь, под меня землю, дак я сразу вашу деревню обратно отсужу. Подписали. И энтот скрылся, ни пены, ни пузырев...

— Так народ-то где, бабуля?

— Да, дачники-то с милицией приехали, с одного заводу, да и выселили всех. Сперва-то на складах да на фермах жили, судились, а напотом и разбежались кто куда.

— Ну а дачников почему нет?

— Дак судятся тоже, батюшко мой, теперь уже промеж собой. Сперва-то дрались... Заводские заселятся, фабричные их выгоняют. Заселятся фабричные — заводские их гонят. Побоище за побоищем шло. А теперя судятся. Третий год уж пошел на Ильин день...

НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ

Теперь бюрократу похуже стало: все, кому не лень, бьют да пинают. А может, его пожалеть надо, посочувствовать? Может, он не от хорошей жизни бюрократом-то сделался, а?

Вот хоть меня, к примеру, возьмите. Да, бюрократ я! И правильно меня в районной газетке жучат, правильно! Но вы сначала послушайте, как я им сделался, бюрократом-то, а уж потом ругайте и пишите хоть в областной газете, а хоть и по ящику показывайте...

Звонят, однажды, нашему председателю из района. Разнарядка, говорят, пришла, депутата от нашего колхоза надо. Только чтобы этот депутат не старше сорока лет был и чтобы двух детей имел: одного школьного возраста, а другого — дет-

---

садовского. И чтобы жена дояркой работала, а сам бы он или механизатором был, или слесарем, или, на худой конец, зоотехником. Да чтобы при всем при этом не пил и плясал бы в художественной самодеятельности...

Целую неделю председатель с парторгом головы ломали. Есть механизатор, но жена в полеводстве работает и ребенок у них пока один. У другого и жена доярка, и пляшет добро, но пьет, подлец. Третий по всем показателям подходит, но детей нет...

В общем так и эдак крутили и остановились на мне. А у меня будто сердце чуяло. Не хочу, говорю, быть никаким депутатом, потому что и без того работы полно. Да к тому же и в художественной самодеятельности не пляшу.

— Ерунда! — говорит председатель. — Жену твою в документах дояркой проведем, а что насчет художественной самодеятельности, так, по-моему, плясать тебя там все равно не заставят... Ты, самое главное, прием проводить будешь, уши не развешивай. Потому что народ в городе ушлый, не чета нашему деревенскому, на ходу подметки рвет. Так что лучше не впутывайся ни во что, а отвечай всем: мол, не представляется возможным, обратитесь по месту работы...

Ну, приехал я на прием. Только сел за стол, гляжу: вваливается в кабинет медвежьего вида дядя в серых чесанках и сует мне под нос заявление на клочке обоев. А в нем написано: «Прошу немедленно выделить мне отдельную квартиру, так как обладаю телепатией, от которой в бараке подыхает всякая скотина. В просьбе прошу не отказать, потому что второй год живу в бане у Васьки Бухарика, где евонный петух клюется, как сука».

В углу бумаги красовалась резолюция председателя исполкома: «Депутату такому-то, разобраться. По-моему, это больше по вашей зооветеринарной линии, чем по нашей, по исполкомовской».

Посмотрел я на мужика и тут же грешным делом не наказ председателя вспомнил, а нашего прокурора. Позапрошлой зимой дело было. Район наш план по молоку не потянул, а секретарь-то наш еще старой закваски. Вместо того чтобы за экономические рычаги дергать, он все за административные хватается. Чтобы поднять, значит, молоко-то, собрал бюро, да и разогнал все районное начальство по фермам. Кому военкома выделил, кому физкультурника, кому архитектора, кому пожарника. Ну а нам прокурор достался, будь он неладен! Въедливый, настырный. К другим-то эти уполномоченные или вовсе не ездят или уж если приедут, так ни во что не вмешиваются, а посидят в красном уголке, пару-тройку анекдотов дояркам расскажут — и айда обратно в райцентр. А

наш же целыми днями на ферме торчит, в каждую щелку лезет, в каждой бочке затычка. То скотину пересчитывает, то батогом молоко в молоковозе меряет, то с доярками зуб за зуб грызется.

Но беда-то не в этом. Пусть себе меряет, пересчитывает: от этого никому ни жарко, ни холодно. Беда в том, что он еще в период культа личности прокурором был, и с тех пор, видно, у него глаз нехороший сделался. Как бывало, на животину какую глянет, у той сразу понос и начинается. Сколько он телят у нас перепортил — и не сосчитать. Самое главное, никакие лекарства потом не помогали.

Вспомнил я про это дело и спрашиваю у телепата:

— Ты случайно раньше в судебных органах не работал?

— Нет, — отвечает, — это у меня природное...

Ладно, прихожу в барак. И в самом деле, все жалуются. Не человек, говорят, этот Митя, а чистый демон. У Дуськи-буфетчицы трех канареек приморил, у Нюры-Самоходки шесть кошек, у Пети Чинарика собака прямо в конуре сдохла, у Толи Хлястика клуша на яйцах очоурилась. Только, слышь, паразит, глазом моргнет и готово: любая скотина копыта отбрасывает. Вы, говорят, убирайте его из барака куда хотите, а то мы ему ноги повыдергаем, а спички вставим...

Прихожу я к председателю исполкома. Так и так, говорю. Он в затылке поскреб, подумал.

— Ладно, — говорит, — раз такое дело, пусть из барака в квартиру переселяется. Есть у меня одна в запасе...

И что вы думаете! Только он переселился, прибегает ко мне Вася Бухарик, у которого телепат-то в бане жил, и орет с порога:

— Переселяйте и меня, мать-перемать! У меня тоже телепатия проявляется. Видно, этот гад на меня ее повесил, когда переселялся. Сегодня не успел из барака выйти, как все куры передохли, все утки и подсвинок скопытился.

— Не может быть!

— А иди, посмотри!

Приходим. Точно, где куры дохлые лежат, где утки, где поросята. И милиции почему-то целый двор. Васька Бухарик увидел ее да бежать. Поймали его, скрутили. Потом меня. Я закричал. Говорю, не имеете права, я депутат, слуга народа, неприкосновенная личность. А один милиционер к-как даст мне промеж глаз.

— Заткнись, — говорит, — аферюга! А то мы к твоей личности так прикоснемся, что от нее одно мокрое место останется. Лучше рассказывай, сколько ты этим телепатам крысиного яду дал и сколько сам скота потравил?

В общем, пока разобрались, я три недели в КПЗ отсидел. И с тех пор вот и сделался бюрократам-то. Иной раз, конечно, и хочется людям что-нибудь полезное сделать, а как вспомню того милиционера да КПЗ, так у меня помимо моей воли и вылетает: «Не представляется возможным! Обратитесь по месту работы!»...

БАШ НА БАШ

Как пошел в России разгул свободы и демократии, так и пошли меняться у нас председатели, как перчатки.

Один вместо того, чтобы делом заниматься, все начальникам угождал. То, бывало, коттеджи в городе им строит, то дачи, то гаражи.

Второй подсобный промысел затеял. В колхозе-то при нем уж не только скотину, а и саму матушку-землю забросили. Все от мала до велика рюкзаки шили да черенки к лопатам строгаали.

Третий свой спиртзавод открыл.

Четвертый завод этот на кондитерскую фабрику переделал.

А пятый менять все начал баш на баш: конфеты на кирпичи, кирпичи на газировку. Коров на свиней, свиней обратно на конфеты и до того во вкус вошел, что под конец и нас, специалистов, менять начал. Сначала агронома на семена променял куда-то на опытную станцию, потом инженера в ПМК (не помню за что), а потом и до меня очередь дошла. Шефам в угольное объединение за десять кубов горбыля да сто метров транспортной ленты махнул.

Я-то, конечно, чего греха таить, обрадовался. Потому что с этими «баш на баш» мы в колхозе до того докатились, что к моим коровам скотники с метелками уж подходить боялись. Как подойдет который, начнет подметать, а корова-то цоп за метелку, да жевать ее с голодухи-то...

Ну, прихожу я, значит, к ним в это Угольное объединение, гляжу: мать честная! Одна контора у них на половину нашего колхоза раскинулась. Пошел я начальство искать, да и заблудился с непривычки. Хоть убей, не только начальство найти, а и сам выйти не могу. То в архив попадаю, то в машбюро, то в какой-то, дай бог памяти, то ли мракшрейдерский, то ли в маркшейдерский отдел. Спрашиваю одного мужика:

— Как отсюда выбраться?

Он захохотал и отвечает:

— Одному тебе, конечно, не выйти. Ты лучше подожди окончания рабочего дня. Как прозвонит звонок, поток-то

хлынет, так тебя вынесет на улицу. Только больше стенки держись, а если на стрежень выйдешь, так тебя с ног сшибут и затопчут.

На другой день я, конечно, поумней стал. Упросил одну бабу, провела она меня к начальству. Оформили, повели место искать. Неделю искали — никак не найдем. Не только стол поставить — ступить некуда: везде служащие сидят, как в нашем Агропроме.

Наконец приводят в какой-то закуток. На окнах решетки, а на дверях окошечко маленькое. Сидит в углу пожилой мужик, в бумагах закопался, одна только лысина светится.

Спрашиваю у него:

— Куда это меня привели, не в КПЗ случайно?

— Нет, — отвечает, — не бойся. Раньше тут касса была, а теперь наша служба быта...

Ну, сижу я в этом закутке. Месяц сижу, два. На третий приходит бумага с министерства: немедленно случить столько-то оленей. Я ее соседу своему показал, спрашиваю:

— Чего делать-то? У нас же Подмосковье, оленей вроде нет.

— Это, — говорит, — они нас, видно, с «Якутуглем» перепутали.

— Так выбросить, что ли, бумажку-то или же обратно отослать?

— Да ты что! — испугался он. — Теперь уж ты от нее не отделаешься. Она в канцелярии зарегистрирована и на контроль поставлена. Если выбросишь, так не только сам, а и весь наш отдел без премии останется. Тут с этим делом строго. Можешь вообще ничего не делать, но на бумажки реагируй немедленно.

— Да как на нее реагировать, если оленей-то нет?

— А ты посмотри, чего на ней наискось начальство написало.

— Размножить и разослать.

— Ну и делай, чего написано.

— Да ведь засмеют на шахтах-то?

— Дурак, ты думаешь, их читать будут? Ведь если бы там все, что мы шлем, читали, все уж давно с ума бы посходили...

Размножил я бумажку, разослал. Опять два месяца сижу. Потом надоело, говорю соседу:

— Поеду по подсобным хозяйствам, посмотрю, как и что, может, чего и посоветую: все же кой-какой опыт имею в животноводстве.

Тот на меня глаза вытаращил.

— Ты что, рехнулся? Сиди, пока тебе начальство ничего не сказало. Оно лучше знает: ехать тебе или не ехать, а то себе же хуже сделаешь. Вышибут, как пробку! Я вот не хуже тебя по молодости был. Поехал по своим коммунальным объектам, а там хрен знает что творится! К начальству-то прибегаю, так и так, говорю, все закрывать надо к чертовой бабушке!

Начальник выслушал меня и говорит:

— Подойди к окошку.

Я подошел. Он опять:

— Отдерни занавеску.

Я отдернул.

— Посмотри: светило не погасло?

— Какое светило?

— Ну, солнышко-то.

— Нет, не погасло.

— Ну, так чего ты орешь? Вот если бы светило погасло, тогда верно: орать надо было бы. А так телега катится, и пусть себе катится помаленьку. И не смей подходить к ней, пока совсем не рассыпалась, потому что ты и виноват будешь. А уж когда рассыпется она, тогда все проще, тогда все сбегутся, а ты, дурак, виновных и будешь искать в неразберихе-то... Спасибо мужику, научил. Век не забуду. Тридцать лет без единого замечания работаю. А которые с инициативой, так тех уж давно и на свете нет, да и твоего предшественника смахнули по тридцать третьей статье. Спился теперь, наверно...

Ладно. Сижу еще месяц. Наконец лопнуло терпение.

— Поеду! — говорю. — Что задаром деньги-то получать?

А сослуживец только головой покачал.

— Поезжай, дурак, да только знай: на свою погибель поедешь.

Не послушался я. Приезжаю на одну шахту, прихожу на свинарник. Гляжу: в одной половине бабка старенькая в железном корыте за веревочку навоз от свиней вытаскивает, а в другой половине пять здоровущих мужиков в карты играют да самогон пьют.

Спрашиваю у бабки-то:

— Что это за люди там?

— Алиментщики, — отвечает, — правда, не бабам алименты-то платят, а начальству.

— Как так?

— Да больно просто: премию им выпишут или эту, как ее, материальну-то помощь, а они и отдают их начальству на пропой, а за это оно их у меня на свинарнике держит, горный стаж пишет и зарплату шахтерскую выдает...

На другой шахте, там, где должен быть свинарник, — огромное озеро. Оказалось, что тут делали подвалку, и свинарник провалился. Свиной, правда, успели пропить. А теперь пять шахтерских лбов удят рыбу, пьют самогон, но числятся на проходке...

Около третьей шахты свинарник полон поросят, но нигде они не числятся. Неподалеку от него расположен пионерский лагерь, и за поросятами ухаживают пионеры под руководством воспитателей. Сам же свинарник числится при шахте, как «Живой уголок», что не мешает начальству совершенно бесплатно поедать под коньяк по два-три поросенка в день...

На четвертой шахте свиной вообще не оказалось. Шахтеры, чтобы мясо не расходилось по конторским, спустили свиной в шахту, и там их кормили, резали и делили...

Возмутился я до самого нельзя. Еще дорогой проект приказа накатал и сразу к генеральному директору. А его секретарша, как увидела меня, так глаза и вылупила.

— Ты что, — говорит, — с ума спятил, сразу к генеральному прешься? Это тебе не колхоз. Там у вас чирк-пырк — и любая бумажка подписана. А у нас объе-ди-не-ние. Так что ты сперва визы от всех собери, а уж потом и к генеральному ломись.

— С кого начинать? — спрашиваю.

— А иди в диспетчерскую, там тебе от корки до корки все распятнают.

Ну, в общем, расписали мне диспетчера маршрут и направили для начала к начальнику юридического отдела. Он, говорят, не глядя все подписывает. Обрадовался я, прибегаю в юридический отдел. Нет начальника. На другой день прибегаю — опять нет.

— Где? — спрашиваю.

— В столовой, — отвечают, — мясо делит, потому что по совместительству он еще и председателем профкома работает.

Я в столовую. Точно, мясо там рубят, а юрист делит.

— Этот задок, — говорит, — генеральному, этот — директору по производству, этот — мне, а остальное — по отделам...

Увидел меня, спрашивает:

— Кто такой?

— Да зоотехник, — говорю.

— Какой такой зоотехник?

— Подсобных хозяйств.

— Ясно. Отрубите ему лопатку!

— Да я не за мясом.

— А за чем тогда?

— Да вот приказ бы завизировать.

Обозлился он, говорит:

— Иди к черту отсюда! Что я? Общественное дело брошу, а тебе приказы визировать начну?..

Я обратно к диспетчерам. Так и так, говорю: не визирует юрист приказа, общественным делом занят...

— Ну, иди тогда в контрольно-ревизионный отдел. Там пятнадцать баб сидят, входящие-исходящие контролируют, так одна из них начальником по письму и по грамматике числится. Пусть она тебе покамест ошибки исправит в приказе-то.

Я ноги в руки да туда. Прибегаю — нет бабы по грамматике. Но, говорят, если бы и была, то все равно не завизировала бы.

— Почему?

— Да у нее у самой образование-то шесть ли, семь ли классов. Поэтому она в последнюю очередь визирует, когда уж другие все ошибки исправят...

В общем, хоть верьте, хоть нет, три месяца я эти визы собирал, и так ни одной и не собрал. Под конец думаю: пойду-ка я к своему прямому начальнику своего отдела. Может, он как-нибудь ускорит мне это дело. Прихожу. Ни в приемной, ни в кабинете и тут никого нет. Я только уйти собрался, вижу, врываються два здоровущих мужика и давай меня тузить.

— Сволочь, — говорят, — такая! Деньги схватил, а квартиру да машину до сих пор не выделил. Мы тебе, гаду, покажем, как на халяву хапать!

Потом один пригляделся ко мне и шепчет:

— Васька! А ведь тот, которому мы деньги-то всучили, вроде с бородкой был и на еврея смахивал, а? Мы ведь, похоже, не того лупим-то!

— А хрен с ним, — отвечает Васька. — Они, курвы, тут все дружка дружки стоят...

Отлежался я, значит, в больнице, иду на работу и думаю про себя: плевать на этот приказ, не буду с ним больше ни к кому ходить. Я, может, тоже, как мой сослуживец, тридцать лет просижу, да и ребра к тому же целые будут. Только не выгорело у меня это дело. Захожу в свой закуток-то, а сослуживец и говорит мне: иди, идиот, получай выходное пособие. До того ты тут всем осточертел со своим приказом, что сократили твою должность к чертовой матери! А нас всех премии из-за тебя лишили...

«УМНЫЕ» ЛИЦА

Забегая вперед, дополняю: несколько лет назад, когда по велению Вашингтона наша угольная отрасль была

практически ликвидирована, когда голодные шахтеры, использованные «демократами» для захвата власти, сидели на рельсах, голодали и стучали касками на Горбатовом мосту, я случайно встретился со своим коллегой, что заведовал подсобными хозяйствами угольного объединения до меня.

— Значит, ты так и не понял, за что тебя сократили? — спросил он, посмеиваясь.

— Ей-богу, не понял, — честно признался я.

— А ты читал у Войновича «бравого солдата Ченкина», где он поведал о том, что русские бабы в деревнях спят с хряками и вроде бы даже рожают от них?

— Читал.

— А помнишь, как там русский чекист целует еврея в задницу?

— Помню.

— А помнишь, как Войнович словами одного из своих героев спрашивает у другого: «У вас умное лицо, вы не еврей?»

— Помню.

— Так вот, в нашем угольном объединении такие лица занимали все ключевые посты. С глупыми лицами были лишь горные инженеры, строители, уборщицы и вахтеры. Лично у меня лицо было не только глупое, но даже и несколько растерянное. В соответствии с горбачевской Продовольственной программой мне как зооинженеру было поручено организовать на пустом месте подсобные хозяйства и обеспечить шахтеров свининой из расчета 30 килограммов на душу в год.

Через несколько лет я кое-как справился с заданием. Объединение наше по производству свинины переместилось в Союзе в первую пятерку. Я воспрял духом (и в самом деле, дурак) и говорю шахтерам:

— Давайте теперь возьмемся за говядину, поскольку свинины в среднем даже на два килограмма больше, чем требуется по научно обоснованным нормам.

Тут встает один шахтер и говорит:

— А ты анекдот про это «в среднем» знаешь? Сидит на районном совещании передовая доярка рядом со своим председателем. Ну а начальник управления по привычке шпарит: урожайность по району в среднем такая-то, выработка на трактор в среднем такая-то, надой на корову в среднем... ну и так далее.

Тут доярка и спрашивает председателя:

— А как это, в среднем?

Тот ей и объяснил. Она задумалась, а потом и говорит:

— У моей сестры в городе целая куча мужиков, а у меня здесь и одного даже нету. А ежели в среднем, то получается, что и я проститутка...

Нечто похожее на этот анекдот вышло и у меня. Оказалось, что почти всю свинину, а заодно и ранние овощи из теплиц и цветы забирали эти самые «умные лица», а что оставалось, то увозили в министерство таким же «умным людям». Львиную долю забирал, однако, человек с еще более «умным лицом», то есть генеральный директор. Для полной убедительности меня привезли к его коттеджу, где на задворках возвышался склад не менее самого коттеджа, и я увидел, что он весь заставлен ящиками с огурцами, помидорами и цветами, которых шахтерам с «глупыми лицами» даже на похороны не давали. Вдоль стен сыто урчали холодильники. Причем выяснилось, что все это с подсобных хозяйств было совершенно бесплатно.

Далее выяснилось: «умные лица» забирали с четырех ОРСов (отделов рабочего снабжения) поступающий вагонами импортный дефицит, отправляя половину все тем же «умным лицам» в Москву и оставляя шахтерам какие-нибудь башмаки на высоких каблуках да совершенно диких расцветок рубахи...

Выяснилось также, что «умные лица» по несколько раз в год приобретали через объединение легковые автомашины, а потом перепродавали их, тогда как шахтеры с «глупыми лицами» ждали своей очереди на машину по десять-пятнадцать лет.

То же самое было и с квартирами. Правда, тут «умные лица» поступили еще «умнее»: к шахтерским баракам они приспособили тамбуры, провели воду и зачислили эти бараки в благоустроенное жилье. И в самом деле, не давать же «глупым лицам» настоящие благоустроенные квартиры.

Но если в самом объединении еще можно было встретить человека с «глупым лицом», то в отделах материально-технического снабжения таковых не было вовсе. Там сидели только люди с «умными лицами» и всякие материально-технические ценности оформляли из расчета: 50% предприятию, а остальное непосредственно на дачу или на квартиру «умному лицу»...

Узнав обо всем этом и многом-многом другом, я стал разяснять шахтерам, что к чему, но меня тут же и спихнули. А когда началась так называемая демократизация, приватизация, болтовня о правах человека и всяких там общечеловеческих ценностях, когда в правительстве, в администрации президента и на всех телеканалах замельтешили эти так обо-

---

жаемые Войновичем «умные лица», я уже несколько не сомневался, что все это кончится обыкновенным грабежом и ничем более.

Сейчас эти самые «умные лица», которые ни у нас в России и нигде в мире сами никогда не пахали и не сеяли, занимаясь в основном финансовыми спекуляциями, громче всех орут о продаже нашей земли. Я, конечно, не сомневаюсь: отчаявшиеся и вконец обнищавшие от «реформ» крестьяне землю свою продадут и в конечном итоге она попадет в руки этих самых «умных лиц». Таким образом мы автоматически лишимся не только промышленных предприятий и природных ресурсов, но уже и самого государства. Когда же, наконец, мы со своими «глупыми лицами» поймем, в чем дело, и попытаемся вернуть все обратно, для нас уже будет готова наемная армия, о которой так «заботливо» уже сейчас хлопочут все те же «умные лица».

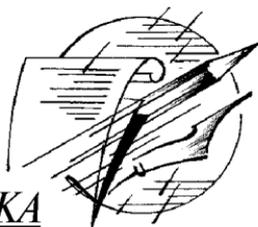
РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 16. США И РФ: ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ РОССИИ

Тема взаимоотношений США и России необъятна, по ней есть тьма публикаций, Её нельзя раскрыть «в чистом виде», потому что наши страны тысячами нитей связаны не только друг с другом, но и со всеми другими игроками на мировой арене. **А главное — сегодня совершается коренной поворот в мировой политике, о котором практически никто не говорит, а он связан с появлением третьего глобального игрока, до сих пор активно не выступавшего на мировой арене.** (О нём я скажу несколько позже.) Я попытаюсь выделить те моменты этой темы, которые, на мой взгляд, приобретают особое значение именно в наши дни. Но начну, прошу извинения, со своих детских впечатлений.

Вчера: отношения «дружбы-вражды»

Моё детство прошло в рабочем общежитии, четырёхэтажном кирпичном доме, построенном фабрикантом Про-

---

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

хоровым для рабочих своей «Трёхгорной мануфактуры». На каждом этаже было по 27 «каморок» и одна большая кухня со столиками-шкафчиками, на которых стояло по примусу или керосинке. Читать я начал рано, причём в возрасте 7 лет уже просвещал (в меру своего детского разума) женщин, готовивших нехитрую еду на кухне и обычно далёких от политики. Для меня отец выписывал «Пионерскую правду», а для себя — «Правду», но я выборочно читал и эту газету для взрослых. И помню, что в «Правде» появлялись карикатуры Бориса Ефимова и других художников-сатириков, изображавшие «дядюшку Сэма» — зловещее воплощение американского империализма. И на моей памяти отношение рядовых советских людей к США менялось в соответствии с общими изменениями на мировой арене. Но всегда в нём смешивались восхищение достижениями американцев, зависть к их благосостоянию и ненависть к этой «империи зла». Да и сам Сталин ставил задачу «соединить русский революционный размах с американской деловитостью». Об отношении рядовых американцев к СССР я тогда ничего не знал, хотя, надо думать, в нём тоже бывало разное.

С тех пор прошло 60 лет. За это время наша страна и США бывали и союзниками, и противниками.

Журналист «Московского комсомольца» Михаил Ростовский рассуждает о том, чего Америка на самом деле хочет от Кремля (об этом — позже, в разделе «Сегодня»). Свои соображения он подкрепляет обзором истории российско-американских отношений, который я изложу в сокращении.

В первое столетие существования США эти отношения отличало дружелюбие, что было обусловлено наличием общих интересов и общих врагов — Англии и Франции. Они, победив в 1856 году нашу страну в Крымской войне, стремясь ещё больше потрепать «русского медведя», решили воспользоваться восстанием, вспыхнувшим в 1863 году в принадлежавшей тогда русским царям Польше, объявили о своем сочувствии повстанцам и попросили Америку поддержать их позицию. Но государственный секретарь США заявил: «...Россия... пользуется нашей дружбой в предпочтении любой другой европейской державе по той простой причине, что всегда желала нам добра». И когда в 1861 году в Америке началась гражданская война, «друзья свободы во всём мире» Англия и Франция поддержали рабовладельческий Юг. Император Франции Наполеон III жаждал повторить триумфы своего великого предка и тёзки. В его планы входило создание империи в Северной Америке. Лондон видел в промышленно развитом американском Севере опасного конкурента

в сфере международной торговли и потому поддержал аграрный Юг. Но даже свою поддержку рабства они сумели представить как высокоморальную позицию: южане «доблестно отстаивали свои свободы перед лицом ублюдоочной нации грабителей и угнетателей». Но в 1865 году американский Север победил Юг. Общие геополитические интересы России и Америки начали постепенно уходить в прошлое.

(Я бы начал этот исторический экскурс даже с более ранних времён. Еще когда только американские колонии Англии объявили о своей независимости, метрополия бросила на подавление восстания свои войска и попросила Россию помочь ей в этой войне. Но Екатерина II отказалась выполнить эту просьбу.)

А во время гражданской войны в США Александр II направил к берегам Америки эскадру военных кораблей, которая должна была поддержать президента северян Линкольна. И интервенты, и американцы всё это поняли и запомнили.

А отравили атмосферу российско-американских отношений два обстоятельства. Первое: в 1891 году американский путешественник Джордж Кеннан опубликовал в Нью-Йорке книгу «Сибирь и ссылка система». И слово «царь» стало в Америке ругательством. Но почему? Ведь порядки в американских тюрьмах были не намного более гуманными, чем в российских. А дело здесь вот в чём.

Лишь самые первые переселенцы, прибывшие из Европы в Северную Америку на судне «Мейфлауэр», были религиозными фанатиками и идеалистами, мечтавшими построить на том континенте «Новый Израиль» как государство — воплощение справедливости. (В пуританском её понимании, которое вовсе не считало истребление индейцев, мешавших этому святому делу, грехом.) А к концу XIX века США уже превратились в страну эмигрантов, среди которых было множество мошенников и уголовников, по которым тюрьма и каторга давно скучали. Вот эта-то публика и ухватилась за книгу Кеннана.

Второе: в Российской империи дискриминация по национальному признаку не скрывалась. Из пяти миллионов евреев, проживавших в России, лишь около 200 тысяч самых привилегированных имели права жить вне «черты оседлости» — местечек, где не было работы, но зато была крайняя скученность и нищета. Были и другие ограничения для евреев, случались еврейские погромы. И волна еврейской эмиграции (более полутора миллионов) из России хлынула в США. Америка — как и любая крупная западная держава того времени — не была свободна от антисемитизма. Но там недав-

---

ним бесправным подданным русского царя сразу предоставлялись все гражданские права, включая избирательные. И там возникло мощное антироссийское лобби. Уже в 1911 году в знак протеста против политики Николая II Конгресс США разорвал российско-американский торговый договор. Революция 1917 года и «холодная война» еще больше ухудшили образ нашей страны в Америке. В глазах нескольких поколений американцев мы были врагом их страны номер один.

В США мирятся с более массовым и всеобъемлющим нарушением прав человека в Китае или в Саудовской Аравии. Потому что Китай — главный торговый партнёр Америки, а Саудовская Аравия — это ключ к энергетической безопасности США (как будет показано далее, и не только поэтому). А со слабой Россией можно не считаться.

США и Англия начали «холодную войну» против СССР. А президент США Рейган даже назвал СССР «империей зла». Но он давно ушёл в мир иной. Однако и сегодня видные американские политики не стесняются говорить о России: «Империи нет, а зло осталось». А в августе 2008 года США были на волосок от войны с Россией. Вашингтон, для которого сохранение Грузии как американского плацдарма было жизненно важным, собирался нанести авиаудары по Рокскому тоннелю, чтобы помешать российским войскам прийти на помощь Южной Осетии. По словам американского профессора Стивена Коэна, тогда впервые с момента Карибского кризиса отношения двух стран испортились настолько, что обе стороны всерьёз взвешивали возможность применения ядерного оружия.

В тот раз прямого военного конфликта между нашими странами удалось избежать. Говорят, не последнюю роль тут сыграли проявления взаимной демонстрации силы, о чём говорится в статье «Россия — США: Перед схваткой», появившейся 20 июня 2012 г. в интернет-издании «DailyMedia». Напомню о них:

США оказывали на Россию серьезное давление, в том числе и с использованием военной силы. *«Почти в приказном порядке диктовались распоряжения российской власти выйти из Абхазии и Южной Осетии... 14 июля 2009 года в грузинские территориальные воды вошел эсминец ВМС США».* Но Россия нашла адекватный ответ: *«...через полмесяца две российские атомные подводные лодки всплыли у берегов Северной Америки».*

Подведу итоги: в прошлом, да и до наших дней, отношения России и США, как выражаются остроловы, «сотканы из чёрно-белых полос».

Сегодня: превратят ли США Россию в своего вассала?

М. Ростовский доказывает в упомянутой выше статье, что США сейчас хотят превратить Россию в такого же послушного и лишённого собственных амбиций младшего геополитического партнёра, каким для Америки давно стала Англия. Но как же Англия, это гнездо «новых венецианцев», всегда (во всяком случае, до Второй мировой войны) относившаяся к США с неприкрытым высокомерием, так упала?

К лету 1941 года Англия задыхалась в кольце устроенной Гитлером блокады, и без скорого вступления Америки в войну британское поражение было лишь вопросом времени. Нападение Гитлера на СССР дало англичанам сильного союзника, который, однако, в то время сам находился в не менее отчаянном положении. Необходимые для обороны материальные ресурсы Англии могла дать только Америка. Лишь атака немецких союзников — японцев — на американский флот на Гавайях в декабре 1941 года подтолкнула Рузвельта к решительным действиям. И только тогда в Англию и СССР потёк спасительный ручей американской экономической помощи. Но скоро англичанам пришлось столкнуться в лице США с безжалостным хищником.

Войска США, появившиеся в 1943 году на британской территории, принесли с собой свою обычную практику жёсткого разделения солдат разных рас. Развлекательные заведения были либо «только для белых», либо «только для чёрных». Белые американские военные так же обходились и с чёрными подданными британской короны. В глазах англичан это было чем-то диким, для них негр — такой же человек, как и все остальные.

Ну и кто же в те годы являлся «колонизаторами и расистами», а кто «борцами за свободу людей всех рас»? В «Открытом письме народу Англии» власти США говорили: вы, англичане, воюете за империализм и возможность и дальше подавлять другие народы. А мы, американцы, боремся за «свободу по всему миру».

В 1940 году Гитлеру почти удалось победить Британию с помощью «генерала Голода». Англия остро нуждалась хоть в каких-то дополнительных военных кораблях. Вашингтон согласился продать Лондону 50 эсминцев эпохи Первой мировой войны. Но за эти посудины Англии пришлось отказаться в пользу США от множества своих военно-морских баз в заморских владениях. Почувствовав, что Англия загнана в угол, США в обмен на поставки оружия и продовольствия требовали от неё всё новых уступок.

Под «законный гешефт» была подведена и идеологическая основа: «Мы не воюем за сохранение Британской империи». Колонии Англии давно хотели получить независимость. И под давлением США в 1947 году Англия рассталась со своей самой важной колонией — Индией. Но как только англичане отказывались от своих позиций в том или ином регионе мира, их место стремились занять США.

В последний раз Британия попыталась вести себя как самостоятельная держава мирового уровня в 1956 году. Правитель Египта Насер национализировал принадлежавший тогда Лондону и Парижу Суэцкий канал. В ответ армии Англии, Франции и Израиля вторглись в Египет и с легкостью победили местных военных.

Хрушев пригрозил Лондону, Парижу и Тель-Авиву: «в целях защиты свободы» Москва не остановится ни перед чем. И Вашингтон занял такую же позицию. Британия поняла: или она, поджав хвост, уходит из Египта, или ей будет очень плохо.

Британский лев, естественно, послушался. И, собственно, перестал быть львом. Лондонские политики приняли как данность: отныне Британия в международных делах может рассчитывать только на роль доверенного, но младшего геополитического партнера Вашингтона. Смотревшие прежде на янки сверху вниз, британские политики отныне почти с религиозной восторженностью относятся к своим «особым отношениям», которые якобы связывают Лондон и Вашингтон. (Кто в этой связке «паровоз», а кто — прицепной, но зато штабной, вагон, — пусть они разбираются между собой.)

Удастся ли США низвести РФ до уровня Англии? Какие «отмычки» они для этого используют? М.Ростовский, со ссылкой на бывшего министра иностранных дел РФ Игоря Иванова, объясняет суть интриги с «Законом Магнитского». Америка пытается таким образом одновременно заполучить рычаги воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в РФ и выдавить нашу страну из числа влиятельных независимых международных игроков первого эшелона. А всё потому, что американцы правильно нащупали наше уязвимое место — **внутриполитическую ситуацию**, состояние государственных институтов и прав человека. И наша уязвимость в этом плане ещё долго будет носить абсолютно объективный характер. Кто бы в будущем ни занимал пост президента РФ...

Вот Америка и хочет иметь в лице России «еще одну Англию». Как нас «делают Британией»? С помощью такой «отмычки», как недостроенность современного российского государства, Вашингтон, приняв «закон Магнитского», сде-

---

лал США обязательным и важным участником российского внутривластного процесса. Дескать, если российские государственные институты — суд, прокуратура, полиция, парламент и прочая, и прочая — не стоят и ломаного гроша, Америка по своей душевной доброте берёт на себя функции всех этих ваших структур. Но это ложь.

У американцев свои национальные интересы, а у нас — свои. М.Ростовский признаётся, что очень любит Англию. Но в качестве образца, на который России стоит ориентироваться во внешнеполитических делах, для него лучше Франция. Потому что сразу после освобождения Франции от ига гитлеровцев американцы сумели стать неформальным арбитром во французской внутренней политике. Но де Голль, придя к власти, положил этому конец. И позднее французский президент Жорж Помпиду заявил: «Что до Франции, то я не верю, что она может счастливо существовать, не обладая определенным уровнем могущества».

Свой независимый нрав Франция демонстрирует и в наши дни. В 2003 году тогдашний лидер страны Жак Ширак, в отличие от Блэра, не побоялся испортить отношения с Вашингтоном и выступил резко против вторжения в Ирак.

«Разумеется, — заканчивает свои размышления М.Ростовский, — Россия не должна пытаться копировать Францию — равно как и Англию, Америку или другую страну мира. Не знаю точно, всё ли у нас получится, если мы будем самими собой. Но если мы не будем самими собой, нас точно ждет оглушительный провал».

Всё это так, но, на мой взгляд, США для вмешательства в российские внутривластные процессы используют не одну отмычку, о которой говорит М.Ростовский, называя её «недостроенность наших государственных институтов». Эти институты, откровенно говоря, не столько «недостроены», сколько «перестроены» (в том смысле, что стали продолжением горбачевской «перестройки»), они чужды самому духу русской жизни, ибо списаны с западных образцов. Гораздо серьёзнее другая отмычка: в России воспитана многомиллионная армия прозападно настроенных либералов, образующих как системную, так и несистемную оппозицию. Вот это действительно беда, с которой будет очень трудно справиться. Забегая немного вперёд, отмечу: главное, что внушает такому русофобу, как Бжезинский, оптимизм, — то, что сейчас Россия переживает период «исторических внутренних перемен». И этот процесс идёт гораздо стремительнее, чем он предполагал. В России появился слой людей, которые возвращаются на родину после получения западного образования. Они

с более открытым взглядом на мир. И надо действовать, усиливая демократические институты в России и вовлекая её в западную орбиту. Получается, что главная надежда всех бжезинских — на «болотных»?

Анатолий Несмиян (Эль-Мюрид) в своей книге «Если завтра война. «Арабская весна» и Россия» (М., 2013) уточняет, кто составляет ядро этой «пятой колонны»:

«Это «рассерженные горожане-белоленточники», которые требуют перераспределения власти и собственности в свою пользу, это гастарбайтеры, цивилизационно чуждые России, и это компрадорская часть элиты, «власовцы», готовые сдать страну, чтобы прийти к власти (или удержаться во власти)».

Судя по всему, Россия при Путине не собирается становиться для США «второй Англией». Ведь Путин знает: США нужны не союзники, а вассалы. Россия же ничьим вассалом не станет. А США не могут смириться, что в мире есть кто-то, заведомо более слабый, и всё же не согласный им подчиниться. Многие видят в этом угрозу военного столкновения этих двух держав, и главную опасность видят в том, как развивается ситуация в Сирии и вокруг неё.

Сирийский фронт

В связи с военным конфликтом в Сирии обстановка накалилась ещё сильнее, чем в 2008 году. В той же статье в «Dailymedia» отмечается, что *«две державы как никогда близки к фатальным действиям. Похоже, против российских десантников вполне серьезно собрались выступить морпехи США. При одной только мысли о том, что может произойти, на теле выступает холодный пот. Это чересчур опасное своей близостью расположение наземных сил, почти гарантированно закончится столкновением».* При этом *«ни один из президентов не сможет отступить в этом противостоянии. Дело, возможно, могло бы разрешиться мирным способом, если бы президенты двух стран объявили о какой-то новой идее, программе, совместном проекте двух государств. В этом случае никто бы не посмел упрекнуть своего президента, ведь от этого бы выиграли и две страны, и весь мир стал бы более безопасным. И оба президента оказались в выигрыше. Но такой проект нужно еще придумать. Его нет. Зато есть все более увеличивающиеся разногласия...»*

Американский журналист Джеральд Уорнер, комментируя итоги саммита «Большой восьмёрки» 2013 года в Лох-Эрне (Северная Ирландия), отмечал, что не оправдались ожидания тех, кто пророчил изоляцию России и раскол этой груп-

---

пы ведущих держав. И уж совсем неожиданно он признался:

«Я никогда не думал, что доживу до того, чтобы это сказать, но я считаю себя более согласным с Владимиром Путиным, чем с любым из западных лидеров... Нам нужен Путин... Таковы чувства, которые начинают появляться все чаще и чаще в англоязычном интернете... Как только разговор дошел до Сирии, Путин продемонстрировал жёсткую позицию и не уступил ни одного миллиметра. Лидерам восьмерки пришлось согласиться с российской редакцией итогового коммюнике».

Да, лидерам Запада пришлось уступить России, потому что уж очень неблагоприятным выглядел в глазах мировой общественности их союз с боевиками, которые не только убивают своих врагов, но и под прицелом фотокамер вырывают из трупов и съедают их внутренности. Но это отступление было тактическим ходом. В действительности они намереваются ещё больше усилить помощь боевикам и распространить войну на весь большой Ближний Восток, а дальше...

На наших взаимоотношениях сказывается и разная трактовка сторонами окончания «холодной войны». Россия не считает себя стороной, проигравшей в этой войне, и заявляет о своем праве наравне с Западом участвовать в формировании «послевоенного» международного порядка. А в США уверены в их победе и, соответственно, в поражении России. И эта «победа» доказала универсальность ценностей американского либерализма и демократии, целесообразность их распространения на все остальные страны.

В этом споре мировая общественность находится скорее на стороне России и отвергает идею того, что США должны играть роль мирового лидера, имеющего неоспоримое превосходство перед другими странами. США берут на себя роль мирового полицейского в большей степени, чем следует, не принимая во внимание интересы других стран и теряя доверие к себе как к стране, способной на ответственные действия.

Но в США в головы американцев усиленно вбивается мысль: надо «либо воевать с РФ, либо дирижировать ею». Можно встретить и такое утверждение: «Двадцать первый век — реальность без иллюзий: Мир без России».

В российских СМИ много раз цитировали высказывание кандидата в президенты США Митта Ромни, назвавшего Россию «врагом Америки номер один», и обычно ставили на этом точку. А в действительности Ромни в программном выступлении перед избирателями штата провозгласил новый «крестовый поход» на Россию. Вот ещё несколько положений из его речи:

«Наша цель — Россия. Происходящие сегодня в этой стране процессы позволяют нам предположить, что Россия, буквально на ощупь, пытается обнаружить для себя пути выхода из кризиса. Эта дикая страна, под руководством её постоянного президента Путина, представляет угрозу не только Соединённым Штатам. Россия представляет собой угрозу всему человечеству. Мягкие действия мистера Обамы, поставившего своей целью развалить Россию путём эскалации межнациональных и межрелигиозных конфликтов, привели лишь к тому, что власть в этой стране крепче закрутила гайки. Сегодня президент Путин отправил за решётку вестниц свободы, музыкальных богинь из группы «Пусси Райот». Сегодня он стал преследовать нашего друга, мистера Навального, который возглавил список глобальных мыслителей современности по версии журнала «Форин полиси». Преследовать, потому что президент Путин боится умных людей. Он боится Америку и боится друзей Америки. Он боится, что мистер Навальный может составить ему конкуренцию и победить на выборах президента. Поэтому своей целью он поставил арест нашего друга. Мы не можем допустить этого. Только мистер Навальный способен дать России свободу и демократию.

Наша первоочередная задача усилить кампанию, проводимую слабовольной администрацией Обамы в отношении России. Наша задача заставить Россию пожирать себя изнутри, внося смуту и раздор в общество этой страны. То, что не получилось у мистера Навального, — завтра получится сделать у многих таких же, как он.

Мы заставим русских взяться за оружие. Мы настроим чеченцев, татар, башкиров, дагестанцев против русских. Мы обязаны заставить их драться друг с другом. Мы обязаны умножить действия, направленные на дискредитацию Православной церкви в России. Патриарх Кирилл более не справляется с возложенными на него надеждами. У него не получилось лишить людей веры в Бога. Ему лишь удалось лишить людей веры в Церковь.

И если ничего из вышеперечисленного не сработает, нам не останется иного, кроме как объявить быструю и победоносную войну этой стране. Быструю потому, что через три месяца после того, как мы прекратим закупать газ и нефть у этой страны, правительству президента Путина нечем будет платить заработную плату своим военным. И когда мы введём свои войска в эту страну, — защищать её будет некому. Потому что мы давно истребили дух патриотизма в русских, превратив их в нацию злобных, мелочных и завистливых недоброжелателей. Мы заставили их ненавидеть свою страну, ненавидеть друг

друга, ненавидеть собственную нацию. Русских больше нет, мы их уничтожили. Мы разрушили СССР, мы разрушим и Россию».

Можно списать это бешенство Ромни на политическую конъюнктуру, на особенности американской политической культуры и обстановку предвыборной борьбы. Но ведь Ромни едва не выиграл выборы, и победу Обаме принесли в основном секс-меньшинства. Конечно, приди Ромни к власти, он вряд ли смог бы немедленно приступить к осуществлению своей программы, ибо положение президента США совсем иное, чем положение кандидата, борющегося за высший государственный пост в стране. Но ведь эти его взгляды, эта его ненависть к России, к её народу, к Православной Церкви, превосходящие, кажется, ненависть Гитлера к нам, никуда не делись бы. И, хотим мы того или не хотим, надо быть готовыми к тому, что завтра отдавать приказ о нанесении ударов по России будет отдавать какой-нибудь двойник Ромни. Надо только добавить, что идеи Ромни получили поддержку многих американских СМИ. Особенно отличилась газета «Чикаго трибюн», по мнению которой, Россия действительно при любой возможности вставляет палки в колёса американской внешней политики.

У нас много писали о другом оракуле американской элиты — Збигневе Бжезинском. Известно, что он ратовал за расчленение России. Россию и Путина он ненавидит. Россию — потому, что по рождению поляк, аристократ, в роду которого ненависть к России имеет многовековые корни. Путина же он ненавидит за то, что, как выразился один западный журналист, *«в глазах возглавляемого США западного лагеря, Путин практически единолично вытянул Россию из анархии, в которой пребывала страна до того, как он стал президентом».*

Говоря о Путине, Бжезинский заявляет: *«Кажется, он не понимает, что российская экономика, которая на деле сильно напоминает экономику Нигерии, не соответствует устремлениям россиян».* И всё это говорится на фоне заявлений, которые лучше всего подходят под русскую поговорку: «Мягко стелет, да жёстко спат».

В сентябре 2011 г., выступая на Глобальном политическом форуме в Ярославле, Бжезинский предсказал возникновение международных беспорядков, связанных с трудностями, которые порождены политическими и экономическими кризисами. Ни одна, даже самая могущественная, страна не может дать эффективного ответа на эту угрозу. Она может быть *«предотвращена только совместными усилиями стран, приверженных демократическим ценностям».* Понимайте это, как знае-

---

те. Ведь беспорядки-то возникают в ответ на попытки «хозяев мира» установить на планете «Новый мировой порядок». Либо Бжезинский считает Россию демократической страной, и тогда он приглашает её в состав коалиции по подавлению беспорядков, что для нас неприемлемо. Либо он исключает Россию из числа демократий, и тогда она автоматически становится врагом этой коалиции. На деле, США как раз хотят видеть беспорядок в бывшем СССР, ведь согласно взглядам Бжезинского, необходимо «разделять и властвовать». Однако из-за Путина этот план Запада провалился.

Оказалось, что Россия — не пешка на великой шахматной доске, и Бжезинскому приходится с ней считаться. И его главная мысль ныне такова: «с Путиным или без Путина, но Россия должна быть вовлечена в орбиту западных интересов». А укрепление связи России с Западом должно, по его мнению, повлечь за собой и вовлечение Украины в Евросоюз, для начала в качестве хотя бы ассоциированного членства, к которому будет стремиться и Россия.

Бжезинский критикует внутреннюю и внешнюю политику США: им нужно осознать, что до сих пор навязываемая «городу и миру» концепция глобальной роли страны как «Богом избранного мирового гегемона» — сегодня ошибочна. Не оказалась ли Америка перед лицом системного кризиса, подобного тому, какой был в СССР накануне его распада. Именно из-за переоценки своей роли в мире.

Но Бжезинский оптимистичен в своих прогнозах на будущее и уверен, что политическая элита Америки способна выработать новую концепцию и стратегию, позволяющие сохранить за США позиции одного из центров мировой экономики и политики. Просто для этого надо отказаться от прямого военного вмешательства в конфликты других регионов и основывать стратегию на укреплении уже существующих союзнических отношений и создания новых, используя все ещё мощные финансовые возможности Америки.

В своём последнем труде «Стратегическое прозрение» Бжезинский неожиданно призвал Запад к созданию союзного пояса «от Ванкувера до Владивостока», и, более того, заявил, что создание подобной агломерации — единственный способ для Запада сохраниться в качестве важного геополитического игрока. Ибо без России Западу уже не выжить в принципе. Западу необходимо обновление, которое возможно только с интеграцией России и Турции в западную цивилизацию.

Интернет-издание «Накануне.RU» попросило журналиста Михаила Леонтьева прокомментировать эту новость.

По мнению М.Леонтьева, Бжезинский, признав невоз-

возможность задушить Россию удавкой, надеется удавить её объятиями. По его убеждению, Россия должна отказаться от империи. Но это означает для неё продолжение и углубление расчленения, локализацию наших интересов и проектов, а взамен нам обещают некую лояльность. Но сохранение российского государства и нашей цивилизации при тех параметрах лояльности, которые приемлемы для Бжезинского, невозможно.

И всё-таки хорошо, что Бжезинский понимает: мир уже не станет снова однополярным. Многополярность мира неизбежна, и Западу нужно очень сильно постараться, чтобы остаться игроком на геополитической карте мира.

Эпоха глобализации закончилась. Теперь будет формироваться не просто многополярный мир. В мире в качестве исторических субъектов и геополитических игроков сохранятся те цивилизации и культуры, которые сумеют создать империи или цивилизационные агломераты.

Видимо, США станут локальной агломерацией в духе доктрины Монро (частичного изоляционизма). Сохранится ли Европа, понять невозможно, потому что воли к сохранению очень мало. Там есть лишь одна страна — Германия, которая имеет возможности и волю к сохранению, но ей надо вернуться к историческому пути, а вся дрессировка немецких элит направлена против этого. У Европы действительно есть шансы на некое союзное объединение с Россией, но совсем не в той конфигурации, в какой об этом мечтает Бжезинский. Безусловно, Китай впитает значительную часть южно-азиатского пояса. Сохранится Индия. А вот для России в рамках формирования нового мирового устройства есть очень серьезные вызовы, чтобы сохраниться в виде цивилизационной агломерации. Наш шанс — это евразийская интеграция, но именно этот вариант не устраивает Бжезинского. Вряд ли он отказался от идеи любой ценой остановить сближение России и Украины. А интеграция Турции и России в Европу — это старая англо-саксонская идея, которая некоторым покажется очень заманчивой. Но это утопия. Во-первых, в ЕС в нынешнем его виде не только нельзя ничего интегрировать дополнительно, но трудно представить себе границы будущей дезинтеграции. Во-вторых, нынешняя политика Обамы направлена на интеграцию Турции в исламский мир, а не в Европу.

Или вот ещё один американский русофоб — эксперт по России А. Коэн, неоднократно заявлявший о появлении «голодного русского медведя» то в Африке, то в Арктике, в очередной раз предупреждает, что администрация Обамы, не препятствуя действиям России в Евразии, подрывает инте-

---

рессы США. К агрессивным действиям России он относит создание Таможенного союза с Казахстаном и Белоруссией, сохранение военного присутствия в отдельных постсоветских странах (Молдавия, Армения, Таджикистан, Киргизия), стремление создать единую энергетическую систему под контролем России и проложить трубопроводы по маршрутам, альтернативным западным. По А.Коэну выходит, что Россия и чихнуть не имеет права, ибо это будет истолковано в США как акт агрессии против них.

Да, отмечают наблюдатели, по всему видно, что США — старая страна старого мира, и идеологи её мыслят по-старинке, с трудом осознавая новую реальность. США действуют рефлексивно, ещё реагируя на вызовы, но уже не в силах их предвидеть. Если что-то происходит — США действуют, но медленно и тяжело. Если что-то нарушает мировое равновесие — первым делом проверяется финансовая сторона вопроса. ЦРУ докладывает политикам-лоббистам, какими финансовыми средствами располагают виновных, что их окружение. Далее политики предупреждают виновных, что их счета могут быть арестованы, а их страны получают «нефть в обмен на продовольствие». ЦРУ хранит тайну вкладов. А вкладчики делают то, что нужно американским политикам.

На помощь американцам спешит британский премьер Дэвид Кэмерон с идеей **единой Европы — государства, а не федерации стран, от Атлантики до Урала, территории мощных инноваций и единой политической воли.** То есть Москвитии предлагают влиться в единую Европу (надо думать, под главенством Англии — сателлита США). Но тогда возникнет естественный вопрос: а кто будет делить между собой гигантскую территорию и недра Сибири и Дальнего Востока?

Но стабильный американский мир заканчивается. Мир начал испытывать нехватку энергоресурсов, в первую очередь нефти. Пик её добычи был в 2006 году, и теперь с каждым днем добывается ее все меньше. Но мировая — в пользу США — экономика построена на росте. Не будет роста — она сложится, как карточный домик. Эта проблема не решаема. Но Америка пытается её решить. Она ставит задачу снизить потребление нефти во всем мире, чтобы сохранить низкие цены на бензин для американцев. Цены одновременно поднимают и Европа, и Китай, и Россия, и даже Иран.

Россия увеличила добычу нефти, чем спасла существующий мировой порядок. Иран сбил цены после урагана «Катрина», выбросив на рынок свои запасы. Но так ведь будет не всегда.

В США России порой предъявляют немислимые обвинения: «США требуют отмены рабства в РФ. Госдеп США впервые включил Россию в список стран, к которым могут быть применены санкции из-за отсутствия прогресса в борьбе с торговлей людьми». И это говорит страна, которая, можно сказать, выросла на работоторговле! Но это мелочь, брань на восточном врату не виснет. А вот принятая в США концепция нанесения превентивных ударов в любом месте и любое время по собственному усмотрению представляет для РФ значительную опасность.

На фоне таких действий США и их союзников по НАТО становится понятным заявление начальника Генерального штаба ВС РФ генерала Валерия Герасимова: «*Вооружённые силы Российской Федерации готовы к крупномасштабной войне*». Соответственно убедительно выглядит совет военного эксперта Игоря Коротченко по поводу того, что надо делать сейчас России: «*Перевооружиться и встретить грядущие вызовы подготовленными*».

Но, как выразился один пользователь Интернета, «войну России с США очень многие из «доброжелателей» хотели бы посмотреть, только это будет последнее, что будет показано на этой планете».

Корреспондент «Российской газеты» Андрей Шитов считает: главный системный стереотип, господствующий в США, порождён западным рационализмом. Это — слепая вера в то, будто ответы на все вопросы заведомо известны. Отсюда — уверенность американцев в своей исторической правоте. Что мы (я и моя страна) «знаем, как надо» или «как лучше», причём не только для себя самих, но и для других, в том числе и для России. (При этом А.Шитов понимает, что без ощущения правоты в душе, пусть хотя бы и иллюзорного, жить, наверно, тоже невозможно. Для любого народа вера в справедливость и эффективность своей системы — истинная ценность, причём одна из главнейших.) А вот российские стереотипы самовосприятия, при взгляде на них со стороны, напоминают психологический портрет типичного алкоголика: это — непомерное самомнение в сочетании с чудовищным комплексом неполноценности.

Увы, это так. С одной стороны, россиян обижает, что рядовые американцы, после победы в «холодной войне», вообще о нас не думают. (Послушайте, например, бывшего россиянина, а ныне высокопоставленного американского чиновника Николая Злобина, почти прописавшегося на наших телеканалах.) С другой, нас не устраивает, что США намерены иметь с нами «нормальные отношения», как с какой-нибудь Пор-

---

тугалией. А в этом-то как раз главная обида и есть. Русские не хотят равняться на вполне достойные, но небольшие страны. Россия — великая страна, и пока русские люди (кроме тех, кого уже успели перевоспитать на западный лад) существуют, они с положением своей страны, подобным какой-нибудь Португалии, не смиряются.

Конечно, не все американские политики и политологи настроены агрессивно в отношении России. Можно назвать и тех, кто пытается объяснить, какой катастрофой для национальных интересов США и для российского развития может обернуться антагонизм между Россией и Америкой. Но политический курс США определяют не они. Многие более реалистично настроенные эксперты, и не только российские, но и западные (в частности, из «Русской службы Би-би-си») убеждены: отношения России и США лучше не будут, напротив, они будут ухудшаться. Причиной тому — противоположные интересы и отсутствие новых направлений сотрудничества. А как можно рассчитывать на сотрудничество, если девиз современной американской политики ныне звучит так: «Кто не с нами — тот против нас»? Подобный подход практикуется в отношении стран, которые в Вашингтоне считают противниками, и предполагает вовлечение в сотрудничество с целью перевоспитания на ценностях США. Если потенциальный противник сопротивляется, то к нему могут применяться более жесткие меры, вплоть до военной силы.

Конфликт интересов в Средней Азии

Сирия — не единственный пункт, где пересекаются, не совпадая, интересы РФ и США. Сенат США принял резолюцию, подтверждающую факт оккупации Россией Абхазии и Южной Осетии. США призвали и другие страны не признавать независимость этих республик. Новая военная стратегия США подразумевает доминирование Вашингтона на постсоветском пространстве. Так, азиатские страны СНГ американцы рассматривают как своего рода Центрально-Азиатские штаты Америки. Американское проникновение в этот регион осуществляется под видом борьбы с наркотиками. Как янки боролись с этим злом в Афганистане, известно всему миру: оборот героина в этой стране вырос в сотни раз. Под патронажем США и НАТО Афганистан превратился в крупнейшего (93% от мирового производства) производителя опиума. Теперь во имя американского мирового господства судьбу Афганистана должны повторить Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Киргизия и, возможно,

---

Азербайджан... И всё это получит Россия внутри Таможенного союза сегодня и в будущем — внутри Евразийского союза.

Некоторые эксперты полагают, что Путину лидеры Запада предложат в обмен на отказ инициативы создания Евразийского союза снятие внешнего и внутреннего политического давления на власть. Если Путин откажется от Евразэс, его ждёт недовольство и недоверие на Родине. Если же он отклонит ультиматум, Запад сделает его своей мишенью, используя внутрироссийскую фронду.

Особая роль в американских планах отводится Казахстану как самому крупному, благополучному и близкому к России государству в Средней Азии, без которого недействительна никакая евразийская интеграция. Интересно, что, как отмечают некоторые исследователи, перспектива интеграции России с Казахстаном очень тревожит элиту Украины. Она хорошо понимает, что с созданием связей Москва — Минск, Москва — Астана Украина будет изолированной: на Западе она не нужна, а среди бывших республик СССР окажется чужой. Поэтому Киев стремится оторвать Казахстан от России, напирая на то, что исторически экономики двух республик были взаимодополняющими. Специалисты этих стран разрабатывали альтернативные, в обход России, пути транспортировки нефти с месторождений в Западном Казахстане к Черному морю через Баку и Грузию (порт Супса), а от него — к одесским нефтяным терминалам. Обе стороны видят свои республики в недалеком будущем космическими державами.

В казахстанской нефти заинтересованы не только Украина, но и Запад в целом. Еще в 1997 г. в США была подписана серия соглашений в области нефтедобычи, которые официальная печать Казахстана назвала самыми выгодными в этой сфере. Казахская дипломатия активно действует не только в США, но и в Китае. С ним тоже заключено соглашение о разработке Карачаганакского месторождения американскими концернами с транспортировкой нефти в Синьцзянь. Стоимость строительства этого нефтепровода оценивается почти в 10 миллиардов долларов.

Как России устанавливать нормальные отношения с Казахстаном, если 90% крупнейших уникальных производственных мощностей своей страны лидеры Казахстана продали или передали зарубежным фирмам? Значит, для налаживания сотрудничества в экономической сфере России надо иметь дело с американскими, английскими, германскими и другими предпринимателями, но не с казахскими.

Но не только современная Россия лишь фрагмент СССР. Подобные образования представляют собой и другие страны СНГ — «обрубки СССР», они все пострадали от разрыва экономических связей с другими бывшими советскими республиками. У нас любят цитировать высказывание бельгийского геополитика Жана Тириара, который сравнил СССР с плиткой шоколада, где его дольки — это бывшие советские республики. После того, как плитка разломана, её невозможно сделать монолитной никаким иным путем, кроме переплавки всей плитки и новой штамповки. Возможно ли это? Особенно если учесть, что к укреплению позиций в регионах бывшего СССР стремятся Турция и Иран, США и Германия, Китай и Япония, Франция и Англия и т.д. Противостоять этой экспансии народы России и других бывших республик СССР смогут в том случае, если объединятся. Но насколько велики шансы на такое их объединение?

Часто можно прочесть, что РФ могла бы сохранить связи с республиками Средней Азии, но, увы, вектор развития СНГ был задан в другую сторону. Российское руководство упустило шанс стать естественным стержнем Содружества. В последующие годы в связи с распадом экономик всех без исключения стран СНГ шансов укрепить его на прежних основаниях оставалось все меньше. Те, кто так рассуждает, упускают из виду, что СССР был развален целенаправленно, и в планы вдохновителей этого процесса никак не входили никакие шансы на реинтеграцию наших стран.

А ныне всплеск антироссийских настроений в исламском мире докатился и до постсоветских среднеазиатских республик. Национализм идет там «в ногу» с ренессансом исламских традиций, уклада жизни, обычаев. Этот процесс находит отражение в законодательстве парламентов этих республик, в частности в ряде законодательных актов, закрепляющих главенствующее положение титульных наций. Создается парадоксальная ситуация: усилиями русских обеспечивается работа энергетических станций, промышленности, транспорта и связи во всех без исключения среднеазиатских республиках, а юридическое, правовое их положение по языку, культуре, социальной защищенности остается таким, как у граждан второго сорта.

Выступление ведущих политиков среднеазиатских государств с позиций национализма, подчеркнутое дистанцирование от России, заявления о приверженности исламским ценностям находят поддержку не только в Иране, Турции, Пакистане, Саудовской Аравии, но также в США и Европе.

Потенциально Москва может вновь стать «собирающей землей» и одним из полюсов многополярного мира — это хорошо понимают в США и стремятся не допустить. Но если этот процесс и начнется, он породит в РФ немало проблем.

Я уж не говорю о наплыве в Россию толп мигрантов из республик Средней Азии, многие из которых уже укореняются в глубинке, заселяют умирающие русские деревни и покидать нашу страну, возвращаться «домой» не собираются. Теперь их дом — Россия, в которой они образуют сплоченные диаспоры со своими банками, больницами и поликлиниками, в которые доступ русским запрещен. Эти новые российские жители остаются мусульманами, не исключено, что среди них есть и экстремисты, члены террористических банд. И ликвидировать их придется нам.

Вот и опять дилемма, вставшая перед Россией. С одной стороны, нельзя отказаться от реинтеграции в той или иной форме постсоветского пространства. А с другой — видимо, снова придется русским парням проливать кровь на полях «братских» республик, которые не раз уже доказывали, что они нам отнюдь не братские. И США делают всё возможное, чтобы и этот момент использовать для возникновения в будущем конфликтов на территории нашей страны.

На Западе сегодня любые мировые стратегические проблемы так или иначе замыкаются на роли России и выдвинутой ею идее создания Евразийского союза. Такой подход воспринимается в качестве прямой угрозы евроатлантическим интересам. Проект, следовательно, не должен состояться.

При этом сами цели — глобальное лидерство как необходимое условие для процветания США — остаются неизменными независимо от личностей президентов и правящих партий. Можно посеять там хаос — и тихо уйти. Пусть региональные силы воюют вместо мирного развития. Ведь опыт двух мировых войн показал американцам, как выгодно, когда другие мировые державы уничтожают друг друга.

Война на идеологическом фронте

Профессор Сергей Кара-Мурза добавляет ещё один пункт расхождений между двумя нашими странами: Получается, что модернизация либерального типа, как и предполагалось, в России не произошла. И *«в США боятся, что Россия будет претендовать на то, чтобы стать центром, задающим вектор, альтернативный идеям Соединенных Штатов»*. Вот основные положения его статьи:

«Соединенные Штаты и Россия уже в XIX веке воспринимались как две сверхдержавы, которые предлагали миру разные проекты. Соединенные Штаты были созданы диссидентами-протестантами из Европы, которых можно назвать фундаменталистами определенного проекта. В этом смысле они были «большой Европой, чем сама Европа». Они были носителями мессианизма. А у России произошел взлёт православной мессианской философии после войны с Наполеоном. Было ощущение, что она тоже выходит со своим проектом, который выразился, в частности, в классической русской литературе. В мире она очень внимательно читалась и изучалась.

Судя по всему, Россия затронула мессианские чувства американской верхушки, высшей элиты, которая командует Соединенными Штатами... это 500 семей, тесно связанных через закрытые клубы, масонские ложи, университетские и финансовые сети. Внутри элиты постоянно присутствовала тема России, и была часть элиты, которая пыталась преодолеть антироссийский вектор.

Почему сейчас происходит такой всплеск антироссийского психоза? Все 90-е годы американцы считали, что наши реформаторы изменили мировоззренческую матрицу в России. Но когда пришёл Путин, получилось так, что большая часть населения, преодолев последствия травмы 90-х годов, стала претендовать на свои собственные философские установки.

Ответы на главные вопросы резко отличаются в США и России. Например, стоял вопрос: «Надо ли давать больше свободы частному бизнесу или усиливать роль государства в экономике?» В России 74% за то, чтобы увеличивать роль государства, а в США — наоборот, свыше 70% за усиление частного влияния».

Интересно, как читатели восприняли эту статью С. Кара-Мурзы. Я специально отбирал отзывы не интеллектуалов, а тех, кого принято называть простыми людьми. При этом я опускаю совсем примитивные суждения типа «мешает Русь всемирной кабале!», «Россия не для демократии создана», «Россия научит США демократии» или «Путин поднимает народы и друзей России в атаку на ФинИнтерн». Вот один из откликов, видимо, положительного характера:

«Русский человек радеет в первую очередь за государство, за свою страну. Американец, наоборот, в первую очередь, о себе. Капиталистическая система управления России не нужна...»

Другой, пожалуй, скорее дискуссионный:

«Тут в основном играют роль исторические и культурные стереотипы. Вспомните, как американцы обжигали терри-

---

торию — полная махновщина, сбивались в стаи и грабили. В России совершенно другая модель, так как территории, в первую очередь, приходилось защищать, а это обусловило основную роль государства.

Поэтому каждый американец традиционно — индивидуалист, а каждый русский — государственный. Вот и вся модель. Наша разница в мировоззрении, если угодно — это разница между группой бандитов и группой солдат. Я уверен, что через пару сотен лет мусульманские страны, где одержат победу исламистские группировки боевиков, станут близки по идеологии к США. Те же исторические ценности, та же бытовая мировоззренческая модель, та же культура. Поэтому кто за колониализм и грабеж — к США, кто за порядок и культурное развитие — к нам. Понятно, что Америке есть чего бояться».

Наконец, третий — явно отрицательный:

«Американцы оружие скупают ящиками, вопрос: против кого? Защищать себя от США. Статья лжива изначально! С заголовка! Идеологическим центром, противостоящим США, был СССР! Современная Россия, построенная по образу и подобию либерально-буржуазных США, не может быть их антитепой! Современное население РФ, воспитанное в СССР, это основная проблема США и мировой буржуазии, поэтому делается всё для того, чтобы оно скорее вымерло. На это направлены вхождение в рыночную экономику, в ВТО как способы добить экономическую базу, оставшуюся от СССР), образовательная программа в школе, нацеленная на подрыв воспитания будущих поколений в форме свободного Советского Человека. Современная Россия — это не наследник СССР. Это то, во что нас пытаются превратить в угоду США! Не может страна, не имеющая никакой идеологии, стать идеологическим центром».

Думается, тут есть над чем задуматься маститому учёному.

Часто говорят: «Генералы готовятся к прошлой войне», и нередко это оказывается правдой. Но СССР оказался не готовым к войне нового типа — информационной. И РФ тоже такие войны проигрывала, достаточно вспомнить, как преподносились миру войны в Чечне или в Южной Осетии. Тут, правда, сказалось то, что мировые СМИ находятся под тотальным контролем элиты Запада (меньше говорят о том, что и ведущие российские СМИ в большинстве своём тоже работают в интересах Запада). Тем более ценен опыт российского контрнаступления на идеологическом фронте:

«Москва бросает вызов Западу» — так было расценено сообщение о том, что в США будут созданы российские Институты демократии и сотрудничества. Их главной задачей станет «пуб-

---

личная критика состояния демократии в США и Европе в ситуации, когда Москва переходит в наступление в ответ на неоправданную критику ее политического строя со стороны Запада. В Париже уже создан российский институт такого рода, возглавляемый Натальей Нарочницкой. В США он тоже образован, но, кажется, ещё не успел развернуть свою работу, как уже попал под пресс налоговой службы и должен давать объяснения ведомству, контролирующему деятельность иностранных агентов. И всё же теперь Россия будет готова дать свой «объективный ответ» тем, кого в нас что-то не устраивает. И вот радио «Раша тудэй» («Россия сегодня») уже стало самой популярной из всех иностранных радиостанций, вещающих на США, именно её слушают американцы, желающие получить альтернативную информацию о происходящем в мире.

А российский дипломат Александр Серебряков в своей книге «Русский гамбит. На пути к новому биполярному миру» (М., 2012), анализируя международные отношения, выходит за рамки сложившихся стереотипов, сводящих современные двусторонние отношения к традиционным «дуализмам»: Запад—Восток, Север—Юг, социализм—капитализм, демократия—диктатура. Необходимо понимать, что и Запад не однороден, и Восток, а понятия «демократия» и «диктатура» давно уже стали разменной идеологической монетой при определении внешнеполитических задач и разработке внешнеполитического курса целого ряда стран. А. Серебряков предлагает рассмотреть сложившуюся международную обстановку в новом «дуализме»: англосаксонский мир — весь остальной мир. Может быть, именно здесь мы сможем найти причину углубляющегося международного кризиса. Англосаксонский стиль мышления, англосаксонский образ жизни действительно отличаются от стиля мышления и образа жизни других народов, что делает англосаксов в глазах остальных землян своего рода инопланетянами. То, что русским, например, кажется очевидным, англосаксам часто бывает непонятным (и наоборот). Это очень интересная тема, но она заслуживает отдельного рассмотрения.

Возможно ли мирно разрешить неразрешимое противоречие?

Ещё об одной практически неустранимой причине напряжённости в отношениях между США и Россией говорится в статье Владимира Полякова:

«...одна из главных целей «неоконов» (среди которых немало бывших троцкистов) — вечная мировая гегемония «суперэлиты», какой они себя искренне считают. Они уверены, что

«свыше» им дана миссия — властвовать в мире. Потому им «всё позволено».

Про троцкистов — это не выдумка. В цитируемой выше книге Эль-Мюрида «Если завтра война. «Арабская весна» и Россия» говорится:

«...именно американские троцкисты, записавшиеся в «нео-консерваторы», выдвинули концепцию «войны четвертого поколения», «перманентной войны», продолжающей и развивающей концепцию «перманентной революции... Перманентная война» — практически ипостась «управляемого хаоса», создаваемого в разных регионах мира под воздействием «мягкой силы» Соединенных Штатов. «Важнейшей особенностью этой войны стали согласованные действия международных структур — вновь Запад стал координирующим центром, арабские монархии — финансовым центром войны, а сетевые структуры Аль-Кайды, работающие под контролем ЦРУ, — её мобилизационным центром. Такое распределение ролей, по всей видимости, было признано наиболее эффективным, а главное — совершенно безопасным с точки зрения возможного ответа...»

И чтобы подчеркнуть актуальность сказанного, автор продолжает:

«И, раз войны сейчас нового типа, «перманентные», без фронта и тыла, надо понимать, что все мы, независимо от того, чем и где занимаемся, — на войне. Воюем или за Россию, или против неё. Третьего, как говорится, не дано. Вернее, дано — в виде иллюзий, с которыми чем раньше распрощаешься, тем лучше».

Мессианизм как особенность американской идеологии отмечают многие российские учёные, например, доктор политических наук, профессор Эдуард Баталов:

«Американская мечта проникнута духом национального морального превосходства, избранности и проистекающего отсюда мессианства. Янки убеждены, что Соединенные Штаты — «град на холме», путеводная звезда, по которой должны сверять свой исторический маршрут другие народы, а Америка имеет моральное право при необходимости корректировать его. Ибо для того она и послана провидением, чтобы, как заявлял президент В. Вильсон, «указать человечеству в каждом уголке мира путь к справедливости, независимости, свободе... Америка должна быть готова использовать все свои силы, моральные и физические, для утверждения этих прав (прав человека) во всем мире. И с самого начала идея распространения американской модели как образца «самого свободного, самого просвещенного и самого могучего государства на земле», носила наступательный, а часто и экспансионистский характер».

По мнению Вашингтона, государство, способное нанести США ущерб, гарантированно не станет этого сделать лишь в том случае, если его политическая система основана на тех же демократических и либеральных ценностях, что и американская. Президент США, какие бы негативные чувства ни испытывал к какой-либо стране, не сможет объявить ей войну без санкции Конгресса. Конгресс же даст такую санкцию лишь в том случае, если убедится, что в ходе военных действий Соединенным Штатам не будет нанесён неприемлемый ущерб. Поэтому ни президент США, ни Конгресс никогда не объявят войну России, оснащенной ядерным оружием (превентивный удар не рассматривается).

А в России, с точки зрения Вашингтона, парламент лишь штампует указания Кремля. От такой страны можно ждать чего угодно. Конечно, нанесение удара по США — исключительно маловероятный вариант, но в принципе возможный.

Но у России свой взгляд на эту проблему. По экспертным оценкам, за последние 1000 лет она более 950 раз становилась объектом агрессии. Поэтому она, как подметил американский исследователь Дэвид Джонс в сборнике «Стратегическая мощь: США/СССР», озабочена отодвиганием потенциального агрессора как можно дальше от своих границ, не придавая особого значения особенностям его политического и экономического строя (вспомним «санитарный кордон» в виде стран Варшавского пакта, возведенный между границами СССР и государствами НАТО). Вот откуда происходит непонимание Россией того, как США пытаются обеспечить собственную безопасность путём демократизации и либерализации российского государства.

А неприемлемые для США имперские настроения (точнее, стремление к воссоединению государств, образовавшихся после распада СССР) в России сильны. Вот и политолог Сергей Кургиян в одном из своих выступлений говорил «о переменах на Большом Ближнем Востоке, о происходящих в России политических и социальных процессах, **о том, почему воссоздание «обновлённой версии Советского Союза» неизбежно**». Многие в России так видят её будущее: евразийская держава или колония Запада.

«Вашингтон обеспокоен новым «возрождением СССР» — пишет: Олег Потеряев. — Хилари Клинтон, когда была государственным секретарем США, именно так расценила образование Евразийского и Таможенного союзов России, Белоруссии и Казахстана, и добавила, что американские власти будут прилагать все усилия, чтобы не позволить реализовать «ресоветизацию региона». В Кремле утверждают, что слова

г-жи Клинтон — абсурдны, так как речь идет лишь об экономической интеграции трёх бывших союзных республик СССР.

Обращая внимание на факт «столкновения» Русской идеи и Американской мечты, уже упоминавшийся Э. Баталов пишет, что изначально Русская идея ориентировала государство и общество на проведение имперской внешней политики. На проведение имперской политики, сопряженной с применением силы, ориентировала и Американская мечта. Поэтому «холодная война», начавшаяся после окончания Второй мировой войны, это не только противоборство двух социально-политических систем и двух военно-политических блоков, ведомых сверхдержавами, но и противоборство двух идей мессианства, двух глобальных сил, мнивших себя одна — «градом на холме», другая — «Третьим Римом». Для одного носителя идеи — Советского Союза и его преемницы РФ в силу менее благоприятного исхода периода конфронтации — Русская идея сохраняется более для консолидации внутренних политических и идейных ресурсов, для другого — Соединенных Штатов — Американская мечта сохраняет и внутренний, и внешний аспекты, причем её внешнее, мессианское проявление выступает на передний план.

Ну и как же прикажете разрешать это неразрешимое противоречие, если США не могут смириться с усилением России, а Россия не сможет оставаться в состоянии «обрубка СССР»? В другие времена американцы могли бы попытаться разрешить его военным путём, но сейчас, пока у России остаётся ракетно-ядерное оружие, этот путь неприемлем, ибо чреват «неприемлемым ущербом» для США. Пока американцы не оставляют попыток найти такое сверхоружие, с помощью которого США смогли бы сокрушить мощь России, не опасаясь ответного удара возмездия. В данный момент таким сверхоружием им кажется космолёт, летящий со скоростью 6000 километров в час, невидимый для радаров и оснащённый высокоточными ракетами, способными поражать цели в любой точке планеты. Но и Россия, как она ни ослаблена в экономическом отношении, создаёт одно сверхмощное оружие за другим, не имеющие аналогов в мире, так что, видимо, и на космолёты будет найдена управа.

А стратегические намерения и планы США и всего Запада в отношении постсоветской России какими были, такими и остаются. В «Молодой гвардии» уже приводили выступление Билла Клинтона на закрытом совещании Комитета начальников штабов, где он говорил: *«...мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличии-*

---

*ем: мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать... В ближай-
шие десятилетия предстоит решение следующих проблем:*

*Расчленение России на мелкие государства путем межреги-
ональных конфликтов, подобных тем, что были организованы
в Югославии.*

Окончательный развал ВПК России и армии.

*Установление в оторвавшихся от России республиках ре-
жимов, нужных нам».*

Клинтону вторила мадам Олбрайт: «Наша задача состоит в том — поскольку это в наших интересах, — чтобы управлять последствием распада Советской империи».

Вот так, четко и ясно! Но я не хотел бы, чтобы мы заикливались на злонравии Америки. В уже упоминавшейся статье М.Ростовского так определена суть международной политики. «Неформальные правила отношений между государствами часто не очень сильно отличаются от «правил» уличной драки». Если быть откровенным, то надо признать, что почти всякое государство стремится к экспансии, и если представляется возможность — оттяпать кусочек от соседней страны. Каждое заинтересовано в привлечении союзников, но чтобы они не были более сильными. Каждое стремится ослабить государства врагов, проводить не только внутреннюю, но и внешнюю политику, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй!». До недавнего времени поведение государств мало отличалось от поведения звериных стай (читайте труды Конрада Лоренца), и обычным способом разрешения противоречий между странами была война. И лишь появление атомного оружия, то есть угроза уничтожения всего живого на планете, обеспечило почти 70 лет относительного мира, когда великие державы не вступали в вооружённые конфликты между собой, а предпочитали мериться силами на полях сражений в третьих странах (Корея, Вьетнам и пр.). Может быть, Господь и допустил создание атомной бомбы именно для того, чтобы люди получили время одуматься. Хотя природу человека, как пишет историк Вячеслав Рыбаков, не способны изменить никакая идеология и никакая религия.

Агрессия Запада против России продолжается. Результаты этой агрессии, считает бывший министр обороны РФ генерал Игорь Родионов, — более катастрофичны, чем все издержки Великой Отечественной войны.

Новый претендент на мировую гегемонию

Один из лидеров сирийских боевиков открыто заявил (хотя подобные суждения мир слышал уже не раз): «За Сирией на-

---

дёт Россия, потом Европа, затем Америка. Мы не остановимся, пока не создадим Всемирный халифат. Наши главные враги — иудеи и христиане. Неверные примут либо ислам, либо смерть!»

Есть ли у боевиков основания для подобных заявлений? Да, есть. И появились они совсем недавно. В Средние века была уже попытка осуществить эту «арабскую мечту». Тогда воины ислама, словно смерч, пронесли по Ближнему Востоку, Ирану, Закавказью, Средней Азии и Северной Африке, переправились через Гибралтарский пролив и покорили почти всю Испанию и Португалию, нацелились на Францию, но были остановлены (все, наверное, помнят по школьным урокам «Песнь о Роланде»).

В другой раз, в 1299 году, мусульмане, на этот раз турки, основали государство, которое после завоевания Константинополя в 1453 году, стало именоваться империей. В XVI—XVII веках Османская империя была на пике могущества в период правления Сулеймана Великолепного. В этот период она была одной из самых могущественных стран мира: многонациональное, многоязычное государство, простиравшееся от южных границ Священной Римской империи — окраин Венгрии, Королевства Венгрии и Речи Посполитой на севере, до Йемена и Эритреи на юге, от Алжира на западе, до Азербайджана на востоке. Правление Османской династии длилось по 1922 год, когда монархия была упразднена.

Но кардинальные изменения произошли на рубеже XX—XXI веков. Пока ещё остаётся много загадок насчёт подлинных причин американского вторжения в Ирак. По просочившейся информации, Саддам Хусейн, перед тем, как вторгнуться в Кувейт, консультировался с послом США и получил заверение, что американцы не станут вмешиваться в этот конфликт. И для Хусейна стало полной неожиданностью, что Совет Безопасности ООН согласился создать межнациональные силы во главе с США для освобождения Кувейта. В мире тогда много говорили о коварстве американского посла. А на деле тогда послом была адекватно выражена позиция США. Но уже в то время, в 1990—1991 годы, в США назревал финансовый кризис, и они очень нуждались в серьёзной финансовой подпитке. И таковая была им оказана со стороны... Саудовской Аравии. Ирак был разгромлен, а после второй войны фактически расчленён и обречён на долгие годы кровавых схваток на религиозной почве. Саудиты могли быть довольны: Ирак, где правили враждебные суннитам шииты, был выключен из игры.

Вопрос, откуда у короля Саудовской Аравии и властителей других арабских стран в зоне Персидского залива такие

громадные деньги, вряд ли нуждается в развёрнутом ответе. Сказочные богатства арабских шейхов давно никого не удивляют. У этих стран — Саудовской Аравии, Бахрейна, Объединённых Арабских Эмиратов, Омана, Йемена и Катара (с общим населением порядка 50 тысяч человек) — огромные запасы нефти и газа. Они во многом определяют погоду на мировом ранке углеводородов и в любое время могут взять большую часть мира за горло. Экспорт нефти и газа приносит им громадные доходы.

В этих странах для граждан созданы самые благоприятные условия жизни (это не распространяется на иностранных работников). Куда ещё девать деньги? Саудовская Аравия, где зародились и ваххабизм, и идея всемирного халифата (ещё в VII веке!), решила использовать свои богатства для усиления своего влияния в мире и для насаждения наиболее экстремистского направления в суннитском исламе.

И тут появляются основания найти разгадку следующей загадки. Как известно, после мирового финансового кризиса 2008 года многочисленные эксперты предсказывали наступление второй его волны. А новый кризис пока не наступил. Его удаётся оттянуть якобы триллионными вливаниями долларов в экономику США преимущественно за счёт беспрецедентной эмиссии со стороны как ФРС США, так и центральных банков ЕС и Японии. Однако в действительности в удержании американской (а с ней и мировой) экономики на плаву, видимо, решающую роль сыграла опять-таки финансовая подпитка США реальными деньгами со стороны Саудовской Аравии. Помощь оказана, разумеется, не бесплатно. За это США должны были организовать «цветные революции» в тех арабских странах, где у власти находились послушные американцам, но светские, не исламистские режимы. США должны были организовать революции, получившие название «Арабской весны», но они не стали откровенно возглавлять войну в Ливии против режима Каддафи (как они это сделали в Ираке). Они поручили это всё-таки грязное (с точки зрения международного права) дело своим союзникам по НАТО, а те охотно взялись за него, тем более, что у лидеров некоторых из этих стран (например, у Саркози) были на то и личные мотивы. Зато активно включился в эту операцию Катар (у этой страны с населением в 2 миллиона человек, которую на карте мира приходится искать с лупой в руке, — треть мировых запасов природного газа). Ныне Запад, по наущению Саудовской Аравии, ведёт войну в Сирии.

Конечно, ни Саудовская Аравия, ни Катар сами воевать в Сирии не рвутся, их людские ресурсы крайне ограничены.

Однако именно здесь находятся идеологические центры движения за создание всемирного халифата, отсюда рекой текут деньги, на которые вербуются наёмники и закупается вооружение для боевиков. А воинов Аллаха в исламских странах, насчитывающих миллиард человек, в обстановке, когда экстремистское крыло мусульманского сообщества находится на подъёме, нетрудно найти в любом требуемом количестве.

Когда я слышу по телевидению, что саудиты сделали то-то и то-то в Сирии с разрешения США, я прихожу к выводу, что говорящий такое совершенно не понимает, насколько изменился мир буквально за последние 10 лет. В частности, впервые в новейшей истории Саудовская Аравия стала не исполнителем указаний элиты Запада, а, напротив, заказчиком, планы которого послушно, хотя и за большие деньги, воплощают в жизнь США и их союзники по НАТО.

Не исключено, что и Россия в скором времени почувствует, насколько усилилось влияние Саудовской Аравии в современном мире.

Завтра: США и Россия — союзники?

Большинство аналитиков рассматривают современную ситуацию на мировой арене, имея в виду, прежде всего, взаимоотношения трёх сверхдержав: США, России и Китая, хотя в действительности число значимых игроков там растёт. Если свести всё разнообразие мнений к некой равнодействующей, то картина будет выглядеть так:

США вполне устроило бы сохранение нынешнего мирового порядка, обеспечивающего их доминирование в мире. Они хотели бы, чтобы и Россия поддерживала этот порядок. США готовы даже гарантировать сохранение территориальной целостности России с тем, чтобы не создавать рисков для системы поставки нефти и газа. (Распад СССР имел в экономическом смысле концентрацию этих ресурсов с целью снижения потребления на Украине и в других бывших республиках). Желательно снижение потребления нефти и газа в России — для сохранения уровня поставок на мировой рынок. Приветствовалась бы защита России от угроз со стороны китайского населения (не китайского государства). Позволялось бы временами рычание на Америку с тем, чтобы обеспечить заказы американскому военно-промышленному комплексу. Тогда все проявления антиамериканской политики России рассматривались бы как миф для внутреннего российского употребления и для американских налогоплательщиков, которым не хочется платить американским

корпорациям за новую радарную станцию в Польше или Чехии. На деле российские ракеты не могут угрожать российским инвестициям в Америке и российской недвижимости в Европе. Американские ракеты не могут угрожать российской нефтяной трубе, на которой ещё держится мир. В итоге современный мир так и будет стоять, тщетно пытаясь себя поддержать под гнётом энергетической проблемы — пока не сгниёт окончательно, биологически. Контроль же за надлежащим исполнением всеми партнёрами достигнутых договорённостей осуществлялся бы на финансовом уровне. Больше США от России при таком раскладе ничего не нужно. А в самих США в интересах ВПК поддерживался бы миф о гонке вооружений в странах-противниках. Но устроит ли такая картина и Россию, и Китай?

США, воюя в мусульманском Афганистане, в то же время пытаются использовать ислам в борьбе против России и Китая. Однако ислам пока мирно завоёвывает США изнутри. Если дело дойдёт до заключительной стадии войны за Всемирный халифат, то есть уже за Америку, с кем останутся США, кто станет их союзниками? Журналист Алексей Байер в статье «Гибель СССР погубила и США» высмеивает американскую политику в отношении ислама. Он соглашается с Путиным в том, что распад Советского Союза был величайшей геополитической катастрофой XX века.

По мнению серьёзных аналитиков, XXI век станет веком борьбы не на жизнь, а на смерть за ресурсы. И в США есть сторонники той точки зрения, что в этой будущей мировой схватке их страна может оказаться союзником России, которая должна быть достаточно сильной, чтобы не допустить попадания её ресурсов Китаю и другим конкурентам Америки.

Некоторые аналитики пытаются запугать власти США тем, что в ближайшее время новой супердержавой в мире станет Китай, который является стратегическим партнёром России и которому так же, как и США, нужны ресурсы. Продолжая свою агрессивную политику и вмешиваясь во внутренние дела России, США могут получить в ответ военный союз России и КНР, направленный против них. Россия и Китай будут защищать свои национальные интересы и никогда не станут вассалами США, как стали ими Европа и страны Лиги арабских государств, да и Израиль. Россия испокон веков оборонялась от внешних врагов и всегда проводила свою самостоятельную и независимую внешнюю политику. Об этом должны всегда помнить в вашингтонском обкоме и знать, что с Россией надо иметь дело на равных, учитывать её интересы, а не только свои.

Другие, напротив, выступают за союз США и Китая, направленный против России, на совместное использование её ресурсов и на мировое доминирование двух сверхдержав, причём Китаю отводится роль младшего партнёра, на которую он, видимо, никогда не согласится.

Потеря колониальных ресурсов — вот главный страх США и Западной Европы. Без российского газа и исламской нефти Запад в одночасье превратится в беспомощного карлика без всяких баллистических ракет. Не надо воевать с Америкой, ей достаточно будет не давать российского сырья. По-видимому, в США это начинают понимать. Правда, пока РФ может платить зарплаты и пенсии в основном за счёт продажи сырья и энергоресурсов. Однако положение в этом отношении, видимо, скоро начнёт решительно меняться. В этом смысле важны два характерных явления.

Известный российский «политический тяжеловес» Евгений Примаков призвал завязывать с либеральными экспериментами, ибо реформаторы заигрались с рыночными опытами, не подходящими для нашей страны.

Правительство РФ делает шаги по переходу к более осмысленной системе управления. В частности, разработан проект федерального закона «О государственном стратегическом планировании социально-экономического развития Российской Федерации» в целях повышения качества жизни населения, роста экономики и обеспечения безопасности страны. Необходимость такого планирования повысилась в силу того, что решения в оборонной, социальной, технологической и экономической сферах приобретают долгосрочный стратегический характер.

Разумеется, в полной мере эти планы могут быть осуществлены только при обуздании appetитов российских олигархов и при полном восстановлении суверенитета страны.

Россия — спасение человечества?

На протяжении почти всей своей истории Россия либо воевала с захватчиками, либо готовилась к отражению очередного их натиска. И в наши дни она готовится к отражению агрессии со стороны американских захватчиков, японских реваншистов, исламских экстремистов... И вдруг, совершенно неожиданно, она оказалась втянута в войну, об опасности которой никто и не думал, а многие не думают и до сих пор. И, похоже, победа или поражение России в этой войне будет означать продолжение или конец существованию человечества.

Эта идея получила выражение в статье Максима Шевченко «Мы не Европа? И слава богу!». Приведу её основные положения со своими комментариями:

«Между Россией и Западом идет война. За человека и то, каким ему быть. Пока холодная, без артобстрелов... На Западе и в России одновременно принимаются взаимоисключающие законы. Запад легализует гомосексуальные браки. Россия запрещает пропаганду гомосексуализма. А по сути, под запретом Запад и его гей-законы. Россия не хочет отдавать им своих детей и ставит под сомнение ювенальную юстицию».

Эта напасть свалилась на нас совершенно неожиданно. В самом деле, мог ли кто-нибудь ещё год назад предположить, что на саммите «Россия — ЕС» главными пунктами расхождения послужат не экономические или энергетические проблемы, а вопрос о гомосексуальных браках?

Но именно это и произошло. И лидеры стран ЕС выступили единым фронтом, требуя от России, чтобы она включилась в общую тенденцию развития Запада и разрешила у себя гомосексуальные браки со всеми вытекающими отсюда последствиями (усыновление детей, отказ от понятий «мужчина» и «женщина», «отец» и «мать» и т.п.) То, что большинству россиян кажется невыносимым, для людей Запада стало нормой, для них как раз неприемлемыми стали те традиционные понятия, какими мы руководствуемся до сих пор и, надеюсь, будем руководствоваться и впредь. С большим трудом к россиянам приходит **«понимание того, что мы с большинством западных людей принадлежим скорее всего к разным гуманитарным видам, внешне похожим, но внутри уже принципиально иным. С этим непросто смириться — ведь мы привыкли думать, что там живут люди, о которых мы читали книги, смотрели фильмы. А оказывается, там живут какие-то иные существа, совсем не похожие на тех, к кому мы привыкли! Мир Запада с его образами людей, жаждавшими свободы и ненавидевшими тиранию, злодеями и героями — больше не имеет смысла. Похоже, что и человек как индивидуум на Западе тоже больше не имеет смысла. Человека там, похоже, отменили».**

В чём же М. Шевченко видит главное отличие от нас современного человека Запада? Там **«больше нет греха или святости — есть желания, возможности их достижения и разрешение общества. Это раньше человек был грешником — когда еще был человеком. Ведь грех — человеческое понятие. Теперь, когда он официально не мужчина, не женщина, а просто гражданин и партнер (пол не важен) — греха нет. Принятый во Франции закон «Брак для всех» фактически отменяет в Гражданс-**

ком кодексе понятия «мать» и «отец», «мужчина» и «женщина» и вводит понятия бесполох существ: «родитель А», «родитель Б»...

Герои были строителями истории, символами того, что всё можно изменить. История кончилась. Герои объявлены антиобщественными элементами, опасными и зловещими. Их заменили спортсменами и актерами.

Вера — антиобщественна, религия — радикальна и создает неравенство. Вот тезисы неолиберализма, написанные над входом в тюрьму современного мира.

Запад идет к тому, что человек, как он понимался на протяжении истории («дьявол с Богом борются, а поле битвы — сердца людей»), больше так пониматься не должен. Ни тебе дьявола, ни Бога — одна душа и предлагаемые этой душе и придуманные разными дядями и тетями «правовые коридоры».

Для М. Шевченко главное — это религия: «Поневоле укрепляешься в мысли, что монотеистическая религия, вера в единого Бога, поставившая человека в центр истории, есть величайшая форма защиты от этой уничтожающей человека силы. Монотеизм говорит о человеке как о главном творении Бога. В монотеистических цивилизациях этот тезис является своего рода защитной грамотой каждого человека от всеобъемлющего желания общества подчинить себе человека до самой последней его мысли и чувства. Религия есть свобода, от человека ничем и никак неотъемлемая.

Сила монотеистической религии в том, что Бога предать невозможно — даже отрекаясь от Него, человек способен вернуть Его себе в любую секунду. Простыми словами: «Прости меня!» А вместе с Ним вернуть и свободу — быть грешным или праведным, но самим собой, а не таким, как прикажет партия или парламент с газетами и телевидением. И никому об этом чуде не нужно докладывать и сообщать. Эта свобода принадлежит только ему — человеку, решившемуся поверить».

А вот историк Вячеслав Рыбаков — автор книги «Руль истории» — напротив, убеждён в том, что наиболее устойчивой оказывается идеология безрелигиозная, например, господствовавшее в Древнем Китае конфуцианство, в основе которого лежит идея бескорыстного государственного служения. А устойчива она потому, что ни один из её элементов не вынесен в мир иной. У китайцев нет религии, а есть культ предков, из которого вырос культ семьи. «В семье бескорыстная взаимопомощь и коллективизм воспитываются самым естественным образом. Сделать священными семейную иерархию и подразумеваемые ею права и обязанности, а затем продлить

семейные связи вовне, распространить семейные отношения на все отношения субординации внутри страны — эту грандиозную задачу волей-неволей пришлось решать идеологам имперского Китая. Отсюда и передающаяся из поколения в поколение идея: быть порядочным человеком нужно прежде всего потому, что иначе семья будет плохо. Этой системе не грозит никакая секуляризация, она остаётся свята. Культ предков, из которого вырос культ семьи, может ослабеть и забыться, но сама семья пребудет вовеки».

В этом отношении европейская цивилизация оказалась более уязвимой, чем китайская: *«Отказавшись от Христа христианами для замещения загробного рая пришлось придумывать либо будущий бесклассовый коммунизм, либо изобильную демократию окончательно лишённых предрассудков «коммерческих животных», которая вот-вот будет построена, только дайте сперва разбомбить поголовно всех, кому это не нравится».*

Известно, что современная Западная Европа образовалась после завоевания германскими племенами Западной Римской империи. А что представляла собой эта империя времени упадка? — продолжает В. Рыбаков:

«Невероятный произвол императоров, фантастических размеров коррупция, обалделый от бессмысленности народ, способный требовать только хлеба и зрелищ...

Тут подоспело христианство, показавшее, что перспектива есть не только здесь, на земле, но и в мире ином. Не ради завоеваний, но ради рая надо быть честными, верными, храбрыми».

Рим пал, но «эта новая перспектива создала европейскую цивилизацию. Но потом секуляризация, Просвещение и новый кризис смыслов — «галантный век» с его изыскным себялюбием, повальной аморальностью и хиханьками над всеми святынями.

И тогда европейская цивилизация придумала концепцию исторического прогресса: история — движение от менее совершенного мира к более совершенному. И что самое важное — это движение поддаётся сознательному конструированию. Можно предложить концепцию светлого будущего, и тогда уже ради его построения начнут проявляться все лучшие человеческие качества.

Все европейские модели светлого будущего естественным образом оказались пропитаны идеями, высказанными ещё на заре Нового времени в утопиях. А утопии эти — классическое приглашение перемахнуть через пропасть в два прыжка. Работать европейская утопия может только под началом новых управленцев, руководствующихся принципиально новыми

системами мотиваций. Но сами-то эти управленцы могут быть воспитаны только в уже построенной и благополучно работающей утопии».

Читателю предлагается сравнить эти два идеала — китайский и западноевропейский:

«...когда функцию рая в системе общих ценностей выполняет благополучная семья, сытые бодрые старики и здоровые любящие работающие дети, ничего не надо выдумывать, остаётся только строить и строить этот совершенно реальный коммунизм, доступный, в сущности, каждому вполне при жизни...»

В конфуцианстве идеальный управленец вырос из обычного человека старого мира. И потому после каждого упадка или даже распада Китай раз за разом отстраивал свою вполне достижимую утопию, которая умиротворяла страну и с поправками на представления эпохи давала народу то, что можно было считать пусть относительным, но благосостоянием. А на Западе начиная от Средневековья и по XX век все попытки реализовать какую-либо из европейских моделей светлого будущего, в том числе и на российской почве, всегда требовали переделки человека. И поэтому были сопряжены с чудовищным насилием. И давали результаты, прямо противоположные желаемым».

К чему в итоге пришёл Китай, мы видим. А к чему привела Европу её, начавшаяся как христианская, цивилизация, после осмеяния всех святынь «властителями дум» европейцев?

«Многokrатно обжéгшись на идеологиях и попытках реализации утопий, европейская цивилизация теперь старательно, что называется, дует на воду. А именно: не должно быть вообще никаких общих смыслов, от них только тоталитаризм и никакой пользы. А ещё плавное перетекание католического рационализма в протестантский «поюсторонний достаток есть свидетельство Божьей любви», породившей идею, что основным смыслом, главной целью всех усилий человека стал личный прижизненный успех. И потому современная западная цивилизация сейчас не предлагает сколь-нибудь привлекательного образа общего будущего. Количественное накопление благ, увеличение потребления, плюс стволые клетки и переименование папы и мамы в родителя А и родителя Б — вот и вся перспектива».

В.Рыбаков распространяет свои выводы на весь Запад:

«...кажется, они (люди на Западе. — М.А.) уже сами не рады нынешнему положению дел, но у них нет понятийного аппарата, чтобы отрефлексировать сложившуюся ситуацию.

И вот уже испанская инфанта замешана в коррупционных делах, министр нового французского правительства, автор

налогов на роскошь, туда же... То и дело кончают с собой люди, которых выгоняют из их домов за неуплату... Нынешнее лицемерие Запада буквально ошеломляет. Все прекрасные идеи и слова, за которые на самом же Западе люди когда-то шли на баррикады, умирали в тюрьмах, ныне сделались просто ритуальным поквакиванием, которым приличествует сопровождать каждое хватательное движение.

Либеральная цивилизация от жажды денег сошла с ума. В угоду нынешней идеологии людям навязываются уже такие свободы, от которых нормальный человек шалает и не знает, куда деваться. Западный мир, решив, что после распада СССР ему нет альтернативы, разрушает сам себя, безо всяких русских танков.

Честно говоря, даже обидно и горько. Мы же его так любили...»

Отдельный раздел своего труда В.Рыбаков посвящает современному состоянию США. Американцы сегодня воспевают свои заслуги по глобальному продвижению демократии, и «эта выдумка... позволяет их чиновникам иметь хоть какой-то смысл деятельности, помимо набивания личных кошелей из казённого бюджета... Если они... подобно нам во времена Горбачёва и Ельцина, начнут каяться напропалую — их государственный аппарат пойдёт вразнос. Но в эту игру нельзя играть до бесконечности, слишком она кровава. А как только будет достигнут предел роста... Мало не покажется».

Ну а как же быть нам, россиянам? Конфуцианцами мы вряд ли станем. По христианским корням мы вроде бы ближе к европейцам, но те настолько отделились, в нашем представлении, от сущности нормального человека, что нам приходится отделяться от них стеной, как от очага смертельно опасной инфекции. В.Рыбаков согласен, что «прививка» западной цивилизации может Россию угробить:

«...когда у нас возобладала идеология личного успеха, это в первую очередь привело к тому, что высшая бюрократия избавилась от чувства долга перед страной и народом, стала рассматривать страну и народ лишь как средство опять-таки любой ценой добиться личного успеха в более комфортном западном мире. И страна была пущена на поток и разграбление.

Фетиш личного успеха теперь трансплантирован и всем нам. В традиционно государственную экономику и традиционно общинное сознание. И как всегда после неудачной трансплантации, старые наши болезни не отступают, а разгораются с новой силой. Потому что все силы организма начинают уходить на борьбу с чужеродной тканью, а на борьбу с болезнью,

---

из-за которой и была предпринята трансплантация, сил уже не остаётся».

Россию часто упрекают в том, что в ней время от времени возникают диктаторы, удерживающие или укрепляющие свою власть массовыми репрессиями. В.Рыбаков находит этому если не оправдание, то объяснение: наличие двух типов цивилизаций. Западноевропейская цивилизация — это цивилизация «частных дел», а китайская цивилизация (или восточная) — цивилизация «общих дел». В.Рыбаков показывает уникальность России, заключённой между этими двумя мирами:

«В силу своей цивилизационной самостоятельности православная Россия для любого из соседних цивилизационных миров — и для европейского, и для азиатского — никогда не была равноправным партнёром или конкурентом. В отличие, например, от постоянно враждовавших, но всё равно считавших друг друга равными Англии и Франции, Франции и Германии. Россия, территория «варваров-схизматиков», рассматривалась Европой лишь как некий склад стройматериалов и запчастей. Или громадный загон, где коротают свой век рабы. А если эти рабы, когда к ним пришли что-то взять со склада, в ответ не благодарили, а сопротивлялись, тем паче — ещё и успешно отбивались с победой, это было для европейцев... Ну, как если бы мир вывернулся наизнанку.

Борьба шла с переменным успехом. Огромные куски земли оказывались вместе со всем своим населением то окраинами Руси, Московии или России, то снова отходили к тому или иному центру европейской или азиатской силы. Циклы русской истории — это неоднократно повторявшаяся двухтактная схема: «насильственное раздирание — насильственное собирание».

Но почему собирание-то насильственное? Потому что на «раздирании» определённые круги внутри и вне страны имели гешефт, и они сопротивлялись тому, кто лишал их этого дохода. И тогда появлялся диктатор:

«На того правителя, который какой угодно ценой собирал народ в границах одной страны, всегда готовы были на Руси молиться, и прощалось ему за этот великий подвиг многое. Но добиться такого результата можно было только предельной мобилизацией всех ресурсов и сил до последней жилочки. А такая мобилизация не могла быть проведена иначе как через громадную, целиком ответственную за триумф или крах и потому — безжалостную и надменную бюрократию. Во имя защиты страны и сохранения её единства государству можно всё. И отсюда выросла традиция: любой ценой! Нужна победа — мы за ценой не постоим.»

Наши два мира идеологически несовместимы. Потому Запад оправдывает и «огораживание» (сгон крестьян с земли, а затем казни тысяч из них «за бродяжничество» в Англии), и Варфоломеевскую ночь во Франции, и Тридцатилетнюю войну, только в Германии унесшую жизни чуть ли не двух третей населения. Но в каждом деянии правителей России, направленном на собирание расчленённой страны, видит дикость, варварство и неоправданную жестокость.

У России не раз получалось отстоять свою независимость. Получится ли на этот раз — В.Рыбаков прямо не утверждает. Но формулирует условие, при котором у нас может всё получиться: *«Идею можно победить только другой идеей. Идею личного обогащения нельзя победить законом, коррупцию можно победить только великой целью, по сравнению с которой померкнет цель личной наживы. Либо мы эту новую цель выстрадаем — либо исчезнем».*

Вернусь к статье М.Шевченко. Нельзя не согласиться с его тезисом, что *«Россия сопротивляется Западу и тому, что там происходит, пока по инерции. Наши начальники всех мастей инстинктивно чувствуют — что-то не так. Сомневаются и не верят глазам и ушам своим. Понимают спинным мозгом, что, имея дело с Западом, они имеют дело с чем-то страшным, что уже никогда не отпустит. Но ведь на Западе так комфортно и клёво — там деньги и удовольствия, там статус и технологии. А плата за вход — ты сам».*

От общих рассуждений М.Шевченко переходит к изложению своего взгляда на историческую миссию России: *«Уверен, что идеология сопротивления этому злу нового либерального тоталитаризма будет развиваться и формулироваться именно здесь, в России. Важно только понять, что из невнятного ощущения неприемлемости легализации «голубых» по пацанским принципам необходимо пройти путь до философского и политического осмысления того, почему мы — люди, а они там — похоже, уже не совсем».*

Но и М.Шевченко не уйти от вопроса: как быть с «пятой колонной» Запада у нас? Он признаёт: *«Запад же зачинает, рождает и пестует у нас своих неолиберальных «постчеловеков». Они появляются не от союза мужчины и женщины — от мощной медийной машины пропаганды отсутствия греха и культура потребления вкупе с требованием «общественных прав» и ненависти к православию. И, естественно, все это под ласковым взором щедрых западных фондов».*

М.Шевченко призывает всех нас вступить в войну за человека, но сам понимает, что мы пока можем воевать в идейном отношении лишь безоружными: *«...сражаться без пони-*

мания, за что ты воюешь, значит заранее проиграть. А у нас на это просто нет права, ведь похоже, что мы — один из последних оплотов человека и человечества».

Основательно разобрал этот «последний писк моды» умирающего Запада Борис Керженцев в статье «Покушение. Европейские геи и русские сироты». Вот её сокращённое содержание:

Отчаянная борьба французов с собственным парламентом и президентом за сохранение в стране традиционной семьи завершилась полным поражением. Отныне гомосексуальные пары могут не только официально регистрировать брачный союз, но и воспитывать детей. Известия о принятии подобных законов постоянно приходят из других стран Европы и из многих штатов США. Как таковая однополая «любовь» существует со времён древнего мира. Но во все эпохи сами её приверженцы не пытались сделать её нормой для всего общества. А в современном западном мире речь идёт о признании гомосексуализма абсолютной нормой сексуальной и общественной жизни. И именно это ныне делают страны Запада. Так кодекс новой морали переводит гомосексуализм из разряда пороков и преступлений против нравственности в число гарантированных гражданских прав и свобод. Но это не «революция нравов», а всего лишь закономерный и неизбежный результат надлома христианского и, ещё шире, религиозного сознания, произошедший много веков назад. Тогда философы Возрождения создали новую модель мироздания, в центр которой на место Бога был поставлен человек, и сформировали принципиально иной тип сознания. В результате возникло общество, в котором сначала было ослаблено понятие «грех», а затем — и вовсе лишено смысла. Это не сделало людей безгрешными, но создало предпосылки для их нравственной дезориентации.

Те французы, что протестуют против однополых браков, и не думают отрицать какие бы то ни было либеральные институты или выступать против священной коровы современной западной цивилизации — «толерантности». Они просят только сохранить традиционную семью, в которой у ребёнка есть мама и папа, а не однополые родители «А» и «В». Но эта их просьба никогда не будет удовлетворена. Потому что абсурдно, признавая доктрину «прав человека», отказывать человеку-гомосексуалисту в одном из важнейших прав — строить свою частную и личную жизнь по собственному усмотрению. Натуралы, указывая на «естественные отношения полов», совершают преступление против буквы и духа законов собственного общества. Убедительное осуждение

гомосексуализма и успешное противостояние ему возможны только с позиции религиозной морали. В современном мире только в тех обществах, по преимуществу мусульманских, где сильно религиозное сознание, удаётся избежать этих негативных явлений, которыми давно болеет западный мир. Порок и противоестественность побеждаются внутренним самоограничением богобоязненного человека. А европейское общество заранее подписало духовную капитуляцию. Вся его повседневная жизнь полна таких вопиющих проявлений порока, как, например, «косметические» операции по смене пола. Или бесстыдство в женской одежде, реклама, кино и телепрограммы, включая и детские передачи, насыщенные насилием, распущенность в личных отношениях.

Б. Керженцев не согласен с теми, кто полагает, что Россия является таким островком традиционализма и консерватизма в бушующем вокруг море новой морали. Это иллюзия. В нашей стране с 1993 года отменено уголовное преследование гомосексуализма, то есть он официально признан государством как нечто допустимое. А публичное осуждение извращенцев сегодня и вовсе может привести на скамью подсудимых по обвинению в экстремизме и разжигании социальной ненависти и вражды.

Тут нельзя уповать ни на влияние православных ценностей, ни на пионерско-комсомольскую закваску, ни на сдержанную отповедь Путина, данную как-то европейским сторонникам однополый любви.

Итог: проблема легализации однополых браков неминуемо затронет и наше общество. Во-первых, российские сироты рано или поздно окажутся в однополых европейских семьях. Во-вторых, в самой России, вся внутренняя жизнь которой ориентирована на моральные ценности западного мира, логика развития неминуемо приведёт также к наделению однополых пар всеми гражданскими правами, включая право на воспитание детей. И произойдёт это, при условии сохранения современных тенденций, достаточно скоро.

Гомосексуализм — лишь звено в цепи неизбежных нравственных недугов современного общества. С тех пор как права человеческой плоти были признаны в качестве наивысшей ценности, окончательная духовная деградация людей стала неизбежной. Сегодня мы наблюдаем формальное завершение процесса.

Франция или Великобритания с законом об однополых браках сегодня — это Россия завтра или, в крайнем случае, послезавтра. При нынешнем духовном состоянии нашего общества и приоритетов его развития, по мнению Б. Кержен-

---

цева, шанса у России избежать этого будущего нет. Для этого, нужно свернуть с гибельного пути.

Статья вызвала довольно много откликов, и удивительнее всего то, что наиболее яростно нападали на автора женщины. Вот как отозвалась одна из них:

«Очень прискорбно видеть в «Литературной газете» такую одностороннюю и прорелигиозную статью. «Светская мораль — апофеоз человеческой плоти» — с чего автор это взял? Субъективные утверждения, надоевшие уже разговоры о нравственности и морали. Очень неприятно. Но хотя бы автор понимает, что мир меняется...»

Думается, надоесть могут пустые или лицемерные разговоры о нравственности. Но тот, кто осуждает конкретные проявления безнравственности, просто выполняет свой долг человека.

А есть и совсем категорическая оценка: «фашистская статья». Ну, а отсюда уже всего один шаг до вывода:

«Россия на всех парах движется к фашизму. Не случайно все тоталитарные режимы начинали с ущемления прав гомосексуалов — будь то СССР, Германия или Италия 30-х, или современные исламские тоталитарные режимы».

Сейчас уже не редкость — встретить статью, в которой предсказывается, что те люди на Западе, которые хотят сохранить традиционные семейные ценности, в массовом порядке запросят разрешения на жительство в России. Гастарбайтеров из Средней Азии сменят работники из Западной Европы, США, стран Латинской Америки... И это станет новым вызовом для России. Как писал один из аналитиков, *«это сейчас мы видим Европу чистенькой, уютенькой, благоустроенной и в целом доброжелательной. Сейчас нам кажется естественным, что Европа сама по себе миролюбива и толерантна. Однако совсем недавно всё было совсем иначе».*

Европа много веков была, без преувеличения, «цивилизацией войны», которая много столетий назад добилась доминирования над всем миром завоеваниями, чудовищными злодеяниями и истреблением сотен миллионов людей. Цена возвышения Европы — прямое военное подавление иных цивилизаций. Европа «напиталась жирком» и начала процветать только за счет многовековой эксплуатации колоний по всему миру. (Потом эстафету от Европы подхватили США. — М.А.) К началу XX века большая часть современного мира была колониями нескольких европейских военных империй». Вынужденные после Второй мировой войны предоставить колониям формальную независимость, эти империи вме-

---

сте с США опутали новые государства путами финансовой кабалы и по-прежнему более полувека жили за счёт их эксплуатации.

Другой аналитик отметил: *«Собственно США интересов не имеют; интересы имеют владельцы государства-империи США. США — это акционерное общество, получающее дивиденды от собственного имперского положения в мире. В числе мелких пайщиков — большинство американского народа. Крупными пайщиками являются владельцы корпораций. Эти владельцы обеспечивают избрание своих представителей в руководящие органы США, а те, в свою очередь, проводят политику в интересах корпораций»*. Сказанное в полной мере относится и к европейцам.

Нынешние европейцы и американцы ведь не переродились, не покаялись в разбое, который они творили в колониях и в ставших формально независимыми, но полностью зависящими от Запада государствах. Они остались хищниками и паразитами, но цивилизованными, в отличие от «вечно голодного русского медведя». Антирусские настроения они впитывали с детства, Россия вызывала у них отвращение, как всякая варварская страна, зависть к её несметным природным богатствам, презрение за то, что она этими богатствами веками распорядиться не может и позволяет Западу её эксплуатировать, страх перед нашей громадой и военной мощью. Ведь, будучи сторонниками традиционной семьи, они, как уже отмечалось, в остальном придерживаются либеральных воззрений. Не впустим ли мы к себе многомиллионную «пятую колонну» из людей, враждебных русскому пониманию смысла и желательного образа жизни? К тому же их качество как трудовых кадров будет крайне сомнительным, поскольку почти все развитые страны давно вынесли основные производства в страны «третьего мира», и теперь их «трудящиеся» заняты в основном в сфере услуг. (Кому как повезёт: один — банкир, другой — официант в кафе, а третий сам — потребитель социальных услуг, потому что уже много лет остаётся безработным.) Сумеет ли Россия «переварить» громадный массив этих чужеродных элементов?

Когда-то я много занимался русскими славянофилами, большинство которых, скорбя о деградации Запада, всё же признавались в любви к нему, к его истории и прежней культуре. Один из героев романа Достоевского Версиллов был убеждён, что, попади он в Европу, он увидит там лишь дорогие камни и могилы. Лишь немногие, в особенности близкий к славянофилам Степан Шевырёв, долго проживший в Запад-

---

ной Европе, писал о «гниении Запада». Российские либералы всех мастей неизменно высмеивали этот тезис, упирая на то, что аромат от этого гниющего трупя настолько приятен, что притягивает даже и славянофилов.

Самые дерзновенные из славянофилов не просто показывали умирание Запада, но и вдохновляли европейцев: дескать, потерпите ещё немного, вам на помощь придёт юное неиспорченное славянское племя, которое поможет вам снова стать людьми. Вот как, например, это звучало в главном труде князя Владимира Одоевского «Русские ночи».

Рассмотрев состояние науки, искусства и религии современной ему Европы, Одоевский приходит к выводу: **Запад гибнет!** Но гибель Запада — это не конец истории человечества, в мире ещё есть один новый, один невинный народ, который достоин сего великого подвига; в нём одном, или посредством его, ещё возможно зарождение нового света, обнимающего все сферы ума и общественной жизни... Одоевский не заставляет читателя ломать голову над загадкой, что это за народ-спаситель для человечества. Это — русский народ:

«Чтобы достигнуть полного гармонического развития основных, общечеловеческих стихий, Западу, несмотря на всю величину его, недостало другого Петра, который бы привил ему свежие, могучие соки славянского Востока!.. Чует Запад приближение славянского духа, пугается его, как наши предки пугались Запада». Но его опасения напрасны. Когда Наполеон покорял Европу, Россия разбила узурпатора. «В годину страха и смерти один русский меч рассёк узел, связывавший трепетную Европу... Европа назвала русского избавителем!» Но «не одно тело должны спасти мы — но и душу Европы!.. Велико наше звание и труден подвиг! Всё должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы. Другая, высшая победа — победа науки, искусства и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы».

При этом Одоевский успокаивает Европу, которая всегда с подозрением относилась к России: *«Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке...»*

Одоевский был убеждён, что XIX век будет принадлежать России. Он оказался прав, но лишь частично. В XIX веке Россия стала лидером мира в области культуры. В XX столетии она наложила свою неизгладимую печать на все общественные и политические взгляды и на все стороны жизни планеты. Прозрения Одоевского, когда они будут адекватно

поняты, лягут в общую копилку идей, которые выдвинут Россию в XXI веке на роль мирового лидера и в экономическом, и в духовно-нравственном отношении.

Перечитывая то, что я писал о славянофилах и, в частности, о В.Одоевском, я не отрекаюсь от написанного, но добавил бы ко всему вышеизложенному всего одну фразу: «Не всякому европейцу нам надо раскрывать свои объятия».

Насильственное насаждение гей-культуры, ювенальная юстиция и пр. — это только штрихи картины того мироустройства, которое принято называть «Новым мировым порядком». Профессор Михаил Делягин в статье «Российский рубль и «мировая закулиса» опровергает устоявшиеся представления об этом совсем уж людоедском рабовладельческом строе и заскоруждой вере в заговоры и «мировом правительстве», а также высказывает своё суждение о том, как противостоять этому наступлению тёмных сил. Вот краткое изложение этого его труда.

«К счастью, «мировое правительство» как единая структура невозможно: для общественных наук это такой же нонсенс, каким для естественных является «вечный двигатель», нарушающий законы сохранения энергии. Интересы влиятельных сил современного человечества столь разнообразны, противоречивы и изменчивы (как и сами эти силы), что объединить их не может никакая устойчивая структура. Она либо выродится в балаган для бессмысленной болтовни всех обо всём (что, похоже, случилось с ООН), либо, пренебрегая значительной частью интересов, станет инструментом одностороннего и потому неприемлемого для слишком многих насилия. В экономике таковым стал МВФ, в политике — НАТО».

Другие примеры: Давос ещё 10 лет назад был перекрёстком мирового влияния, а сейчас это просто абсурдно многолюдная и пафосная тусовка. Бильдербергский клуб и Трёхсторонняя комиссия, когда-то игравшие большую роль, сейчас в основном стали рудиментом, как масонские клубы, действительно потрясавшие мир — но лишь в конце XVIII века...

Но концентрация бизнеса (и порождаемой им власти) продолжается. И ныне на международных рынках товаров, услуг и капитала господствуют 1100 крупнейших фирм, образующих ядро мировой экономики (но принадлежащих фактически всего нескольким сверхбогатым людям). Они концентрируют критически значимую часть денег человечества. И этот глобальный бизнес, стоящий над государствами, а также государственные лидеры, обслуживающие их деятели спецслужб, науки, медиа и культуры образуют новый гло-

---

бальный управляющий класс. Эти люди, сплотившиеся на самой прочной основе — общности личных интересов и образа жизни, живут не в странах, а в отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих запредельный для обычных людей уровень комфорта вне зависимости от места расположения. Структура этого класса — не иерархия и даже не социальная сеть: это совокупность социальных вихрей, сталкивающихся, распадающихся, перетекающих одни в другие, жестко противостоящих по одним проблемам и объединяющихся по другим.

Новый глобальный класс собственников и управленцев не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни влиятельных акционеров (за исключением его же членов). Попадая в смысловое и силовое поле глобального управляющего класса, национальные элиты перерождаются. Они переходят от управления в интересах наций-государств к управлению в интересах этого класса, в интересах «новых кочевников». Такое управление пренебрегает интересами народов. И если интересы глобального бизнеса требуют обнищания и унижения этого народа, государство обязано идти на «непопулярные» меры. Начав служить глобальному бизнесу, власти любого общества неизбежно предают свой народ, из элиты стремительно вырождаясь в тусовку, пусть даже и правящую.

Я опустил несколько филиппик М.Делягина в адрес нынешней российской власти. Умный, много знающий, но ещё молодой политик М.Делягин, как я полагаю, плохо знает Россию. В юности он начинал с острой критики Сталина, опираясь на публицистику Солженицына, а сейчас выступает с убедительнейшими доказательствами того, что Сталин вернётся. Подождём, пока этот замечательный публицист созреет для понимания современной ситуации в России.

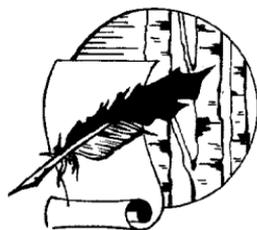
Пессимистический взгляд на будущее России ныне у нас широко распространён, и это большая беда. Как правило, российские державники связывают свои надежды на восстановление могущества России с укреплением государства, либералы — с интеграцией в структуры Запада. Но нередко раздаются и пессимистические высказывания деятелей, которым по определению нужно бы быть державниками и оптимистами. Вот что говорит, например, бывший генерал службы внешней разведки Николай Леонов: *«В настоящее время я с большим скептицизмом смотрю в будущее России, именно прежде всего потому, что погибает ее основная ценность —*

народ. Погибает не только потому, что уменьшается численность, но и качество его становится иным. В этом случае я после разумного, трезвого размышления не могу прогнозировать светлого будущего».

А с заключительным положением статьи М.Делягина я согласен. «Содержанием эпохи, в которую мы вступаем, будет освободительная борьба обществ, разделённых государственными границами, против господства глобального управляющего класса. Это содержание остро ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил...»

Вопрос о том, какое место в этой борьбе должна занять Россия, и займёт ли она его, я предполагаю раскрыть в следующей, последней главе своей работы, посвящённой окончательной деградации Запада.

Светлана СУПРУНОВА

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколение глухих деревень.

Всё едино — дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

* * *

Я повернулась на восход безродно,
Мне показалось, что на полчаса,

И вот уже кириллица не модна,
И с запада слышнее голоса.

Уже с востока тащат разносолы,
Пестры наряды, в золоте персты —
То новые татары и монголы
Идут сюда, под древние кресты.

И спеть бы про туманы-растуманы,
И выпить чарку, и тоску забыть —
Везде базар, и лысые Иваны
Торгуются, боясь продешевить.

Распутная, а может быть, святая,
Какие силы есть в тебе, о Русь,
Коль от тебя, ругаясь и рыдая,
Сто раз уйду и столько же — вернусь!

* * *

В пути — светло, в пути — покой.
Старушка, помолившись Богу,
Меня дрожащею рукой
Перекрестила на дорогу.

Меня возили поезда,
Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда
Дорог российских не хватало.

Так и жила — на стороне,
И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне
Про хворь свою и сны плохие,

Что тягостно в дому одной
И нелегко ей без подмоги,
Что носят пенсию домой —
До почты не доходят ноги,

И что не выйти в старый сад,
А уж куда там по сугробам,
Что жизнь и есть тот самый ад.
А есть ли дивный рай за гробом?

ПОМИНКИ

Осенний день. Безмолвье околотка.
Дешёвый гроб трясётся на возу.
В пальтишке куцем сухонькая тётка
Смахнула пальцем пьяную слезу.

Ни всхлипа и ни воя от ухода,
Ну, что ж, пожил, пора и на покой.
Всего-то горстка хмурого народа
Застыла над разверзнутой землёй.

Сюда, сюда сбегаются дороги,
Сошлись сегодня тот и этот свет.
Под белый саван положили в ноги
Бутылку водки, пачку сигарет.

Потом в избе раскладывали ложки,
Звенели чарки, люд повеселел.
И дождь пошёл, и крест торчал в окошке,
Но вот никто в окошко не глядел.

И гармонист уселся посередке,
Запели песню, как шумел камыш.
«А что за праздник нынче в околотке?» —
«Дак много всяких... Разве уследишь?».

* * *

Мало жизни в сердце, мысли мелки,
И живу как будто по нужде.
Ивовые листья, словно стрелки,
На остывшей замерли воде.

Улеглись под небом как попало,
На людские указав пути.
Где же мой — спустившийся устало? —
Подсказал бы мне, куда идти.

Пляну вверх — немыслимые вёрсты,
Ничего не вижу дальше гнёзд.
На Кремле как будто тоже звёзды,
Только грустно от фальшивых звёзд —

Не мигают вовсе, нету света,
Не ведут ни в стужу, ни в дожди.

Ни с земли, ни с неба нет ответа,
Хоть бы голос чей-то впереди!

Ничего-то, глупая, не знаю
И ничем всерьёз не дорожу.
Справа храм — туда ли я шагаю?
Слева крест — туда ли я гляжу?

ПАМЯТИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не своя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.

Михаил Анищенко

Чей взгляд придирчивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер? —
Ты уходил, ты уходил.

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру,
Пусть за тебя он всё решит,
И, в старый шкаф спрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

* * *

Преет сено в скирдах залежалых,
Пуст сегодня высохший загон,
В тихом доме на обоях старых
Светлые квадраты от икон.

Вон сундук, и мебель не по моде,
И в печи холодная зола,

Лебеда по пояс в огороде.
Где хозяйка? Слышу: «Померла».

У реки заросшая могила,
Сколько их, заброшенных, кругом!
Чую, что-то в жизни пропустила,
Проболтавшись в городе большом,

Что-то поважнее кабинета,
Ванны на девятом этаже.
Что тут скажешь, тело-то согрето,
Только вечно холодно душе.

* * *

Закат сгорел, и звёзды смотрят вниз,
На нашу жизнь с тобой, как небылицу.
Мои друзья без паспортов и виз
В небесную сбегают за границу.

Опять встаю и спать ложусь, скорбя
И пестуя не душу, а калеку.
«Нет, ты не нас жалеешь, а себя —
Не нужную ни времени, ни веку».

Так говорят они, являясь в снах,
И я киваю, словно соглашаюсь,
Но столько правды в этих их речах,
Что я в поту холодном просыпаюсь.

И в голове от мыслей горячо,
Я осмотрюсь — тоска не убывает,
Другое племя дышит мне в плечо
И, поравнявшись, тут же обгоняет.

Натоптано, дорог не разобрать,
И всё-то вбок, и всё-то мимо сада.
А так ли надо? — хочется понять. —
И если так, кому всё это надо?

* * *

Тишины бы в округе, такой,
Чтобы слышать на ветке сороку,

Как врезаются лодка в осоку,
Возвращаясь на берег другой.

Чтобы слышать за вёрсты пургу,
Как в полях оседают туманы,
Как швыряет листву на поляны
Этот ветер, влетевший в тайгу.

Слышать всё бы, до дальних морей,
Не проникшись ни счастьем, ни горем,
Слышать даже, как где-то, за морем,
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы, до самой луны,
Я на небо глаза поднимаю,
Но, проснувшись, опять понимаю:
Не бывает такой тишины.

* * *

Всё просто: встретить на пути
Дубок, и выдохнуть без фальши,
И не мешать ему расти,
Идти своей дорогой дальше.

С корзиной в чашу углублюсь,
Грибы — занятие непустое,
«Ау!» услышу, отзовусь,
И вот в лесу уже нас двое.

То снег, то дождь, а я о том,
Что память вовсе не остыла,
Позвать бы всех в притихший дом,
Кого люблю, кого любила.

Сесть у стола и всё простить,
Поговорить бы нам о многом,
И если не с кем говорить,
То остаётся — только с Богом.

ФОТОГРАФИЯ

Альбомы девочка листала,
Искала что-то без конца,

По фотографиям лишь знала
Она беспутного отца.

Какая горестная сказка,
Какие муки по отцу,
И тонкий пальчик, как указка,
Скользил по гладкому лицу.

И детский взгляд, с рожденья кроток,
Всё снимки жёлтые ласкал,
Искал небритый подбородок,
Глаза потухшие искал.

Она над карточкой молчала,
Водила пальчиком в конце —
Как будто слёзы вытирала
На этом глянцевои лице.

Сергей АГАЛЬЦОВ

*Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно
поздравляет нашего давнего автора, тонкого лирика Сергея
Агальцова с 60-летием.*

*Желаем юбиляру отменного здоровья и долгого светлого
творчества*

И СВЕТЕЛ МИР

* * *

Домик. Ветхая ограда.
Речка. А вдали —
Леса древнего громада...
Небо... Журавли...

Так взволнует поневоле
Этот русский вид,
Что от радости и боли
Сердце защежит!

* * *

Сад заглохший. Но сколько в нем птах!
Сколько щебета, шелканья, свиста!

А над ним — безмятежно и чисто,
И пустынно, светло в небесах.

В самой чаше, где нет ни души,
Я скрываюсь от чуждого ока
И под старую липой высокой
Размышляю подолгу в тиши.

Здесь к себе я и чуток, и строг,
Здесь я душу покоем ласкаю,
Здесь я к мысли простой привыкаю,
Что удел мой не так уж и плох.

* * *

Он говорит, как будто бредит,
Его язык мне, как чужой.
Куда-то на телеге едет,
Лошадку торопя вожжой.

В телеге желтая солома.
Как хорошо прилечь на ней
И мчаться с ветерком до дома,
Сгоняя с лошади слепней

Кнутом веселым и удалым,
Дремотный слушать скрип колес
И наблюдать за странным малым,
Что на закате меня вез

В мое село, к родному дому
Через унылые поля,
На свежем ворохе соломы
Вожжою бойко шевеля!

Он подобрал меня в дороге,
Хоть было нам не по пути,
Повез, мои жалея ноги:
Мне было далеко идти.

И вот в пути со странным малым
Трясемся битых два часа.
Лошадка быстрая устала,
Воды ей хочется, овса.

У дома ей даем напиток
И кормим золотым овсом.

Хочу с возницей расплатиться,
А он, весь в думах о своем,

Спешит в телегу взгромоздиться,
Не взяв копейки, мчится прочь.
А впереди туман клубится,
А впереди — глухая ночь.

* * *

Ручей. Коряга
Наводит страх.
Нужна отвага
В таких местах.

Кругом болота.
И нет пути.
Кому охота
Сюда идти?!

Трава сырая.
В траве — змея.
И замираю
В испуге я.

* * *

Сквозь облетевшие ветки
Старых, корявых ракич,
Как сквозь волшебные сетки,
Месяц волшебно глядит.

Чудится мне — не напрасно
Снова у речки стою
Вечером тихим и ясным
В светлом осеннем краю.

Чудится мне, что сильнее
Я возлюбил в этот миг
Речку, что нежно синее,
Лес, что безмолвно затих.

Я ни о чем не тоскую,
Тихо стою, как во сне.
В дивную пору такую
Что пожелать еще мне?

---

* * *

Сентябрь! Люблю твои картины:
Сухое желтое жнивье,
Сиянье, трепет паутины,
Таинственный полет ее.

Печалью полон он такую...
Но славно мне и хорошо:
Я столько счастья и покоя
Не ведал никогда еще.

Взгляну лишь — купол небосвода
Льет чистый свет чудесный свой.
И так светла вокруг природа,
И светел божий мир живой.

* * *

Гаснет октябрь. Наступило
Время туманов, дождей.
Темное, мокнет уныло
Прясло из длинных жердей.

Грязною стала дорога.
Дождь моросит, моросит.
Села на прясло сорока,
Вертит хвостом и трещит.

Остановлюсь. Что за вести
Нынче она принесла?
Может, обсудим их вместе?
Но у сороки дела.

И улетела сорока.
Меркнет зари полоса.
Вот донеслись издалека,
Из-за реки голоса.

Ах, как одежда наволгла!
Ах, как охота домой!
Смерклось. И снова надолго
Землю окутало тьмой.

РАССКАЗЫ

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

В субботу ближе к вечеру у Саньки Полошина собралось в доме уйма народу. И все пришли послушать Саньку. Саньке было тридцать два года, десять из которых он непрерывно пил. Вообще парнем он был веселым, дурашливым, поговорить любил. Спорить с Санькой было бесполезно. Про таких говорят, ты ему слово, он тебе десять. Но в душе он был человеком не злым. Работать умел, голова на плечах тоже имела. Иногда, то ли хобби такое у него было, то ли от нечего делать, занимался он в свободное время резьбой по дереву. Из небольшой липовой досочки мог действительно сделать маленький шедевр. Получалось неплохо. Только вот одна беда была у Саньки, что тот без конца пил. Многих хороших людей погубил этот зеленый змей в стеклянной бутылке. Случилось это и с Полошиным. Три недели назад от сильного перепоя Санька попал в больницу, где врачам чудом удалось его спасти. Организм был настолько отравлен этой гадостью, что у Саньки была клиническая смерть. После, когда при-

ПРОЗА

шел в себя, он заявил, что побывал на том свете. Видел ангелов и бесов. Врачи объяснили Сашкиной жене, Матрене, что это не редкость, когда люди, оказавшись на грани между жизнью и смертью, рассказывали про потусторонний мир. Был даже случай, когда однажды, от рождения слепого человека так же чудом удалось выгнать из объятий смерти. После он рассказывал, что видел, как его спасают. Описывал обстановку в реанимационной и врачей, что боролись за его жизнь. Так что снисходительно к этому относиться не стоит.

Потому-то и собрались в доме Полошинных люди. Все пришли послушать Сашку. Всем было интересно: как же там и что там. Обычно к Саньке относились с недоверием и несерьезностью, все норовились обозвать дурачком или на худой конец шутком. Теперь же в глазах гостей сияло страшное любопытство. Это хозяин дома заметил сразу. Санька сидел за столом, попивая горячий чай. Гости расположились кто где. Торопиться рассказывать Сашка пока не спешил. Ему было приятно, что его ждут, не торопят и что, самое главное, все здесь собрались ради него.

— Ну, не темни, Санек, рассказывай, али долго молчать будешь, — не выдержала старуха Пелагея.

В основном собрались одни старики. Молодых было мало. Да и это понятно. Пока молодость играет, о смерти думать глупо, да и не думаешь о ней особо-то, не боишься вовсе. А вот когда старость надевает на тебя свой халат с различными болячками и болезнями, то и к самой смерти начинаешь относиться как-то уже серьезнее.

— Ну что я вам расскажу, — Саня отпил немного из кружки и немного помолчал. — Даже и не знаю, с чего начать.

— Начинай, как было. С самого начала.

— Ну, так вот, — Санек улыбнулся, затем серьезно сдвинул брови, оглядел каждого и принялся рассказывать. — Помню, вижу я одну темень, до того темно, хоть глаза коли. И вдруг маленький такой, малюсенький просвет впереди. И голос, откуда ни возмись, говорит мне: не бойся, ступай. Пошел я на свет, иду, значит, а страха никакого нет. Помню хорошо, что не боялся я в тот момент нисколько. Выхожу на свет, стоят двое. Лиц их не помню, вот хоть убейте, не помню. Один в черной одежде, другой в белой. Спрашиваю, где это я. Умер ты, говорит мне тот, что в белой одежде. Так я в раю? — спрашиваю. Рано тебе пока еще в рай, для начала ад покажем, ну а после, говорит, и на рай помотришь.

— Батюшки, — перекрестилась одна из женщин.

Санек с какой-то важностью, как бы, что ли, свысока, посмотрел на нее, отпил немного из кружки и продолжил:

— Так вот. Говорит, ад покажем для начала. И тот, что в темной одежде, берет меня за руку и говорит: следуй за мной. И только стоило мне сделать шаг, как полетели мы с ним обратно в темень. Закружилось все вокруг, завертелось. Тьма кругом. Чувствую только, как этот мою ладонь держит, не выпускает, а кругом крики душераздирающие. Плач, смех, всё вместе. И вот тьма постепенно рассеялась, и вижу я, что находимся мы с ним, ну это... как вам объяснить, ну, что-то вроде шахты под землей. Голову вверх задрал, а вместо неба копоть сплошная. Густая черная-пречерная копоть. Этот, в плаще, все ладонь мою держит, не выпускает. Позже до меня только дошло, что это падший ангел был.

— Ну и брехня, — нагло заявил Гришка Бурьлин. — Такой ерунды я еще не слышал.

Санька нахмурил брови. Такой дерзости в свой адрес он сейчас никак не ожидал. Вообще, Гришка ему никогда не нравился. Вернее, последние четыре года. Раньше Григорий тоже был любитель выпить. Так же, как и многие мужики в селе, пил много и часто. А четыре года назад что-то такое с Гришкой произошло, что он сам бросил пить. Хотя до этого кодировался много раз, не помогало. А тут сам бросил. Взял себя в руки. Вот с того момента его словно подменили. Если раньше до того напивался, что под заборами валялся, не доходил до дому, то теперь сам всех пьяниц стал презирать. Относился к ним с какой-то даже непонятной злобой. Зато и невзлюбили его мужики в селе, и Санька в том числе.

— Замолчи уж, — заступилась за Саньку Тамара, полненькая женщина с узенькими глазами.

— Сам ты брехня. Неинтересно — не слушай, а другим не мешай, — возразил Санька.

— Хоть бы Бога побоялся, — сказала Пелагея и перекрестилась. — Саша, рассказывай.

Санек потер подбородок и тихонько вздохнул. В душе он радовался и ликовал. Даже Матрена молча сидела на кровати и с уважением слушала мужа. И Саньке было особо приятно, что за него заступаются.

— Так вот, ведет он меня, этот в плаще, за руку держит, а другой рукой мне на грешников указывает. А их там, у-у-у, тьма. Все плачут, стонут, грязные, измученные, и все голые. Что женщины, что мужчины, все нагишом. Одни работают. Камни, огромные такие, тяжелые, друг дружке передают. Встали в круг и друг другу передают. От тяжести у самих ноги трясутся, но не падают. Другие в бочке со змеями сидят. Те прям кишат возле их лиц, кусают, и пчелы над головами кружатся, жалят. Вот тогда-то мне и стало страшно. Так боязно сдела-

---

лось, что останусь там. Так жить захотелось. А этот, видно, почувал мой страх, ладонь еще крепче сжал и подводит к одному из грешников. Тот, значит, кладет руку на огромный пень, сам же намахивается топором и — хрясь! — бабы взвизгнули. — И рука на земле. Плачет, корчится от боли. А мы стоим и смотрим на него. А потом — раз, и рука у него снова выросла. И он опять ее на пень и снова топором — хрясь. А так все сначала. Этот в плаще говорит мне: этот грешник мать свою обижал, этой самой рукой колотил ее. И ладонь мою еще сильнее сжимает. А я смотрю на грешника, а самого трясет от страха. Сердце в пятки уходит. Матушку-то я свою тоже не раз обижал. — Санек замолчал. Его не торопили. Молчали тоже. Все под влиянием рассказа были шокированы. Все, кроме одного.

— Нет, ну это надо же так заливать, — начал опять Гришка.

— Ой, умолкни, а! — сказала тому Тамара.

— Что ты к нему пристаешь, — поинтересовался старик Игнат. — Ну, не нравится, не интересно, ну, так и не слушай. Чего ты? Али думаешь, они там, грешники, мороженое с блинами уминают?

— Я ничего не думаю.

— Ну, тогда и другим воду не мути.

— Просто не могу терпеть, когда обманывают. И вас всех жалко, потому как вижу, что он за нос вас водит.

Санек зло посмотрел на Григория. Хотел было сказать ему что-то такое грубое и нехорошее, но не успел, вмешалась жена.

— Значит, так, — привстала с кровати Матрена. — Еще раз вякнешь, я тебя... — она промолчала, но все догадались, что она с ним сделает. Бабой была она крупной. Ее даже Санек иной раз побаивался.

— Так видь... — заговорил тот уже ласково, спокойнее. — Его всего-то две минуты не было. Сама же говорила, что две минуты врачи боролись за его жизнь, не больше. А он тут рассказывает, словно неделю там пробыл, как на курорте.

— Это здесь минута, а там целая вечность, понимать надо, — ответил Санек. — Чай там часов у них нет.

Гришка промолчал, скривил улыбку. Сашка догадался, от чего тот бесится. Просто на него перестали обращать внимания. Вот змей хитрый.

— Рассказывай, Саша, не слушай никого, — произнесла одна из старух.

— И чем дальше он меня вел, тем ужасней становилось и страшнее, — Санек даже заговорил каким-то не своим голосом. — До того душераздирающие крики везде, стоны и плач, что только от этого сердце замирает. Идем с ним, а кругом котлы огромные, вода в них бурлит, и грешники в кипятке от

боли стонут. Так стонут! Невыносимо просто. Представить себе и то страшно, это какие же муки... — Санек немного помолчал. — Воронов там много. Огромные такие, черные. На грешников садятся, тех, что прикованы к стене цепями, и все тело им клюют. Глаза выклеывают, аж куски мяса вырывают. Другие тоже прикованы к стене, по шее в воде стоят и, главное, от жажды мучаются. Только он, бедолага, к воде голову склонит, как она по грудь опустится. Вроде и рядом водичка, а не испить. А дальше и того хуже. Скворода огромная такая, просто громадная, аж докрасна раскаленная, и вот они там, бедные, на ней пляшут, как горох...

— Ага, цыганочку, — усмехнулся Гришка, затем покосился на Матрену, и улыбка пропала.

— Ее самую, — Санек, сморщив лоб, посмотрел на Гришку. — Так вот, ведет этот меня дальше. Кругом пекло, костры горят. Черти маленькие бегают, со стол ростком. Типа надзирателей у грешников. Бормочут, смеются. Весело им там. Поросята волосатые. И вдруг вижу: в котле Борис Анатольевич сидит, — это Санька про Гришкиного отца речь завел. — Кипяток в котле аж бурлит, а соседка извивается, как рак краснющий, вопит благим матом...

Кто-то из тех, кто помоложе, тихонько хихикнул.

— Ты чего ерунду-то мелешь, — сказал Гришка, сам оробевший от услышанного.

— А я-то ведь помню его, — Санек завелся. — На всем белом свете, поди, таких скупых людей не было, как он. Снега зимой не допросишься. Зато сейчас ему там чем не курорт? Отобрал я у чертенка лопату, черпнул угля, да подкинул разок-другой под котел, чтоб не замерз папенька ваш.

— Ну, ты и сволочь! — Гришка психанул, поднялся на ноги.

— Не тронь больного! — закричали бабы. — Только с больной койки, а ты на него с кулаками? Остепенись.

Плюнул Гришка, развернулся и пошел на улицу. Все замолчали. Санек тоже молча смотрел куда-то в угол. Может, и правда перегнул палку. Не нужно было. А с другой стороны, чего он прицепился, рта открыть не давал? Саня тихонько вздохнул.

— В общем, страшно там, страшно. Врагу не пожелаешь там оказаться. Пока жив на этом свете, нужно быть человечнее и добрее ко всем, чтобы тяжело и больно не было потом.

Санька помолчал немного.

— Я это понял. Есть он, Бог, есть. Я вот раньше-то думал, что верю, что он есть, а на самом деле не так верил. А теперь верю. Есть Бог.

Пелагея снова закрестилась.

— Ну а рай какой? Расскажи, Сашенька, про рай.

— Рай? А не побывал я там. Не довелось. Только помню, потом, тот, в белом плаще, так же взял мою ладонь, и говорит: ступай обратно, ты еще там, на земле, не все сделал. Ступай, говорит, живи.

Все молча смотрели на Сашку, который с печалью, с какой-то даже невыносимой болью поглядывал на икону, что висела в углу, и по его щекам катились маленькие слезы.

С тех пор Полошин больше не пил, ни разу не притронулся к спиртному. Через полгода и курить бросил. Ко всем пьющим относился с сожалением. Не презирал их, как Гришка, а сочувствовал им, жалел, пытался помочь. Через год и вовсе ушел в сельскую церквушку послушником. Видно, прав был тот, в белом плаще, не всё еще в жизни успел Санька, рано пока ему помирать. Может, именно сейчас для него и открылась эта новая жизнь.

ЛЮБО, БРАТЦЫ, ЖИТЬ...

Колька Чижиков вернулся в родные края. В деревне не был шесть лет. Как уехал в город, женился, так и остался там. Мать с отцом да брат Илюха, все к нему катались в гости — снабжали картошкой, овощами, мясом... Жилось Кольке в городе трудновато. Об этом мать его не раз жаловалась соседям и родне.

— Истощал весь, исхудал, одни глаза и кожа, — жаловалась она. — Но возмужал, конечно, серьезнее стал. Мужчины! — Старуха улыбалась. — Детишками вот собираются обзаводиться.

— Давно уж пора, — кивали те. — Сколько ему, сорок два?

— В сентябре будет, ага, сорок два.

— А работает-то он у тебя где?

— Ой, — старуха призадумалась немного, потерла щеку. — Что-то где-то охраняет, что-то очень важное и секретное, поэтому и не разглашает. Запретили.

— О как! — с усмешкой произносили бабы.

А работал Колька грузчиком на птицефабрике да подрабатывал сторожем в библиотеке. С его-то образованием — восемь классов — шибко не брали. Крутился, как белка в колесе. Даже пить бросил. Ну, как бросил? Выпивал, конечно, не без этого, но не так, как у себя в деревне. Что ни говори, а все-таки уже семейный человек. Жили они с женой у тещи. Любка, жена его, была на семь лет младше, работала на мебельной фабрике бухгалтером, счет деньгам знала. Да и теща такая же была скупая. Семь раз обдумают, куда деньги пустить, а потом тратят. Для Кольки это было дико, но постепен-

---

но привык, и сам, как уже заметил, стал экономить на всем. Да и зарплату толком не видел — жена в доме рулила. Был еще у Кольки тесть, но тот два года назад скончался от бело-кровия. И остался Колька один в двухкомнатной квартире с двумя злыми бабами. Не то чтобы они его сильно изводили, но расслабляться все же не давали. Особенно теща. Чуть что, сразу напоминала, где его место. Тяжело было Николаю, но уехать в деревню не мог, понимал, что сопьется и пустит свою жизнь в труляля. Не те уже годы, чтобы дурию маяться, семья нужна. Всю жизнь был Колька веселым, дурашливым шутником. Потрепать языком любил. Бывало, если выпьет, всю деревню смешил. А иной раз такое отчудит, аж всех в дрожь бросало, и ведь знали, что помело, а все равно верили. Теперь же, если бы кто из знакомых увидел бы Кольку, то не поверил бы, что это он. Не узнали бы. За шесть лет измучила его городская жизнь, потрепало нервишки семейное счастье. Сегодня утром, в пятницу, у Кольки был выходной. Вчера вечером его сильно ругала теща. Ругала и стыдила. Он получил зарплату, а деньги отдавать не хотел.

— Я же пальто осеннее собирался взять, — оправдывался он.

— Вот осенью и купишь, — наседала теща. — Телевизор менять нужно. Я с пенсии чуть-чуть, ты с зарплаты, и Люба добавит — вот и телевизор. Вот он, хорошенький, будет тут стоять.

Отдал Колька зарплату, сквозь зубы что-то бубня под нос. Немного все же успел заныкать. Ночью в спальне жена его приласкала, успокоила. Но все равно было не уснуть, всю душу истыкали.

По пятницам теща уезжала с утра в другой конец города к своей единственной подруге Гальке. Когда-то они вместе работали в гастрономе. Любка тоже была на работе. Такие дни бывали очень редко, когда его выходные попадали на пятницу. Оттого он ее и любил, такую «пятницу», и искренне ждал.

— По кой черт тебе телевизор понадобился, нам-то он с Любкой ни к чему. Ах, да, я же и забыл, что ты у нас из дому не выходишь да с дивана не встаешь, лежебока. Ух! — Колька заговорил низким писклявым голоском. — Ну, Коленька, ну, зятек, ну, давай возьмем, а в августе обязательно тебе пальтишко купим, я сама тебе на ботинки добавлю, — ерепенился Колька перед зеркалом, грозя в отражение пальцем. — Смотри у меня! И полы пропылесось.

Он спустился во двор, взял в магазине бутылку красного и снова поднялся к себе. Пожарил яичницу, налил в хрустальный бокал портвешка, аккуратно все разложил на столе и затем важно присел. Колька в выходные пятницы всегда хо-

---

дил генералом по квартире. Всерьез ругал тещу, учил чему-нибудь жену, расхаживая с газетой по залу. Размахивал руками, выпячивал грудь вперед и важно разгуливал, как воровей перед цыплятами.

— Ну, так-с, приступим, — Николай потер ладони. Опрокинул бокал, закинул в рот яичницу, разжевывая, откинулся на спинку стула. Почувствовалась небольшая легкость внутри.

— Повторим, — щелкнул он пальцем и быстро наполнил бокал. — Ну, Надежда Григорьевна, за вас, за ваше драгоценное здоровье, чтобы оно у вас было таким же, как у супруга.

Николаю понравился его тост, и он даже погладил ладонью свою грудь. Все же злость, какая копилась у него все это время в душе, давала о себе знать и просилась наружу. Колька бранил тещу. После портвейна он смелел на глазах, даже матюгаться стал, что за ним редко водилось.

— Всего изъездили, поросята, я им что, лошадь, сундук бесчужденный?! — Николай ударил кулаком по столу. — Гады.

Запрокинул голову, замолчал. Вспомнилась деревня, дом, мать с отцом, вспомнился прудик, вспомнились былые веселые дни. Аж ком подкатил к горлу. Сенокос уже прошел. Эх, как Колька любил сенокос, а рыбалку поутру, а песни под гармонь у завалинки, а танцы... хоть и было тогда уже три десятка, а все равно плясал. Такая тоска одолела сразу, так захотелось выть, душа плакала, и по щеке скатилась слеза.

Николай долил остатки в бокал и выпил залпом.

— Все, хватит, еду домой, к себе, в деревню.

Колька убрал все со стола и отправился в зал, громко горланя: «...Выплыва-а-ают расписны-ы-ые,

Стеньки Ра-а-азина челны-ы-ы...»

Ехать в старых брюках и рубахе не хотелось. Колька открыл шкаф, достал тестя покойного костюм. Совсем новенький. Примерил — в самый раз.

— Мне ходить, значит, не в чем, а тут такая красота в шкафу пылится. Дождешься от вас. Сделали из меня оборванца.

Колька снова озлобился на тещу. Взял маленький чемоданчик и подошел к холодильнику. Очень хотелось насолить ей.

— Ох, — махнул Колька рукой, — да гори все синим пламенем, будь что будет. Не съедят же и не выгонят.

Николай достал из холодильника две бутылки хорошего дорого коньяка. В мае тещин племянник приезжал к ним на пару дней из Ленинграда, привез с собой в подарок. Так мамаша даже прочитать этикетку Кольке тогда толком не дала, вырвала из рук и убрала в холодильник. Все берегла для неизвестно какого случая.

— «Рэми-Мартин», — прочитал Колька и аккуратно упаковал обе бутылки в чемодан. — Ой, спасибо, Надежда Григорьевна, что сохранила до отъезда. Вот мы его с батей сегодня и оприходуем.

Колька прихватил еще пару банок шпрот, «докторской» колбасы и, оставив на столе записку: «Уехал к своим в деревню. В воскресенье буду», покинул квартиру. По дороге купил еще пару шоколадок (под коньяк), матери платок, отцу рубаху и двинулся в путь.

Как только Николай сошел с автобуса и увидел родные места, тут же кольнуло под сердцем. Такая волна радости и печали нахлынула одновременно, что он даже остановился. Постоял немного, оглядел родимую улочку, старенькие покосившиеся избенки на ней, сады, полные вишен, березки, тополя и, выдвинув грудь колесом, направился к дому. По деревне Колька шел важно, гордо закинув голову вверх. В костюме и в шляпе, крепко держа в руке чемодан, он шел, слегка посвистывая. Несколько женщин с интересом оглянулись, но никто не узнал Кольку. А тот еще громче посвистывал, чтобы привлечь к себе больше внимания. Хотелось, чтобы его узнали, чтобы увидели, каким он стал — важным, солидным, в пиджаке и брюках, в галстук. Но никто не узнавал. Всего каких-то несколько часов назад душу терзала тоска по дому, город душил своими крепкими стальными лапами, хотелось что есть сил из него бежать, а теперь... А теперь Колька важно шествовал по деревне, насвистывая песенку.

— Чижик, ты, что ли? — послышалось вдруг за спиной. Николай обернулся и увидел своего старого товарища Гришку Бокова. — А я думаю, ты — не ты? И не признал сразу-то.

— Здорово, Гринь, — пожали друг другу руки. — А ты все в мазуте?

— А я все в мазуте, — улыбнулся приятель. Гришка работал на тракторе в колхозе, пятна на зеленой рубахе его уже не отстирывались. — Да ладно, перед кем тут красоваться, — махнул он рукой. — Чай не в городе.

— Это точно.

Уж больно Кольке понравилось, как тот сказал «чай не в городе». Значит, все же осознает по Колькиному виду, что там хорошо.

— А я сейчас к Степану иду, Булка тоже должен быть там. Он, кстати, в том году баню новую построил. Помогли, конечно, немного с мужиками, ну, банька, я тебе скажу, м-м-м, пойдём, увидишь.

— Да я еще у своих даже не был.

— Да успеешь, пойдем, по сто грамм накатим.

Степан с Булкой сидели у яблони и дымили табаком. Поначалу тоже не сразу признали Кольку.

— Да это же Чижик! — первым закричал Булка.

Степан, прищутив левый глаз, узнав в госте старого знакомого, полез обниматься.

— Господи, а ты тут какими судьбами?

— Да вот, — развел тот руками, — работа отпустила, решил своих навестить.

— Это правильно. Ну, присаживайся, давай за встречу. Это надо же, никогда бы не подумал, что снова увижу тебя, — как уехал — и с концами. — Степан открыл бутылку.

— Самогон?

— Ну.

— Не, братцы-кролики, я теперь эту дрянь не пью.

— Ты чего, — Булка даже немного обиделся. — Степан никогда бодягу не гонит.

— Я не об этом. — Колька достал из чемодана коньяк и поставил на стол. — Вот, пожалуйста. «Рэми-Мартин».

— Шикарно живете.

— А то. Город есть город, там все так живут, — сказал Булка. — Это тут пашешь, как конь, а там, вон, — показал на Кольку, — уехал босым, ни рубля в кармане, а приехал человеком.

Николай слушал друзей, и невидимая сила поднимала его от земли. Последние несколько лет он никогда не чувствовал себя так высоко и легко. Гордость распирала его вовсю. И слушая сейчас Булку, даже сам стал верить, что в городе и впрямь все хорошо живут. Поначалу сердце Колькино радовалось, что его никто не узнает, потому как он был в шляпе и при галстукке. А теперь, когда он достал из чемодана коньячка, гордость совсем поперла из всех щелей, и он сам поверил, что стал богатым.

Все выпили, непривычно закусили шоколадом.

— Вот это я понимаю, — улыбнулся Колька и щелкнул пальцем по бутылке. В нем снова проснулся прежний пустомеля. И Николая понесло.

— И часто ты употребляешь такое богатство? — поинтересовался Гриня.

— Да разве это богатство? — махнул рукой. — Как и положено, на завтрак, в обед и на ужин, по сто грамм, а где и по сто пятьдесят.

— Это какие же деньги!..

— В городе все так живут, — не унимался Булка. Ему почему-то очень хотелось верить, что в городе народ живет без

хлопот и забот. Только и делают, что ходят по ресторанам, театрам, кино и распивают дорогие напитки.

— Мне и Любашка моя все твердит, не повредит ли тебе коньячок, мой Косик. Это она меня так ласково называет...

— Как?

— Косик, — Николай приятно улыбнулся. — А я ей: рыбка моя, да я от него только молодею.

— Хех, — засмеялся Булка, — это ты верно подметил. Ну, баба есть баба. Моя мне тоже, еще раз, говорит, появишься пьяным, я тебе, репей, говорит, всю спину скалкой отхожу.

— Здесь у вас — да, — Колька даже как-то печально вздохнул. — Там же у нас все попроще. Все-таки как-никак — культура.

— И не ругается? — спросил Гриша.

— А чего ей ругаться. Я же говорю, культура, — Николай снова разлил по стаканам коньяк, и все дружно дрогнули, закусив шоколадом. — Я иной раз с работы-то прихожу и прям с порога ей говорю: что будет сегодня кушать твой Косик? А она мне с кухни — картошечку с рыбкой... А я ей: нююю, не хочу рыбки, курочки хочу, — Колька заговорил капризным детским голоском. — Моя с кухни подойдет, раздеться поможет, свежий номер газеты подаст и ласково мне так на ушко: подожди немного, сейчас и курочка будет. Я ее ладошечкой, оп, по одному месту, а она — бегу-бегу-бегу, и ширк на кухню курицу готовить.

— Неужто такие бабы бывают? — пораскрыв рты, удивились все.

— А теща как, ну, теще-то все равно, еще та ведьма, а? — спросил Степан.

— Мамаша? Да ну-у-у! Мухи не обидит. С мамашей мне повезло. Ты, говорит она дочери, у меня его слушайся, где еще такого мужика найдешь! Мол, на ус мотай. Не мужик, а золото. — Колька совсем потерял стыд, расхваливая себя. После коньяка он немного опьянел, язык заработал сильнее.

— Чижик, ну а работаешь ты где? — полюбопытствовал Степан.

— А вот этого я вам поведать не могу, братцы-кролики, это военная тайна.

— Военный, что ли?

— Ну почему сразу военный? Работаю на очень засекреченных объектах, — Николай призадумался пару секунд, — ну, можно сказать, и военный, для вас так проще будет.

Только один Булка посмотрел на Кольку удивленно, с каплей зависти. Николай это заметил и снова пошел рассказывать про санатории и моря, где они с женой отдыхают каж-

---

дый год. Когда распили бутылку коньяка, Колька немного приумолк. Вторую доставать было жалко, хотелось выпить с батей. Он тяжело вздохнул, поглядывая на яблоню.

— Ну, чего ты призадумался? — спросил его Степан.

— Хорошо у вас тут.

— А то.

— Пойду я, своих еще наведать надо.

— Может?.. — Степан кивнул на самогон.

— Не, я это не пью, сам понимаешь.

— Понимаю.

Колька попрощался со всеми и отправился к родному дому. Мужики проводили его взглядом, и Гришка открыл самогонку.

— Хех, каким был, таким и остался, — улыбнулся Степан. — Какой военный? Маменька его все жалуется, мол, еле концы с концами сводят, а тут... Коньяк...

— Так ведь город, — печально вздохнул Булка. Ему было жалко, что Николай ушел, хотелось еще послушать о красивой и легкой жизни.

— Да чего там хорошего, в городе? — посмотрел на него Степан. — Разливай, давай, Гринь, нашу. Чего на нее смотреть.

А Колька гордо шел по родной деревне, оглядывая избы, тихонько посвистывая. Рука по-прежнему крепко держала чемодан. На душе было легко и хорошо. Пиджак был расстегнут нараспашку, и галстук играл на ветру. Хотелось смеяться и кричать. И, свистнув изо всех сил, Колька запел: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...»

БЕССОННИЦА

Игнат Ильич Беспризорнов вот уже несколько дней как не может нормально уснуть. Навестила его подруга-бессонница, и как бы он ей ни сопротивлялся, как бы ни проклинал ее, а ничего поделать не мог. Попал в ее сети, и все тут. С возрастом это, что ли, пришло? Не понять. Только и делаешь, что полночи в потолок смотришь, а под утро вздремнешь немного, как уже вставать пора да за руль. Работал Игнат в колхозе, молоко возил в райцентр. За весь день только и думаешь, как бы где вздремнуть, а домой вернешься, приляжешь, и хоть бы хны. Не хочется спать и все. Да даже не в том дело, что не хочется, оно, конечно, хочется, и сам понимаешь, что спать надо, эдак недолго и здоровье подпортить, а не получается уснуть и всё, хоть волком вой. В эти бессонные ночи Игнат частенько раздумывал о жизни: как жил, как

живет, как предстоит жить. Каждый раз вспоминается что-то из прошлого и обязательно нехорошее. Мысли большущим комом лезут в голову, с трудом перевариваясь. И потому Игнат частенько срывался, бранил самого себя, свою жизнь и бессонницу, что всего его извела.

Этой ночью Игнат снова не мог уснуть, переворачиваясь с боку на бок. Жена лежала рядом, отвернувшись к стене, и слегка посапывала.

«Ты гляди-ка, зараза, что делается. Н-да, так и дураком стать недолго. Ну и дела, — подумал Игнат и с отчаяньем вздохнул. — Ох, кошкин ты хвост».

Посмотрел на жену.

— Зин? Ты спишь? — Та тихонько посапывала. — Зин? Ну, ты чего, спишь, что ли? — слегка толкнул ее локтем. Жена проснулась.

— Что случилось? — повернулась она к нему. — Ты чего?

— Ты спала, что ли?

— Чего?

— Разбудил, говорю, что ли?

— Представь себе, — женщина потеряла глаза и слегка зевнула. — А ты чего не спишь?

— Поспишь тут с тобой. Храпишь, как паровоз.

— Ну, начинается. Сам уснуть не может, и все кругом виноваты, — Зинаида снова отвернулась к стене.

— Вот ведь что делается-то, ни в одном глазу сна нет. Эх.

Жена молчала.

— Зин?

— Ну, чего тебе?

— Как думаешь, может, воды напиться, глядишь, усну?

— Чай ты не икаешь.

— Может, поможет.

— Овечек считай.

— Каких овечек?

— Наших в сарае.

— Чего? — Игнат не понял шутки.

— Представь, будто они через плетень прыгают. И считай по одной. Говорят, помогает.

— Она тебе овца что, лошадь, что ли, через плетень-то прыгать? — Игнат мотнул головой. — Вот ляпнет, не подумавши. Ты хоть подумай, прежде чем сказать. Людей-то не смеси. Овцы через плетень. Ты где таких овец видела?

Зинаида повернулась к мужу и посмотрела на него, как обычно смотрят на дурачков.

— Ты как Ванька с соседней улицы.

— Чего?

— Чего-чего. Ничего, — Зинаида приподнялась. — Тебе трудно представить, что ли? Посчитай овец и уснешь. Люди просто так говорить не будут.

— Кто же это, интересно, такое говорит?

— Любка говорила, она в каком-то журнале вычитала.

— Любка и не такого наплетет, только уши развесь.

— Ты сестру не трогай. Ему, как лучше, помочь хотят. Нет, он еще, воробей, ерепениться будет, — Зинка опять отвернулась к стене. — Поступай, как знаешь, а меня не буди.

Игнат почесал затылок, посмотрел на ходики, вздохнул. Уснешь тут, пожалуй. Он еще раз глянул на жену и, укрывшись одеялом, закрыл глаза. Неужто эти овцы и правда чем помогут? Он даже улыбнулся, но все же представил себе, как они прыгают через плетень, и принялся их считать. Несколько раз он сбивался и, скрипя зубами, начинал заново. Но вдруг, на седьмом десятке уже, под окном раздалось противное мяуканье, и его тут же подхватило несколько громких и столь же противных кошачьих голосов. Игнат даже вздрогнул от неожиданности.

— Тьфу ты, мать вашу, — приподнял он голову. — Распелись тут.

Жена тихонько зевнула в подушку и полусонным голосом произнесла:

— Свадьбу, наверное, играют.

— Кто?

— У кошек, говорю, свадьба, наверное.

— Я им сейчас такую свадьбу устрою! Вот возьму кочергу, одного-другого огрею под хвост. Будут знать, как орать под окнами.

Кошки по-прежнему пели.

— Нет, ну это невозможно! — Игнат встал с кровати, открыл окно и, что есть дури, свистнул, четырехлапые разбежались кто куда. — Это, поди, Егоровых глотку рвал. Небось, под своими окнами не орут. Вот я его завтра сапогом поглажу..

— Ложись уж, спи, надоел уже.

— Вставать пора, а ты ложись, уснешь тут с вами. — Игнат посмотрел по сторонам, чем бы себя занять. — Напишутка я, пожалуй, Федору письмецо. Может, поможет чем, совет какой даст.

— Какой совет?

— Как от бессонницы избавиться. Ведь изведет она меня всего. Он все-таки как-никак врач.

— Стоматолог.

— Стюматолог, — передразнил он жену. — А стоматолог что, не врач, что ли?

— Ой, поступай, как знаешь. Как старый дед, ей-богу, ворчишь и ворчишь.

— Я на тебя посмотрел бы, если бы ты вторую неделю не поспала.

— Ну, чем он тебе, Федор-то, поможет? То не писал, а как петух клюнул, так сразу брата вспомнил.

— Вот ты, я не знаю прям, что с тобой делать-то. Если я не пишу, это не значит, что я о нем не думаю. — Игнат присел за стол, включил ночник и принялся что-то искать глазами.

— Ты ручку не видела?

— Карандаш возьми.

— И карандаша нигде нет. Ничего нет. Как всегда: не надо — весь стол ручками усыпан, как возьмешься письмо написать, ни ручки, ни листа.

— Ну, всё, забубнил.

Игнат отправился к дочери в комнату (та сейчас была в городе, в институте) и вернулся радостный, с тетрадью и ручкой.

— В нашу больницу давно бы ходил.

— И что председателю скажу? Не отпустите ли меня, Сергей Андреевич, в больничку скататься, а то, мол, бессонница замучила. Может, и ничего серьезного нет. А я людей баламутить просто так буду. Может, всего-то таблеточку какую надо. Как я людям в глаза потом смотреть буду.

— Вот так всегда у вас, у бестолковых, и бывает. Сначала ерепенитесь, а как помирать начнете, то врача им сразу подавай.

— Тьфу ты! — Игнат даже слегка приподнялся со стула. — Да я что тебе, помирать, что ли, собрался. Ну, как скажешь, ей-богу, прям. Ну, тебя!

Зинаида промолчала. Игнат уселся поудобнее и принялся писать письмо:

«Здорово будешь, брат! Как у вас там городская жизнь продвигается? Ничего? У нас тоже ничего. Все по-прежнему. Все хорошо. Посевная началась. Ни свет, ни заря, как мы уже в поле. А вечером еще в Дивеево молоко вожу. Без дела не сидим, так сказать. Оксанке передавай от нас с Зинкой по привету. Моя-то, Валентина, к вам не заходит? Заходить будет, ты ее там от меня поругай, мол, почему отцу с матерью не пишет, чай волнуются. Мы ей тут посылку давеча собирали, отправили, а дошла или нет — не знаем. Учится она хорошо, это я знаю, не переживаю даже, она у нас всегда страсть как к знаниям тянулась. Мы-то с матерью свой век доживем как-нибудь у себя здесь, а ей свет белый увидеть надо. Но ты ее, Федор, все равно поругай, не дело это отцу с матерью не пи-

---

сать. Она, конечно, уже скоро придет, летом-то, но все равно, черкнуть пару строчек же можно, мол, все хорошо, люблю, скучаю...» Игнат посмотрел на жену.

— Ну-у, засопела.

Почесал ручкой затылок, призадумался немного и принялся писать дальше:

«У меня, брат, вот ведь какая штука произошла. И писать даже как-то неловко. Представляешь, уснуть не могу. Вот ведь как. Бессонница, зараза эдакая, замучила. Я с ней, ока-янной, скоро с ума сойду. Уже дней десять, как уснуть не могу. Я же ведь тоже не железный. Весь день в поле, устаю, как собака, а домой придешь, приляжешь, и хоть бы хны. Ладно бы там совесть мучила или еще чего, никого не обманывал сроду, ни копейки не украл, все честь по чести с законом, а уснуть не могу. Моя тут сегодня отчудила. Овец, говорит, считай, как через плетень прыгают. Ну, баба есть баба, мозгов, как у курицы, только кудахтать и может. Слушай, Федор, помоги, а? Ты все-таки как-никак человек образованный, с дипломом, должен же знать, как от бессонницы избавиться. Может, таблетки какие купить? Не знаю, прям. Ты, брат, смотри сам, если у нас здесь эти лекарства есть, то напиши названья ихни. А если нету, то купи у себя в городе и вышли. Вот ведь, никогда не думал, что бессонницей мучиться буду. А ты, Федор, чего к нам не едешь, чего не навещаешь? Так что этим летом давайте с Оксанкой приезжайте, погостите немного, никуда город не денется, не пропадет без вас. Отдохнете хоть немного от этой суеты. Мы с тобою с утраца на прудик сходим, рыбки половим, ну а вечером и пригубить немного можно. Моя все тоже спрашивает, чего, мол, не едут. Так что давайте к нам. А то уж я забыл, как ты у меня выглядишь. Отца с матерью навестим. Я тем летом матери крест поменял, старый он у нее был, прогнил весь, у отца ничего, держится еще. Оградку им новую поставил... Так что, давайте, Федор, приезжайте. Скучаю по вам. Ну, не буду прощаться. Пишу, как обычно пишут все. Жду ответа, как соловей лета».

Игнат улыбнулся и сложил листок. Посмотрел снова на ходики. Накинул старенькую фуфайку и вышел на крыльцо. Достал папиросину, закурил. Уже рассветало. Весеннее утро отдавало приятной прохладой. Игнат улыбнулся и вдохнул в себя воздух:

— Боже, хорошо-то как. Как же хорошо!..

НИЖЕ ТРАВЫ

РАССКАЗ

Всё прахом пошло — вся жизнь. Распятый на больничной кровати, в гипсе и бинтах, он пребывал в полусне и полуяви, мучаясь не от боли, а от свирепой тоски, которую не в силах был превозмочь.

Смертным боем его издубасили дюжие бритоголовые выродки у самого дома, где он жил. Мало того, у родного подъезда. И никакой у них не было причины — просто, как ныне водится, решили подразмяться. Били напористо, слаженно и безмолвно, но без остервенения, как роботы, и в этом состояла особая изощрённость, потому что на жертву находил страх, что любая попытка сопротивления вызовет в истязателях неистовую остервенелость, и тогда уж никакой пощады не будет. Окровавленного, с переломанными рёбрами и перебитой ногой, потерявшего сознание, его оставили на истоптанном грязном снегу возле подъезда, и он очнулся лишь в больничной палате.

Рассеянный свет тусклого дня с неохотой втекал в несообразно широкое окно с частым переплётом, какие были в зданиях старой конструктивистской постройки. Серая беспогодная суме-

ПРОЗА

речь оцепенело замерла за мутными стёклами, словно время остановилось то ли в середине ноября, то ли в начале апреля. Оскудевшая городская природа топорщилась неказистыми ветками тополей, которые так были обкорнаны, что не привлекали даже самую неприхотливую из птиц — воробьиную мелкоту.

В тесной палате с трудом умещалось семь коек, каждая была занята, но и в этой общежитийной скученности его не покидало ощущение безысходной обречённости на одиночество, тем более что никто, кроме лечащего врача и дежурных медсестёр, не обнаруживал никакого желания пообщаться с ним. Видимо, было в нём, отрешённом и замкнутом, нечто такое, что заставляло оставить его в покое.

Но сам он не мог полностью отключить себя от жизни палаты, и эта жизнь приводила его в ещё большее сокрушение. Его сопалатники насыщались непрерывно, и насытиться не могли. Поглощали любую еду из банок и судков, что приносили им родственники, не брезгуя вместе с тем пресными больничными щами и кашами. Казалось, ничего для них не было важнее и выше в брэнной жизни, чем набивать утробу. Набивать, опоражнивать и снова набивать. О, человеки! Алчное торопливое движение челюстей, жевание, разгрызание, глотание, сопение и вовсе не стеснительная, а как бы демонстративная отрыжка — вот, мол, она, полная «лафа», вызывали в нём тоскливые мысли: какого хрена он писал о народных идеалах, вечных моральных ценностях, духовных традициях?! Стоило лукавым реформаторам «отпустить тормоза» — и всё вернулось на круги своя: к биологии, плоти, дикому мясу..

Он готов был волком выть от скабрёзных анекдотов, сальных шуточек, бесконечных разговоров о самом пустом: амурных приключениях, рыбалках, автозапчастях, самодурстве экс-президента, а более всего — о пьяных похождениях. Уж тут-то рассказчики были доки. Ещё бы, пьянка в стране стала доблестью. И не надо было ссылаться на минувшие времена. Чудные истории вершились прямо у всех на глазах, в той же самой обшарпанной и унылой, с давно не белёными сероватыми стенами палате, куда без всякого выбора заносила судьба самый разный, а на поверку оказывалось — не такой уж и различительный народ.

Даже немало повидавших увечных бедолаг поразил в один из тягучих дней внесённый на носилках сияющий от перевозбуждения калека, вслед за которым его поддавшие приятели тащили телевизор.

— Мужики! — возгласил встрёпанный новичок. — Щас меня по телеку казать будут. Передача «Вечер трудного дня». Криминал! Увидите, как я кджипу приложился!.. Умора, мужики!

Умиление вызывала у сопалатников неряшливо подстриженная под мальчишку носатая и костлявая бомжиха, одетая в затерханый плащишко с вызывающе оранжевым вязаным шарфом, два длинных конца которого ниспадали чуть ли не до самых колен. Эта завзятая модница всякий день являлась к своему покалеченному дружку, принося обязательную чекушку и объедки, набранные в столовой, но аккуратно разложенные, как деликатес, на бумажной тарелке. Чтобы милёнок не затосковал без неё, она даже поселилась на больничном чердаке.

— Небось, семья у вас? — подковырнул её однажды вздоравливающий полнощёкий детина, который уже расхаживал на костылях. — Третьим не возьмете?

— Не созрел ещё, — с презрением ответила ему разборчивая бомжиха, и палата грохнула смехом.

— Ну, это ты брось! — расправил могучую грудь нахрапистого вида молодец из той породы упрямецев, которые и перед бульдозером не посторонятся. — Ещё как созрел! Не то что твой хилак.

— Нет, не созрел, — криво ухмыляясь, осмотрела его бомжиха с головы до ног. — Но уже скоро доспеешь.

— Как это так? — озадачился детина.

— А так! Нам-то уже понятно, что мы лишние на этом свете, барахло уценённое, отбросы, отходы, шлак, а ты тоже лишний, да только ещё не в сознании.

— Чего? — матёрым зверем вздыбился на своих костылях детина. — Ну-ка, повтори, чучело! Ты меня с собой не равняй!.. Какой я тебе лишний, мразь!..

Но грозный вид зарычавшего детины бомжиху не утратил. Напротив, она стала подчёркнуто невозмутимой. Ей даже захотелось «подразнить зверя», и она, сидя у кровати своего дружка, вызывающе закинула ногу на ногу, демонстрируя острые коленки, обтянутые штопанными-перештопанными колготками.

— Ну-с, что ещё мы интересного услышим? — полюбопытствовала она.

— Ты кто такая, а? Ты чего из себя умную корчишь? — несколько поостыл верзила, видимо, зная, что с въедливыми бабами лучше не связываться.

— Кто я такая? А никто! Была учительницей в школе. Полгода нам не выдавали зарплату. И вот тебе, ласковый ты мой, результат. Можно сказать, наглядное пособие. Смекаешь? А если учителя не нужны стали, следовательно, скоро и школы закроются. А дальше — соображай сам. Кем станут твои детки?

Детина одурело хлопал глазами. Потом словно сбросил с себя наваждение.

— Я тебя, заразу, в гробу видал за эту красную пропаганду! Погоди, получишь своё.

И рванулся на костылях к двери.

Пока его не было, в палате стояла полная тишина. Бомжиха медленно поднялась с табурета, в её испитом, болезненно-сером лице каменело пережитое отчаянье. Не глядя ни на кого, она уставилась в занимавшее почти всю стену, поделённое на ровные квадратики окно.

— Все вы тут лишние, — горемычно выдохнула она, — все мы... Или до вас ни до кого не дошло?..

С помощью тучной сестры-хозяйки хромоногий детина навёл порядок: бомжиху выставили из больницы с запретом навещать своего безмолвного и, судя по всему, совершенно беспомощного и не приспособленного к бесприютной жизни коллегу. Поступок детины никто в палате не порицал и не одобрял: он поступил, как повелось, — без всякой задней мысли, добро переводя во зло.

Ни он, ни кто-то другой из больных ни единым попреком не осадил двух анемичных пареньков-наркоманов, которые время от времени появлялись в палате и, не таясь, делали укол своему похожему на призрак приятелю, на спор сунувшему руку в работавшую бетономешалку и теперь покорно ждавшему операции. Все трое были конченные люди, они не «возникали», и видно было, что готовы принять любую напасть без сопротивления и никому перечить не станут, поэтому их никто не задевал.

Зло вершилось беспрепятственно, становясь обыденностью.

И, само собой, одолевали мрачные мысли о потерявшем и утратившем себя народе, бессмысленности бытия в России, обречённости всего, что ещё недавно казалось незыблемым, животворным и полноценным. Беспомощно лежавшего, как перед заклинанием, тоска изводила и напрочь обессиливала его. И никакого интереса не было ему общаться с истёртыми мутной и бескрылой жизнью людьми, искать у них сочувствия и понимания: всё равно ничего не уразумеют, прикованные телом к допотопным кроватям со штангами и противовесами, а душой — к портативным телевизорам, к этим ящикам Пандоры, что высасывают душу виртуальной пестротой и мельканием лукаво отобранных фрагментов суетной жизни.

«Да, тысячу раз права она, — думалось ему о словах изгнанной бомжихи, — все мы изгои, все лишние... Олигофреническое существование... Стадо, загнанное в тупик. Общество, не знающее цели, — не общество, а толпа, способная только шараться из стороны в сторону. А из всех лишних — я самый лишний. И поделом мне: что заслужил, то и получил...»

Добрым быть в это подлое время себе дороже. Недаром уже многими замечалось, как быстро деформировались благообразные лица ведущих политиков, превращаясь в пошлейшие сытые хари. Что ж, естественное последствие внутреннего перерождения...

Но это политики — им всякая мораль только мешает. А для писателя переродиться — смертный грех, полная утрата совести, неминуемая гибель! Но как не переродиться, если никому не нужны теперь книги о чести, долге, справедливости, верной и чистой любви, сострадании, если на всё это, как теперь говорят, нет спроса в самом обществе? А если есть, то очень уж невеликий...

Правда, писательская организация в городе ещё существовала, но особняк, где она располагалась, уже наполовину заняли какие-то хитрые фирмочки, а остальные помещения в нём превратились в неряшливые, заваленные бумажным хламом закутки, с истёртым паркетом и годной лишь на свалку расшатанной и ободранной канцелярской мебелью. Чем не пристанище для бомжей? Мало чем отличающиеся от них, с увядшими лицами и в потрёпанных старомодных одежках, ещё сходились сюда изредка мастодонты пера, чтобы обмениваться неисчислимыми обидами на власть, для которой писатели стали обузой. Никто не стеснялся тут в крепких выражениях, и, по-всякому искостерив начальство, бывшие властители дум принимались за народ, сделавшийся лютейшим мародёром в собственной, истощённой донельзя, стране.

Особенно неистовствовал в обличениях один местный «классик», договорившись до того, что был бы рад, если бы окрест его родной деревеньки народ вымер совсем, тем самым уменьшив число браконьеров и губителей рек и лесов.

Карфаген явно был разрушен, и восстанавливать его становилось нелепее день ото дня. Здесь глухие напрасно старались перекричать друг друга и разогнать тьму спичками.

Он забыл, когда в последний раз заходил в писательскую организацию, напрочь отвыкнув от досужей трепотни, которой любили предаваться никем теперь не востребуемые его товарищи по перу. Никак не тянуло его попусту плескаться водой на раскалённую сковородку, а больше в среде писателей делать было нечего. И, получая жалкую пенсию, он предпочитал подрабатывать краеведческими заметками в газетах.

Всё же он намеревался, поднакопив средств, сесть за новую книгу. Однако, лёжа в больнице, где оказалось довольно времени для размышлений, стал сомневаться, что сможет найти издателя, ибо замысел книги относился к минувшему — подлинной, вопреки Мельникову-Печерскому, истории керженских скитов, где и хранилась русская исконность.

Не хотелось бы терять надежду, но...

В отличие от других больных, его никто не навешал. Лишь спустя три недели к нему пожаловал тридцатилетний сын, одетый под крутого бизнесмена, холёный, рыхлый, круглощёкий, с щетиной на подбородке, как это принято у «новых русских», но с наголо, как и у избивших его отца извергов, остриженной головой.

— Привет, старый! — бодро молвил он, с царственной небрежностью сунув целлофановый пакет с деликатесами в тумбочку, и пошутил: — Ну что, тебя ещё не собираются сдать в утиль?

Дурацкая шутка сына его даже не покорибила — он на своего отпрыска давно махнул рукой. Сын занимался какими-то торговыми операциями, посредничеством — одним словом, был делягой, и всякая тонкость в проявлениях чувств считалась у него презренной «лирикой».

— А знаешь, старый, ты в порядке, — оценил физическое состояние отца сынуля, в развязности которого проявлялась некоторая прибалтённость. — Без булды тебе говорю, в натуре, как огурчик ты на грядке.

— Что тебе, выкладывай? — сурово глянул он на сына, зная, что тот заявился не без какой-нибудь пакости.

Сын усмехнулся одной половиной сдобного лица.

— Обижаешь, старый. Что мне от тебя может быть надо? Прямо чухня какая-то!

Он без всяких церемоний грузно присел на край постели. Халат на его плечах казался лёгонькой накидкой. Расслабив рывком узел золотистого галстука, сын прямым, оголённо бесстыжим взглядом упёрся в глаза отца.

— Говори, не тяни за душу, — ещё больше посуровел отец.

— Ты знаешь, старый, я себе коттедж строю.

— Ну, знаю. Что дальше?

— Мне башли позарез понадобились. На красную черепицу. Ну срочней некуда, в натуре. А я уже в долгах по самую носопырку.

— Залетел, голубчик!

— Круче, старый! Чуть не загремел костями!

Но лукавые глаза сына вдруг просияли, как у школьника, одолевшего кроссворд. И столько совершенно неподдельного простодушия обнаружилось в, казалось бы, чистом взгляде! Всё же отца нельзя было провести.

— Снова кого-то обжулил, мерзавец?

— А вот и нет, старый, не отгадал ты! — восторжествовал отпрыск. — Я твою квартиру продал.

— Как ква... ква... — обомлел поражённый в самое сердце отец, мертвенно бледнея.

— Да не квакай ты, всё будет тип-топ! — нисколько не смутился детина. — Я тебе в своем коттедже комнату выделю.

Отец закрыл глаза, не в силах видеть своего рослого свинтуса. Тот невозмутимо ждал, когда он придёт в себя.

— Подонок ты, и больше никто, — наконец произнёс отец, открыв глаза, и произнёс так громко, что его услышала вся палата. Но никто не ворохнулся, не обеспокоился — слишком уж обычен диалог, что повсюду ведётся между отцами и детьми.

— Не борзей, старый, ты же интеллигентный человек, писатель, общественный деятель, — сладким голосом сердобольной нянюшки стал утешать отца сын. — Не свою ж квартиру мне было продавать?

Эта странная логика великовозрастного захребетника уже не могла удивить.

— А моя библиотека? — вдруг ужаснулся отец, представив, что могло стать с книгами.

— Не бойсь. Твою макулатуру я к мамане перевёз.

— К жене?..

Он не жил с женой, хотя и не был с ней в разводе. Вернее сказать, она не жила с ним, переехав к своей престарелой матери, чтобы обиходить её, да так и осталась там. Разрыв произошёл как бы сам собой, без ссор и скандалов, и каждый довольствовался своей жизнью.

— Маманя согласна приютить тебя на полгода, а там я коттедж дострою, — продемонстрировал свою практичность сын, рассчитавший всё как надо.

— Меня ты спросил, басурман?! — ещё раз попытался оказать сопротивление отец. — И как же ты изловчился продать квартиру без моей воли?

— Легче лёгкого, старый. Такие дела сейчас проворачиваются махом — «ноу хау».

— Не квартиру ты продал — родного отца, изверг. Совесть-то где?

— А вот об этом ты зря, старый, — неожиданно обиделся жизнерадостный сын. — Не ты ли сам лажанулся со своей совестью? Теперь и себя-то прокормить не можешь...

После ухода сына он почувствовал облегчение. Никакие свои утраты ему уже не стали страшны.

Подавленное состояние не покинуло его, когда он выпиывался из больницы. Худющий и долговязый хирург, похожий на иссохшее дерево, долго смотрел на писателя утомлёнными скорбными глазами, не зная, что ему сказать на дорожку, чем утешить и приободрить.

— Ну, чтоб больше никаких переломов, — имея в виду вовсе не медицинский аспект, пожелал он и спохватился. — Да, не забудьте оформить больничный лист.

— Мне он без надобности, доктор.

— Как так?

— Писателям больничные не оплачивают. Не положено.

— Не может такого быть.

— Увы! Мы стали изгоями. Будем вымирать, как мамонты.

— Наверное, и мы тоже, — тяжело вздохнул хирург. — Хоть закрывай эту старую лечебницу: развалится скоро — и поделом. Лекарств в обрез, а зарплата... — И он обречённо махнул рукой. А потом усмехнулся: — Хорошо же я вас утешил!

Да, им оставалось только пожалеть друг друга.

Выйдя из больницы, отлечившийся писатель с прижатым к боку костылём уныло осмотрелся. Идти было некуда, но идти было надо.

С пересадками на двух трамваях и автобусе он добрался до частного деревянного дома на окраине, где жили его жена с тещей. И он приютился здесь на правах не очень желанного постояльца. У него была постель на диване под развесистым фикусом, ему готовилась еда и позволялось слоняться без дела, однако жена не вступала ни в какие разговоры с ним. Не из-за неприязни, а из-за полного безразличия. И если он пробовал заговорить с ней, она просто-напросто выходила из комнаты.

Молчать жена начала в ту пору, когда, упоённый своими писательскими успехами, хвалебными отзывами критиков и прессы, он решил целиком отдаться творчеству и стал вести затворническую жизнь.

Жена посчитала для себя унижительной роль домашней прислуги и в конце концов устроила бойкот ему, возвратясь к своему учительскому труду с вечными проверками тетрадок и внеклассными часами, а затем с маленьким сыном переехала в старый родительский дом. Он несколько раз пытался вернуть их домой, но, наверное, пытался не очень хорошо. Не оттого ли сын теперь такой?

Всё, всё кругом теряло смысл.

Миновала весна, подходило к концу лето, и он уже свободно обходился без костыля, однако всё ещё не знал, чем заполнить дни. Единственное, на что он годился, так это на поливку огородных грядок. Что ему доставляло удовольствие. Другая работа пока не шла — и он откровенно бездельничал, устраиваясь с журналом на лавочке под старой яблоней-антоновкой в целительном тенёчке. Сидя там, он перехватил

однажды взгляд жены — не потерявшая девичьей стати, хрупкая, невеликого росточка, будто состарившаяся девочка, она глядела на него с такой беспощадной жалостью, с какой смотрят на самых пропащих забулдыг или калек. У него даже похолодело внутри.

Собственная никчёмность гнала его куда глаза глядят.

Услышав по радио о благотворительной автобусной экскурсии в Дивеево, к мощам преподобного Серафима Саровского, он, недолго думая, решил отправиться туда.

Приехали на место в субботний день и поразились невиданному скопищу машин и паломников возле монастыря. Народ кишмя кишел. Не любитель ходить с толпой, неприкаянный писатель сразу же отделился от своей группы, направив стопы к величественному и нарядному Троицкому собору, окружённому живым венком из пряно пахнущих кустистых флоксов.

Тайно крещённый в младенчестве, а воспитанный воинствующим атеистом, он во всём, что касалось веры в Бога, привык находить несоответствия и нелепости. И тут не преминул поискать их. «Обновить, подкрасить, иззолотить — это мы пожалуйста, а переродиться можем — едва ли, — думал он. — Когда была ложь — тогда или сейчас? Или — тогда и сейчас?..»

Конечно, его не могли не покоробить табличка напротив главных храмовых врат с надписью «Обмен валюты», отшлифованная и почти напрочь стёртая спинами фанатиков кора старых лип, растущих вдоль восстанавливаемой Богородицыной Канавки, прикосновение к которым якобы исцеляло.

Недалеко от этих лип расторопные старушки и молодки набирали в мешочки глину из пока ещё неглубокой ямы.

— Зачем вам глина, крещёные? — не сдержавшись, спросил он.

— А это мы на могилки, милок. Землица тут, видишь ли, святая, — ответила ему одна из женщин.

Он неспешно двигался от поворота к повороту, означенным деревянными, выкрашенными в синий цвет крестами, пока не вышел на участок, где монастырские послушницы и рабочие копали дальше Канавку, утрамбовывая повдоль её высокую крутую насыпь. Здесь, по преданию, прошла Матерь Божья вместе с преподобным Серафимом. Тянулась Канавка когда-то на восемьсот метров — три аршина в ширину, три в глубину, да насыпь высотой в три аршина. Но он, глядя на всё это, не испытывал никакой благодати, его не покидали крамольные мысли, душа сжалась в комок.

Не понравилось ему и у знаменитого источника. В бревенчатую часовенку, пыхавшую жарищей от множества зажжённых

ных свечей, не протиснуться. Вокруг купальни-омутка нет места, чтобы встать. Что за мука такая — быть маловерующим и за деталями не видеть целого!

Лес у источника был донельзя захламлён свалками, строительными отбросами, кучами сгруженного застывшего бетона, ископан песчаными карьерами и изрезан колеями, рядом с которыми валялись старые автомобильные покрышки и мятые канистры. Самое место для пресловутых сталкеров, тем более что всего в нескольких километрах отсюда — ныне уже не секретный город атомщиков Саров. Для кого-то и святыни — не святыни. Голому рационализму достаточно имитации бытия. Духовность же может вырасти только из способности любить всё живое, пренебрежение к духовности — пренебрежение к самой жизни, к естеству, подлинности её. Нет любви — нет и полноценного здорового бытия, а есть только грязь, и свалки, и растление, и содомский грех.

Он вернулся из поездки ещё более угнетённым. Не сошла на него благодать... Его оставила всякая надежда вернуться к полноценной жизни: костёр отгорел и остыл.

Лучшим выходом представлялось бедняге исчезнуть незаметно и бесследно. Накануне он вспомнил про одну гиблую топь, на которую когда-то набрёл в молодости, собирая грибы с местной целительницей бабой Нюрой, благодостной старушкой, знавшей его отца ещё в давние тридцатые годы. Отец был известным врачом и отпуск любил проводить вдали от городского шума, среди кержацкой крепости, останавливаясь в сельце Верейки у приветной молодухи-приворотницы, каковой и слыла тогда на всю округу баба Нюра. Как бесплодную, её никто из местных не взял замуж, и она вековала одиночкой. Отец не считался ни с какими суевериями и дружески сблизился со знахаркой, но, как говаривала баба Нюра, греха между ними не было. Чистоту чувств в те времена ещё многие умели ценить.

После гибели отца на фронте как-то само собой и он повадился ездить на каникулы в Верейку, отъезжая на деревенских харчах. Лес баба Нюра любила больше всего на свете. И даже в преклонные лета её милостивое лицо словно бы освещалось изнутри, стоило ей только подойти к опрятному ельничку. Не окажись рядом бабы Нюры, с которой он однажды пошёл по грузди и, увлеченный поиском, намеревался перемахнуть через поросшую длинной сочной травой кулижку, быть бы ему в коварном болоте, что мигом засасывает с головой. Но баба Нюра в последний момент с неожиданной стремительностью метнулась к нему и цепко схватила за руку. «Чего ты?» — вытаращил он на неё глаза. «Чаруса, сынок.

Запомни её — и сюда ни ногой». Вот она и возникла снова в памяти, эта ярко-зелёная чаруса, где ветерки пробегают по траве серебряными струями. И неотвратимо потянуло туда, повлекло к заклятому месту.

До Верейки он добрался уже поздно вечером, прошагав от трассы четыре километра. Чётко обозначился на фоне огнистой зари чёрный искривлённый остов церковного купола без креста, а пониже сорные берёзки, целой рощицей проросшие из кирпичных крошащихся стен; открылись пологие скаты тесовых крыш, густая верхушка старой лиственницы, шест колодезного журавля с обрывком цепи, а затем уже приблизились и стали видны заросли цветущего чертополоха, жердевые перекосившиеся прясла огородов и, наконец, сами избы, где с заколоченными ставнями, а где с пламенеющими отблесками догорающего заката на окнах.

Надо было поторапливаться.

Быстро темнело, но на селе не зажглось ни огонька. Тишина стояла такая бездыханная, что становилось не по себе. Он миновал почти весь порядок и остановился перед немотной избой бабы Нюры. Сложенная из могучей красной лиственницы и простоявшая едва ли не век, изба нисколько не казалась ветхой. Тяжёлые плахи ступеней не скрипнули под его ногами, когда он взошёл на высокое, с перилами крыльцо.

Что-то стонулось в его груди, как бы отмякло. В последний раз, когда он был в Верейке, баба Нюра была ещё жива. Он и теперь чувствовал на себе её приветный, добрый взгляд...

Густой туман, заставляющий зябко ёжиться, уже выплывал из близких лесных чащоб на улицу и торопил скрыться за надёжными тёплыми стенами. Но было неловко взять и воровски войти в дом. И он в смущении и смятении ждал некоего знака, порыва, повода, раз уж не было кругом ни одной живой души.

Но вот почудилось, что где-то рядом мягко подалась на петлях дверь. Он стал напряжённо вслушиваться и, ничего не услышав, всё же решил сходить и посмотреть, не появился ли кто в соседних домах. Сладостной горечью тёплого печного дыма пахнуло на него.

Через две избы, в третьей, мерцал в окнах слабый прыгающий свет. Воодушевлённый этим маячком, он решительно вступил в тёмные сени, на ощупь отыскал дверь и распахнул её. Сразу бросилась в глаза по-медвежьки крупная фигура, склоненная у печной дверцы. Незнакомец обернулся и, кроме блеснувших очков, удалось при пляшущих отблесках огня рассмотреть широкий лоб, жёсткие запавшие щёки и коротко, по-шкиперски остриженную сивую бородку.

— Здравствуйте! — гостеприимно, но не без иронии, густым басом произнёс незнакомец. — Будем считать, что пополнение прибыло.

— Какое пополнение? — растерялся писатель и захотел уточнить: — Кажется, это дом Кауровых?

— Точно так, Кауровых.

— Но ведь хозяин...

— Да, хозяин уже второй десяток лет как «за бугром», — подтвердил незнакомец.

«За бугром» по-здешнему значило — на кладбище. Они оба помолчали.

— Вроде бы у него должен остаться сын, — начал припоминать писатель. — В Омске или Барнауле, за тридевять земель отсюда. Химик, учёный.

— Я и есть этот сын, — отозвался незнакомец. — Доктор химических наук. — И вдруг, прервав себя, спохватился: — Лампу сейчас зажгу. Керосину-то в обрез, экономлю. Но раз гость...

Через минуту он засветил фонарь «летучая мышь», без которого не обходятся в глухих деревнях.

— Электричества в селе давно уже нет. Как и радио. всё ликвидировано за ненадобностью. Стало быть, возвращаемся в каменный век, — невесело пошутил доктор наук, неведь зачем оказавшийся в родных палестинах. — Электроника, компьютеры, спутники связи, Интернет, клонирование... Прогресс не остановить, однако, как видите, и без него обойтись можно...

Печь уже всю топилась, весело потрескивали полешки. Они уселись за стол.

— Значит, на «малую родину» потянуло? — завязал разговор писатель.

— На малую? — омрачился в охватившем его неожиданном недовольстве химик и гневно отрезал: — Нет никаких малых и больших, есть — Родина!.. — Тронув на переносице очки, заговорил уже спокойнее. — Это мы, гнилая сентиментальная интеллигенция, покинувшая родные деревни и осевшая в городах, придумали себе две родины, двойное гражданство, чтоб слезливо умиляться: ах, деревенька моя!.. Только на эти слюни нас и хватило. И плевать, что мы всё это предали, оставили на вымирание, корнями пренебрегли: мол, пусть там остаётся наше милое прошлое, остаётся, как в музее, нетронутым, ибо святыня, а жить-то нам предназначено в немилой городской среде. Куда ж денешься от комфорта?.. Дачей стала деревня, а она не дача, не второй сорт, не убогая малая родина!.. — Он снял очки, протёр стёкла платком. —

Простите, горячусь вот. Надоело быть в узде расхожих представлений.

— Я понимаю, — посочувствовал писатель.

— Повинную голову понёс я сюда, — заговорил снова Кауров. — Дошло, наконец, до дурака, отчего у нас всё гибнет: и наука, и культура, и эта треклятая экономика, которая в руках прохвостов... Становую жилу мы перерезали, от себя самих отреклись. Теперь вот хоть заново учиться ходить.

Доктор наук замолчал, и мягким нежным звоном окатила собеседников благодатная первозданная тишина, прерываемая лишь деликатным потрескиванием горящего дерева. Запотевшие от печного тепла окна просохли, очистились, и за ними застыла густой ваксой непроглядная ночь.

— Парадокс, — отгоняя от себя мрачные мысли, осклабился химик. — Вернее, метаморфоза: русская интеллигенция в былые времена народ жалела, а теперь жалеет одну себя.

Писатель нервно дёрнулся — зацепило за самое больное. Он спросил:

— И что же вы намерены делать?

— Жить здесь. Скоро картошки накопаю — весной посадил. Козу на первый случай заведу.

— Как Робинзон Крузо? — невесело и не без скепсиса усмехнулся писатель.

— Вас что-то смущает? — встал и зашуровал кочергой в печке химик. — Я, между прочим, лишён возможности всерьёз заниматься наукой. Наши лаборатории простаивают без реактивов. Сотрудники у меня шмотьём на рынке торгуют. Кому ещё непонятно, что всех нас «кинули»? Один выход есть — перебраться за рубеж, там нас с руками и ногами рады принять... Но только совесть нам тут придётся оставить...

— Да-а, — потянул писатель, не зная, что и сказать.

— Церковь хочу восстановить, колокол привезти, чтоб людей к вере звать, — поделился сокровенным химик. — Есть же ещё окрест живые души.

— А сам в Бога веришь?

— Как сказать... Если честно — ещё не знаю. Видишь — иконы в доме родитель сохранил. Не зря, видно. Может быть, знал, что вернусь сюда? Ну что, давай на пару со мной церковь-то?..

То ли всерьёз, то ли в шутку предложил... Но глянул пристально, с пытливостью. Писатель растерялся, ни на минуту не забывая, какую участь он себе уготовливал.

Пора было идти...

— Может, у меня переночуешь, — дружески положил ему руку на плечо Кауров.

— Нет, двину к себе, — машинально произнёс он это «к себе», подразумевая, конечно, дом бабы Нюры.

В сильнейшем возбуждении он переждал темноту, сидя на лавке в пустой нежилой горнице, а чуть свет вышел наружу.

Густая молочная муть тумана заволакивала всё кругом, и он долго стоял в нерешительности, как бы ожидая, когда прояснится.

Ноги сами повлекли его по селу. Утренняя свежесть пробирала до костей, выхолаживала одежду. Ботинки намокли, потому что он шёл обочиной по обильно осыпанной росами мураве. Его ничто не останавливало и ничто не подгоняло. Он вошёл в разорённый обветшавший храм, когда оттуда вытягивало последние ключья тумана.

Трепет охватил горемыку. Он смотрел на ободранные голые стены, узорную решётку узкого арочного окна с выбитыми стёклами, мешки с цементом, на три мятых ведра со следами замеса, горку речного песка с воткнутой в него лопатой, на рогатую тачку, и что-то ещё неведомое или давно забытое пробуждалось в нём.

Неожиданно заохлоло правую щёку, он коснулся её ладонью и увидел, что ладонь мокра. «Что это?.. Слезы?.. С какой стати?.. Неужели я плачу?.. Разве я могу плакать?.. Как же быть?..»

В полной растерянности он стал оглядываться, не понимая, каким образом одолеть своё смятение. Блуждающий взгляд его остановился на тачке. И в невольном порыве он подался к ней.

Через минуту он уже катил увалистый короб с ещё не отглаженными шершавыми ручками к речным ракам, к той знакомой издавна горбатистой отмели, где был самый чистый, словно просеянный, песок. Тропинка спускалась в канавку, похожую на ту, дивеевскую, только поменьше. Это была его Канавка.

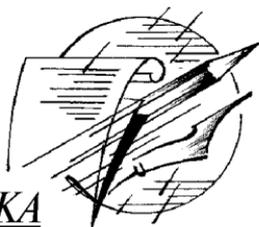
Не замеченное с рассвета в тумане августовское разноцветье опьянило его. И посверкивающая на солнце росными алмазами трава, и пронзительная синь цикория на заброшенных некосях, и горящая золотым жаром долговязая пижма, и розовые султаны иван-чая — всё было так ярко и празднично, что хотелось запеть. Он остановился, чтобы полюбоваться нарядным кустом калины в резных листьях да лаковых гроздьях ягод, и забылся. А очнувшись, изумился: «Чего мне ещё надо!»

И покатил тачку дальше.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В РОССИИ

Представьте, что несколько беспризорных котов на химкинской помойкедохнут от неизвестной заразной болезни. Вскоре та же зараза отправляет к кошачьему богуеще несколько домашних московских кошек. «Для человека зараза не опасна», — успокаивает Онищенко. Однако уже в июле градоначальник подписывает указ, согласно которому абсолютно все домашние московские кошки подлежат изъятию и уничтожению. Не больные, а здоровые кошки. Цель превентивной акции благородна и парадоксальна: нераспространение кошачьей заразы по столице и... сохранение в ней популяции домашних кошек. Основания для изъятия — постановление правительства РФ от 26.05.2006 «Об отчуждении животных».

Скажут, это бред. Как бы не так. 22 июля 2013 года ответственный за сельское хозяйство в России вице-премьер Дворкович на совещании в правительстве предлагает ввести запрет на содержание свиней в личных подсобных (ЛПХ) и небольших фермерских хозяйствах. Повод: распространение в России африканской чумы свиней (АЧС). По мнению Дворковича, защитить свиней от АЧС можно только на

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

крупных свиноводческих комплексах. Почти одновременно, в июле, несколько губернаторов вводят региональные запреты на разведение свиней в ЛПХ. На Белгородчине и Дону, Верхневолжье и Кубани, в других областях начинаются насильственные изъятия у крестьян здоровых свиней, сопоставимые по масштабу с раскулачиванием русского крестьянства 30-х годов. В начале августа Национальный союз свиноводов (клуб миллиардеров-монополистов) предлагает Дворковичу перенести опыт Белгородской и других областей на всю территорию России.

Согласно статье 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности охраняется законом (часть 1), каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им (часть 2), никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (часть 3). В 2005 году Конституционный Суд РФ пояснил, что по смыслу данной статьи во взаимосвязи со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, право частной собственности не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Почему это важно? Да потому, что свинья, которую у меня хотят отобрать, ни под одну из перечисленных категорий не попадает.

То есть закон говорит, что вы имеете конституционное право иметь свинью. И ни Дворкович с губернатором, ни полицейский с ветеринаром, ни Мишка Квакин с Тимуром и его командой не имеют права отнять у вас вашу свинью без решения суда. Если вы ее не украли, а купили, или она появилась на свет божий у вас в хлеву, то это ваша свинья по закону. Если у вас ее хотят отнять через суд, то вам под расписку должны вручить повестку в суд. На суде вам должно быть предоставлено право на ознакомление с делом (с иском того, кто хочет отнять вашу свинью и с документами, которыми он аргументирует свое желание). Вам должно быть предоставлено право на защиту. Если вы не согласны с решением суда, можете обжаловать его в вышестоящей судебной инстанции. Пока решение суда не вступило в законную силу, ваша свинья по закону остается с вами. Всё это, кажется, очевидно. Однако ни в одном из уже сотен тысяч случаев изъятия здоровых свиней на территории России не было принято ни одного судебного решения об изъятии. Ни одному свиноводу не была вручена повестка в суд. Ни у кого не было возможности ознакомиться с делом и прибегнуть к помощи адвоката. Здоровые

свиньи изымаются просто: на основании антиконституционного постановления правительства от 26.05.2006 «Об отчуждении животных и изъятии продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных» и на основании антиконституционного распоряжения губернатора либо главы района. Происходит грубейшее нарушение закона — в отношении сотен тысяч людей. Экономические и социальные последствия такого унижения государством собственных граждан сложно предугадать. И что особенно симптоматично: не известно ни об одной попытке свиноводов бороться с беззаконием государства в суде.

Два слова о самой чуме. Это вирус. Свинья от него чаще всего умирает. Для человека вирус неопасен. Ни от живой свиньи, ни от свиного мяса, обработанного термически, человеку заразиться невозможно. И это важно: эпизоотия (так называются эпидемии животных) АЧС не опасна для человека. А вот от свиньи к свинье вирус передается через животных, корма, человека. Вакцины от вируса пока нет. Или говорят, что нет. Профилактическая защита — соблюдение здоровых норм дезинфекции обслуживающего персонала, термическая обработка кормов (то есть варить зерно, чтобы вирус, если он есть в корме, погибал от кипятка).

Интересна статистика. На июль 2013 года по всей России имелось всего 58 очагов АЧС в личных подсобных хозяйствах. Всего же таких хозяйств в России — более 17 миллионов. Из-за 58 случаев этой болезни в сотнях тысяч хозяйств вырезают здоровых свиней — буквально без суда и следствия. При этом вспышки эпидемии регулярно фиксируются и на крупных свинокомплексах — в Краснодарском крае, Тверской, Воронежской и других областях. В этих гигантских хозяйствах внедрены последние, многоступенчатые методы защиты от АЧС, персонал передвигается чуть ли не на луноходах и в скафандрах. И при этом АЧС время от времени вспыхивает и там. Человечеством не придумано еще **абсолютных** мер защиты от вирусов и микробов. На свинокомплексах работают тысячи людей, дезинфицировать и проконтролировать каждого из них — нереально. Однако почему-то никто не предлагает запретить выращивать свиней на крупных свиноводческих комплексах. Настойчиво предлагается лишь одно: уничтожить и запретить разводить свиней исключительно на личных подсобных и мелких фермерских хозяйствах. И соотношение больных и здоровых, но предназначенных на истребление животных какое-то несообразное. За одного больного забивают тысячи здоровых. Необходимость уничтожения здоровых свиней, никогда не находившихся в контакте с больными, — мера

не обоснованная статистически и научно. Вопрос, влекущий катастрофические экономические и социальные последствия для миллионов людей, должен был широко обсуждаться в обществе, с привлечением независимых и авторитетных отечественных и зарубежных экспертов. Но, как это обычно бывает, все было сделано втихаря.

Для большинства жителей мегаполисов современное село, его жизнь и проблемы есть параллельная реальность, с которой нет ни необходимости, ни желания пересекаться. Если читатель не боится, то заглянуть в зазеркалье проще на примере конкретной области, например Тверской. Итак, около 40% жителей современной тверской деревни — это люди больные хроническим алкоголизмом. В основном они не работают, либо перебиваются случайными заработками, руководствуясь принципом «работы нет и не надо». Бытовые условия жизни этих людей ужасны, уровень жизни запредельно низок. Иногда у них есть семьи и дети. Как и на что они живут, известно одному Богу. Обычно эти несчастные умирают в молодом и среднем возрасте от белой горячки, несчастных случаев и хронических заболеваний. Несмотря на острейшую социально-этическую проблему этой категории жителей русской деревни, мы о них сейчас говорить не будем — ни свиней, ни даже кур они не держат. Даже мыши от них бегут. Вторая категория сельских жителей — менее 10% — это сельская интеллигенция. У сельского учителя и участкового, тем более у сельского чиновника сейчас «приличная» по деревенским меркам зарплата — около 20 000 рублей. Сюда же можно отнести и совсем крохотную подкатеорию сельских бизнесменов — например, фермеров или владельцев столярок и пилорам. И наконец самая большая социальная группа современных жителей деревни. Условно можно назвать их крестьяне. Таких половина. Остановимся на этой категории подробнее.

По данным Росстата, средняя зарплата в сельском хозяйстве в 2012 году составила 12 436 рублей. Увы: цифра завышена более чем вдвое. Например, в деревнях Старицкого района Тверской области крестьянин, который горбатится механизатором от зари до зари, больше 8000 рублей заработать не может. И это в сезон, то есть максимум 6 месяцев в году. Его жена, работая, например, дояркой, получает около 6000 рублей. За вычетом шести месяцев безденежья мужа, их совокупный среднемесячный доход составляет 10 000 рублей. Представим, что у этих людей двое детей школьного возраста. В Тверской области прожиточный минимум для работающих граждан составляет 6301,22 рубля, для детей 6122,59

рубля. Этот минимум установлен на основании так называемой «потребительской корзины», в которую входят и питание, и одежда с обувью, и транспортные расходы, и культурные потребности. Я взял объем только продовольственной части официальной потребительской корзины (сколько в год надо съесть хлеба, мяса, рыбы, овощей и т.д. ребенку и взрослому) и пересчитал его два раза, исходя из гипотетической семьи из четырех человек и реальных цен в продовольственных магазинах Старицы в июле 2013 года. У меня получилось 13 800 рублей в месяц. Это только на питание. Меньше не выходит. То есть только на питание среднестатистической сельской семье каждый месяц не хватает 3800 рублей. Про билет в кино, заячий тулупчик и деньги на телефон лучше вообще помолчать. В нашей стране таких семей — миллионы. Кто не верит, может пересчитать сам.

Но почему эти люди еще живы? Им помогает не умереть федеральное правительство? Область? Муниципальная власть? Может быть, длинная рука мировой закулисы протягивает им грязные подачки через НКО? Нет, выживают сами. Способ выжить — личное подсобное хозяйство. Картофель и другие овощи, домашняя птица, молочные коровы и бычки на откорме, козы, бараны и свиньи. Пчелы иногда. Ну и, слава богу, подлесок с грибами и ягодами, дичь в лесах и рыба в реке. Так компенсируется питание сельских жителей. Излишки продаются. На вырученные — более чем скромные деньги люди могут купить себе вьетнамские кроссовки, колготки для жены, китайскую куклу для дочки и резиновые сапоги для сына. Могут покатать детей на карусели в день города и района, подлечиться дешевыми лекарствами, залатать крышу, заплатить за электричество и газ — в тех немногих местах, где он есть. А где его нет, но обещают провести — заплатить 40 000 рублей «за проект» в «Тверьрегионгаз» (нонсенс для страны, которая, эпатируя весь мир, лепит рекламу «всенародного» газа уже на топовых местах футбольных матчей кубка УЕФА). А уж там, где газ будет не скоро — закупить дров, тысяч на 15—20 в сезон. Ведь если этого не сделать, то они и их дети замерзнут от холода. Так же, как замерзнут ваши, если в январе в городе перестанут давать в квартиры тепло. Говоря кратко, между вами и вашими детьми и ими и детьми их — в онтологическом и физиологическом смысле — нет никаких различий. Невероятно: в зазеркалье живут абсолютно такие же люди, как вы...

Из всей скотины держать свинью выгодней всего. Свирина — самый доступный источник животного белка. Напри-

---

мер, чтобы вырастить бычка, нужно кормить его целый год. Беременность у коровы длится 9 месяцев и обычно она приносит одного теленка. А хорошая свиноматка приносит по 10—15 поросят за опорос, через две-три недели опять приходит в охоту — и так 2—3 раза в год. Экономическая разница очевидна. Причём очевидна она не только владельцам ЛПХ, но и крупным мультипроизводителям мяса. Крупнейшие агропромышленные корпорации неохотно вкладывают собственные деньги в производство говядины и более чем охотно в производство свинины. Производство же баранины, а уж тем более козлятины находится почти вне сферы интересов крупного мясного бизнеса. При этом в погоне за прибылью на многих промышленных свинофермах поросят на откорме пичкают антибиотиками и гормонами до такой степени, что они набирают по 100—120 кг веса за 5—6 месяцев (на ЛПХ обычно за 10—11). Санитарно-биологические последствия регулярно потребления такой свинины — особенно для детей — тема отдельного исследования, которое с помощью независимых экспертов необходимо сделать в ближайшее время. Но сейчас не об этом, а об основных принципах экономики промышленного мясного производства в современной России.

Вот мнение эксперта Ольги Колтуновой в журнале «Компания» (2013, №6): *«Сельское хозяйство — отрасль, где многоуровневая государственная помощь оказывается совершенно открыто и массированно. Предприниматели и олигархи, которым, может, и не пришло бы в голову строить свинокомплексы или птицефабрики, стали инвестировать в эту традиционно отсталую сферу. Так, в рамках Государственной программы развития АПК на 2013—2020 гг. предусмотрена поддержка мясного скотоводства в размере 65 млрд. руб. Причем сейчас на крупный рогатый скот (КРС) правительственные учреждения готовы давать больше, чем на свиноводство и птицеводство, ранее активно развивавшиеся на государственные деньги. Кроме того, огромное значение для развития агробизнеса имеет постановление правительства № 1096 от 31 декабря 2008 г. «Об утверждении Правил распределения в 2009—2011 годах из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации субсидий на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства». Крупнейшие отечественные агропредприниматели сегодня «вырастают» вокруг этих финансовых потоков». Иными словами, инвестируя в сельское хозяйство, олигархи рискуют в основном не своими собственными, а государственными деньгами, полученными в виде прямых инвестиций, либо, например, в виде компенсации ставки рефинансирования. Наши*

истории успеха — в основном последствия преференций, предоставляемых тем или иным способом государством. Впрочем, способы эти крайне разнообразны. Например, во многих регионах имеются процветающие хозяйства, вроде бы принадлежащие семье губернатора, но доказать это нельзя».

Ольга Колтунова в своей замечательной статье иллюстрирует модель государственной помощи сельскому хозяйству на примере холдинга «Мираторг» — производителя свинины № 1 в России. Компанией с оборотом около 1 миллиарда евро в год владеют братья Линники — одни из крупнейших российских миллиардеров с состоянием по 14,5 миллиарда рублей на брата. Эти Линники скорее всего не родственники жены российского премьера Светланы (в девичестве Линник), как кому-то кажется... По крайней мере, в пресс-службе «Мираторга» от родства отрещиваются. Да и правда, фамилия среди россиян распространенная и, видимо, тот факт, что отношение министерства к этим братьям явно превосходит обычную «помощь селу», обусловлен ничем иным, как суперэффективностью их бизнеса. «Именно в хозяйства «Мираторга» в Брянской области в мае прошлого года приезжал Дмитрий Медведев, за месяц до этого туда же наведалься и Виктор Зубков, в тот момент вице-премьер, ответственный за развитие сельского хозяйства. В 2008 г. здесь побывал Владимир Путин, а в 2009 г. совладелец компании Виктор Линник в составе делегации сопровождал Путина, совершившего памятный визит в «Перекресток». То есть на экскурсию в «Перекресток» Путин взял Линника, а не, например, 40 брянских фермеров, набравших кредитов в ожидании обещанных государственных субсидий на поддержку села. «Губернатора Николая Денина местные СМИ упрекают в том, — пишет Ольга Колтунова, — что он в стремлении угодить «Мираторгу» своим распоряжением лишил 40 фермерских хозяйств Брянской области государственной помощи, которая им была обещана администрацией и оформлена документально. Фермеры, набравшие кредитов в ожидании государственных субсидий, попросту говоря, были «кинуты» и оказались на грани выживания». Газета «Брянск.ру» со ссылкой на коллективное письмо 40 фермеров рассказывает, что губернатор Денин и другие сотрудники его администрации на всех совещаниях и собраниях убеждали фермеров брать кредиты и вкладывать деньги, обещая оказать поддержку субсидиями в рамках программы «Развития мясного скотоводства». К сентябрю 2011 г. все фермеры выполнили условия программы и подали документы на получение субсидий. В сентябре 2011 г. администрация Брянской области

получила по этой программе из федерального бюджета транш в 635 млн. руб. Фермеры должны были получить поддержку в объеме 37% от этой суммы — 236 млн. руб. Однако в ноябре Денин вдруг подписал постановление «О внесении изменений в порядок предоставления в 2011 году субсидий сельскохозяйственным товаропроизводителям». Документ содержал новые условия получения помощи, под которые удивительным образом «подошла» только Брянская мясная компания, «дочка» «Мираторга». Фактически «Мираторг» «съел» весь бюджет, выделенный областью на поддержку мясного животноводства». Вот так. Ничего как бы и не украли, а оказались при больших чужих деньгах. Как хвастался в похожей ситуации обаятельный киномошенник: «Нету у вас методов против Кости Сапрыкина». И таких случаев избирательного распределения государственных средств — десятки и сотни: почти в каждом регионе России.

Все крупные игроки на мясном рынке через СМИ хором твердят о необходимости уничтожения свиней на ЛПХ и о полном запрете разведения свиней крестьянами. Ни одному из миллионов крестьян ни одно федеральное СМИ не дало высказаться по этому поводу. Но вот их противникам — сколько угодно. Особенно ратует за уничтожение свиней в крестьянских хозяйствах президент Мясного союза России генеральный директор ОАО «Лианозовский колбасный завод» Мушет Мамиконян. Оно и понятно: зачем ему конкуренты?

Кто сегодня вспоминает про птичий грипп? Но мы-то помним, как заходило телевидение, запугивая им всю страну! Тоже ведь была «страшная угроза для безопасности России». И где он сейчас, когда этот жупел стал не нужен? — Лежит, завернутый в тряпочку до очередных, тяжелых для олигархов времен. С унылой и агрессивной неизбежностью новые эпизоотии будут «появляться» по мере увеличения экспансии крупного бизнеса в те или иные ниши продовольственного рынка. Бычий СПИД и бараний менингит, индюшачья холера и крольчатий коклюш — от этих нелепых «угроз для безопасности России» будет лихорадить информационное пространство — то есть наши с вами мозги — ровно столько, сколько мы сами будем впускать этот вирус внутрь, оставаясь доверчивыми и пассивными.

И, наконец, о том, как действительно предупреждают эпизоотии в другом географическом, социальном и правовом пространстве. Сегодня в Германии насчитывается 30 000 свиноводческих предприятий. 98% из них — предприятия семейные. То есть Германию, на 110% обеспечивающую себя свиной

ной, кормит мелкий фермер. Средняя численность поголовья на немецкой свиноферме — 100—400 свиней на откорме. Фермерам не дают прямых государственных субсидий и льгот, зато немецкие банки охотно дают им кредиты на развитие ферм — под 2% годовых. АЧС в Германии нет, зато есть классическая чума свиней (КЧС), клинически и эпизоотологически почти неотличимая от африканской. Государственные меры по профилактике АЧС и меры по борьбе с КЧС в Германии закреплены соответствующим законодательным актом. Называется сей документ просто: «Инструкция по содержанию свиней». Если на подворье немецкого фермера свинья действительно заболела чумой, то на специальной станции утилизации уничтожают ее и контактировавших с ней свиней, потому что животные все равно обречены. Никто и никогда в Германии не отнимает у крестьян здоровых свиней, прямо не контактировавших со свиньями больными. Рекомендованные санитарные меры элементарны, выполнить их под силу даже тверской бабушке с тремя поросятами.

На сайте Российской Общественной Инициативы обсуждается проект закона, выдвинутый снизу, из народа: «О защите российского крестьянства», предлагающий для начала четыре конкретные законодательные меры:

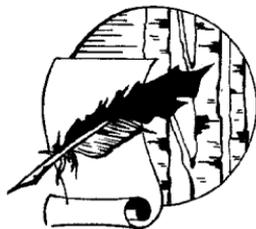
1) признать изъятие здоровых свиней с ЛПХ граждан прямо противоречащим законодательству РФ и грубейшим нарушением прав граждан. Доплатить из федеральных средств материальную компенсацию гражданам за незаконно отчужденных животных из расчета за килограмм рыночной стоимости свинины в конкретном регионе РФ;

2) отменить постановление правительства от 26.05.2006 «Об отчуждении животных и изъятии продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных», как прямо противоречащее Конституции РФ;

3) принять закон, однозначно запрещающий отчуждение здоровых свиней с ЛПХ граждан. В обсуждении закона могут принять участие независимые эксперты, а также любой гражданин РФ, держащий свиней на ЛПХ;

4) по запросу Государственной думы Федеральной Антимонопольной службе и Генеральной прокуратуре РФ провести расследование на предмет монопольного сговора крупных мясных производителей и использования темы АЧС в целях получения сверхприбылей и недобросовестной конкуренции.

Надо сказать прямо: мы имеем дело с фактом удушения народной инициативы по возрождению отечественного сельского хозяйства.

Александр НЕСТРУГИН

МЕТЕЛЬНЫЕ ГОДЫ

ПАРАД 41-го

Судьбы нелепы опечатки,
И вязнет шепоток в ушах:
«Здесь век иной, и нет брусчатки,
Чтоб на века печатать шаг.

Здесь надо жить намного проще,
И незаметней, и серей...»
...Глухой райцентр, ночная площадь,
Стволы засохших фонарей.

И — ни души. И всё, что было
Судьбою, — исподволь, не вдруг —
Глухая темень обступила
И знамя рвёт моё из рук.

Но я — ты скажешь, труд напрасный? —
Свой свет врагу не отдаю.
Но я — уже на той, на Красной,
Брусчатой площади стою!

Похмельный бред? Больные нервы?
...Снег редкий. Злые сквозняки.
И рядом строит сорок первый
Свои последние полки.

* * *

Да не надо мне ваших хватистых благ,
И прикормленных куш, и прирученных вод!

Мне милей это небо, что смотрит, как враг,
И крупной ледяной воду серую рвёт.

Мне нужна эта хмурая, мятая рань,
Что снежком ледяным дух болот перебьёт.
И накинёт на плечи куговую рвань,
И пустой камышинкой в груди запоёт!

И обмёрзший челнок, что от ветра зверел,
И весло, что металось, как будто в бреду,
Вдруг замрут, чтоб не сбить золотую свирель,
Что звучала допрежь лишь в Господнем саду!

И покажется вдруг: не избыть, не иссечь,
Камышинкой к остылой воде не пригнуть
Этот русский простор, эту странную речь —
Бессловесную, стужей схватившую грудь...

СТАРИК

Может, больше уже не ждать
Верных лет, и добро своё —
Всё надежды пустые — сдать
Старику, что везёт старье?

Старику, что похож на степь,
Когда выжжет её «калмык».
...И в свистульку его свистеть,
Пока меркнет в степи старик.

И шары надувать, смеясь,
И вязать стариков крючок,
И закидывать снасть, таясь,
В быстрый сумрак, что там течёт.

И проснуться в чужих слезах,
Когда путь с темнотою слит.
...И увидеть, как в небесах
Колымага его пылит...

* * *

Нет, меня не зима утомила,
Не примятые вьюгой дома.

Эта стёжка, пробитая мимо,
Слишком уж горделиво пряма!

А ведь прежде по улице сонной
От подворья к подворью брела.
И к порожкам моим занесённым
У неё находились дела.

* * *

Мужики увозят лодку,
Грузят на прицеп.
Тянут выставшую водку
И ломают хлеб.

И опять стеклом гранёным
Руки холодят.
И туда, где жарко клёнам,
За реку глядят.

Медлят. «Приму» разминают.
— Осень...
— Да, дела...
Вспоминают, поминают
Жизнь, что утекла.

Никого впряг не края,
Сглатывая грусть,
Вот опять садятся трое
В трактор «Беларусь».

* * *

Кто я есть такой? Задача!
Перепутались пути:
Мать — с Хопра, почти казачка,
А отец — хохол почти.

Где — украинская мова,
Где — напевный бег Хопра...
Что он шепчет, голос крови,
Возле отчего двора?

Возле дома-палисада,
Полынка да муравы...

Как ни странно, нет разлада
В перемешанной крови!

И щекочет давней лаской,
Как дыхания парок,
Говор-говорок хохлацкий
И — хопёрский говорок.

Так привычно, так надёжно,
Так светло и горячо...
Кто я есть? Да разве можно
Тут сказать ясней еще?

Не страдая и не мучась,
Расклоню листву веков,
И блеснёт, как речка: русич!
Русич — вот я кто таков...

* * *

Навек приписан к рубежу,
Что отчий свет хранит,
Я никуда не ухожу —
Ни в золото, ни в гранит,
Ни в немоту, ни в кутежи...
Как в лопухах между,
Страна бросает рубежи,
А я пока держу
Озябших дум глухую дрожь,
Отчаянье своё —
И поймы, скошенной не сплошь,
Прорехи и рваньё.
И стёжку, что идёт пешком —
Ни тише, ни скорей, —
И очи порошит снежком
Нагих осокорей...
По мне, стервозная молва,
Не надо горевать!
Меня от этого сперва
Попробуй оторвать:
От звёзд, что мне даруют высь
Во тьме, — и от иных,
Что с горьким полынком срослись,
Созвездий — жестяных.
От взгляда батиных наград

Из-под суровых лет.
Ведь мне оставлен на догляд
Не берег — белый свет.
И в затишок я не сойду
С отеческих высот.
...А ветер, что всегда тут дул,
Страну, как снег, несёт...
И я, подмогою забыт,
У сданных деревень,
Навек не в золото, не в гранит —
Вжимаюсь в хмурый день.
И, как бы ни был век жесток,
Позёмкой не завьюсь.
Сгинь, подколотный шепоток!
Я жив. Я остаюсь...

Игорь КУНИЦЫН

ДЕРЕВЬЯ ТЯНУТСЯ К ЦВЕТАМ

* * *

Одну вспоминаю картину,
и вижу нередко во сне.
В архангельской нашей квартире
висела она на стене.

Висела она над роялем,
(стоял под картиной рояль) —
край озера горизонтальный,
и неба горизонталь.

Какая-то белая птица —
два тонких коротких штриха —
куда-то умчаться стремится
с невидимой нитью стиха.

Оставив лишь голую стену,
с цветочком обоев простым,
забрав себе озеро, где мы
бывали по выходным.

---

* * *

На сугробе дети в царя горы
целый день играли вчера, смеясь.
Если кто не знает, то цель игры —
выше всех забраться и не упасть.

Под напором съехал с ноги башмак,
на макушке чья-то лежит ступня,
ты наверх стремишься то так, то сяк.
Это всё, пожалуй, что про меня.

Это всё, пожалуй, что про тебя,
ты стоишь на самом верху горы
и не знаешь, кто и когда, любя,
тебе скажет просто: «Конец игры».

* * *

Ждали дождь, а выпал снег,
через час уже растаял,
с саксофоном человек
ждет чего-то, не играя.

За подсвеченным окном
молча смотрит на дорогу.
Это длится день за днём,
происходит год за годом.

Не тревожимый никем,
он стоит там и поныне —
пожелтевший манекен
в музыкальном магазине.

* * *

Моё отражение в зеркале
всё пристальней день ото дня
глазами с отёкшими веками
подолгу глядит на меня.

Как будто внезапно узнало
желанья мои, от чего
всё чаще промелькивать стала
надменность во взгляде его.

И я пробираюсь украдкой
среди магазинных витрин,
зеркальных лотков и прилавков,
стеклянных дверей и картин.

Меняю зелёный на жёлтый
в примерочной тёмной наряд,
чтоб только не встретить тяжёлый,
пугающий собственный взгляд.

* * *

Мусор вынести, выгулять пса,
сесть на лавочку, что ещё надо?
Из бытовки слышны голоса:
пропивает зарплату бригада.

Молодого товарища шлёт
в супермаркет за ящиком водки,
он пустую тележку берёт
и катает от полки до полки.

Вот и водка, а вот и коньяк.
Что он делает, разве так можно?
Под строительный прячет пиджак
банку пива и пачку пирожных.

А на кассе его уже ждут
два охранника с ласковым взглядом
и, толкая, в подсобку ведут,
и пинают по почкам и рядом.

И швыряют его за порог.
Он лежит и подняться не может.
Лужа пива, пирожных комок.
Равнодушные взоры прохожих.

* * *

Не сплю по ночам в выходные,
окурки кидаю в окно,
дома вдоль дороги жилые
расставлены, как домино.

Дома, окружённые тьмою
друг с другом во тьме говорят,

что холодно будет зимою,
не хватит на всех киловатт.

И, слушая их разговоры,
себя я на мысли ловлю,
что сон наблюдаю бредовый,
при том, что ни капли не сплю.

Дома говорить не умеют,
однако умеют молчать,
аж всё изнутри холодеет,
аж всё начинает дрожать —

и стены, и голос, и сердце...
Так люди порою молчат,
что долго не можешь согреться,
и слову случайному рад.

* * *

Было нам шестнадцать, хорошо мы жили,
пиво разливное на веранде пили.
Пиво разливали возле гастронома
через шланг дырявый в банки из бидона.

В очереди длинной были все знакомы,
и сосед по парте, и сосед из дома,
мелочью гремели и травили байки
в тапочках домашних, в вытянутых майках.

За день выпивали не одну канистру,
все курили «Яву», «Беломор» и «Искру».
Чисто ради понта, штучно покупали
«Морэ» или «Данхел» и с ментолом «Салем».

Пили, и курили, и играли в секу,
вечером толпою шли на дискотеку,
под конец имели вид довольно жалкий —
кто-то спал в курилке, кто-то в раздевалке.

На рассвете еле уносили ноги,
по мозгам от предков доставалось многим.
И в глазах сверкало, и в ушах звенело,
словно дискотека юность пролетела.

---

* * *

Перенесли цветы с балкона,
туда, где в комнате светло,
деревья им кладут поклоны,
стучатся листьями в стекло.

В начале осени, которой
тебе знаком пароль и ник,
ты осторожным сонным взором
к окну размытому преник.

Ни капли грусти по прошедшим
неспешным дачным выходным
с заросшим прудом и окрепшим
за лето садом перед ним.

Не вспоминаются, забыты,
(и — на чердак, и — на крючок,
где пылью толстою покрыты)
предметы, и поёт сверчок.

Сюда сквозняк один заходит,
со свистом бродит по ночам,
во мраке ищет, не находит
одну вещицу, шепчет: «Хлам!»

Всё хлам, всё листья, дождь и осень,
от пола холодно ногам,
цветы с балкона переносят,
деревья тянутся к цветам.

* * *

Чернеет оконная рама,
тень дерева тянется в холл,
ложится на спинку дивана,
на письменный падает стол.

Встаёшь осторожно со стула,
подходишь к ночному окну —
там дерево ветвь протянуло
и с неба сорвало луну.

ОГНИ НЕБЕСНЫЕ

* * *

Локон рыжий, локон светлый —
Светло-русовая метель.
Чтоб не видела соседка,
Проскользнём с тобою в дверь.

От кого, чего таимся?
Может быть, от прошлых лет?
Локон тёмный, локон рыжий
Мне качаются в ответ.

И рука в мою скользнула.
Я щекой её коснусь...
Кто-то въехал в переулок,
Словно трактор «Беларусь».

Палкой грохнул по забору,
Грянул песню во всю мочь.
И «Прощай любимый город»
Мне мерещилось всю ночь.

* * *

Лес опустел и отдыхает,
И замирает до весны.
Когда метели заметают —
Бог весть, какие снятся сны.

Так в пустыни монах прилежный
Молитвы шепчет в тишине,
Куда гремящий век железный
Не долетает и во сне.

Кто умирляет буйство плоти —
Вступает с Вечным в разговор.
Огни мерцают на киоте,
Как догорающий костёр...

На нашем сером зимнем небе
Огни небесные редки.

Мы — всё о счастье, всё — о хлебе,
А звезды так же далеки.

Как лес у зимнего порога
Мы точно так же ждём тепла,
И просим милости у Бога,
И шепчем тихие слова.

* * *

Нет, я не крался в ночь глухую
Как вор и тать или напасть.
Сердце давно я не ворую,
Хотя хотелось бы украсть.

Да так, чтоб думали голубки,
Что это я у них в плену.
Да вот беда: вторые сутки
Себя никак не обману.

Не сплю, и голова кружится,
Иль это всё-таки во сне?
Три женщины, как три жар-птицы.
Свои сердца отдали мне.

Кричу себе: «Ну, это вряд ли!»
Отбрасываю мысли прочь.
Но слёзы их, как дождь — по капле,
Мою подтачивают ночь.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Глазами, где извечно — мука,
У облупившейся стены
В телеэкран глядит старуха,
Перебирая письма внука:
Не будет ли вестей с войны?

Экран же, как посланец ада,
Играющий на смерть игрок,
Сочится кровью, словно ядом.
Вздыхнула старая: «Не надо...»
И вдруг присела на порог..

Сгорит последнее полено
И ветер запоёт в трубе,

Опять метель светло и пенно,
Упорно и обыкновенно
Сугробы наметёт к избе.

Привычно зазвучат сирены,
И «Опель» Красного Креста,
Гудя, укатит из деревни
И пропадут в дали деревья,
Погост, домишко у моста.

Но к ночи на огонь заката,
Угрюмы, строги и легки,
Пройдут российские солдаты,
Примкнув трёхгранные штыки.

За ними — танки строем грозным,
«Катюши» призрачных полков
И «Миги» в облаках морозных,
И монстры будущих веков...

Доколе им шагать, доколе,
Им, исчезающим к утру?
Об этом знает ветер в поле,
Да гроздь рябины на ветру.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

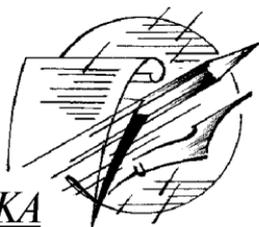
ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ДОМ В СУГРОБАХ

Еще дошколятами Андрей и Оксана стали соседями. В одной стороне колхозного двухквартирного дома поселился он с мамой и бабушкой, а в другой — она с родителями. Вместе во дворе играли, потом в школу ходили. Когда пришла любовь? Юношей Андрей попал в аварию, и Оксана навещала его, помогла встать на ноги. Тогда они и привязались друг к другу. Однако жили скудно. И как только Андрей окреп — поехал в лебедянское село Троекурово, чтобы поработать сезон в садоводческом хозяйстве. Очень нужны были деньги — они с Оксаной мечтали о... корове.

Было это 11 лет назад. Еще и семья, и дети, и дом — всё впереди. А в их только еще нарождающемся общем хозяйстве уже появилась тёлочка. С тех пор и пошло...

Можно сказать: странные люди. Молодые, упорные, трудолюбивые, бросали бы свои пустынные, затерянные в глуши Сугробы и ехали куда-нибудь поближе к цивилизации, чтобы жить легче и комфортнее. Так нет, остались в обезлюдевшем селе, уже название которого говорит само за себя. Сугробы — одно слово.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

— Да я из своих Сугробов — никуда, — говорит Андрей. — Мама была дояркой, и я уже лет с десяти помогал ей на ферме, работал там в каникулы. И уже тогда мне так интересно было с живностью возиться, кормить, поить ее, что у меня и сомнений не было, кем стать, чем заниматься, когда вырасту. И село своё я люблю...

Ну ладно, Андрей, он здесь родился, вырос, его предки в данковском селе Сугробы отмечены еще в середине XIX века: по данным «Рязанских епархиальных ведомостей» 1865—1879 годов крестьянин Никифор Сячинов был церковным старостой местной Космодамианской церкви. А сегодня его потомок Андрей Сячинов продолжает крестьянствовать в родном селе. Где, кстати, несмотря на малочисленность — жителей на всё про всё человек 100, — высится видная на всю округу великолепная церковь.

Но Оксане-то какво. Родители привезли ее сюда девочкой, из всех достопримечательностей — Дон неподалеку и буйство зелени. Неужели не хотелось каких-то других мест, пейзажей, новых знакомств? Или это всё-таки судьба — найти избранника практически в своем доме и принять его со всеми его интересами и мечтами, взглядами на жизнь и планами на будущее?

— А может, это любовь?.. — робко подает голос Оксана.

И сразу всё становится ясно: в этом доме живут с любовью. И тогда принимается и становится своим всё, что любит один из них. Так что Оксане не пришлось что-то решать, выбирать: она полюбила — и всё решилось само собой. И да прилепится жена к мужу...

Интересно, что живность или, как говорят в деревне, скотину в том общем на две семьи доме их детства не держал никто. Хотя в целом по селу коров, к примеру, было столько, что окашивались даже все неудобья. Когда и «удобьев-то» было не в охват. Теперь же заготовить сена не проблема: колхозное животноводство приказало долго жить, а частных буренок всего-то пять на всё село. Из них две — Сячиновых.

Коси, коса, сколько хочешь. Ан, нет, деревенское подворье — труд тяжелый, старикам неподъемный. А из молодых в селе в основном осели лишь те, кто довольствуется совсем малым: бутылкой самогона и краюхой хлеба. Так что держать корову практически некому, хотя свойского молочка испить никто не откажется. Среди пожилых односельчан молоко с подворья Сячиновых спросом пользуется.

Умела ли Оксана доить? Конечно, нет, вспоминает она, но долго ли при желании научиться? Еще совсем молодыми они сделали ставку на домашнее хозяйство: мол, не будем нику-

---

да рваться, будем жить своим трудом — на нашу долю хватит. А когда дети пошли — выбор тем более оказался оправданным.

— С переменами на селе люди в основном или уезжали в поисках красивой жизни, либо спивались, не научившись хозяйствовать самостоятельно. И лишь немногие попытались устроить свою жизнь на месте, не надеясь на дядю, колхоз, сельсовет и так далее, — говорит Андрей. — Нам красивой жизни не надо. И горы золотые не нужны. Главное — это дети и домашний уют. Для этого и живем, и работаем...

— Начинали с ложки, — продолжает разговор Оксана. — Ничего ведь своего не было, родители лишнего не нажили, не отнимать же у них последнее. Но дело не в том, чтобы всего было много, а чтобы уметь радоваться тому, что сумели, что смогли сами сделать, создать. И, прежде всего, это семья. И мы с Андреем заботимся не только о нашем сегодняшнем дне, но и завтрашнем. Чтобы нашим детям всё-таки не начинать всё сначала...

А время идет очень быстро. Данилка уже пятиклассник. В этом году в школу пойдет Дарья. А четырехлетняя Диана, вы не поверите, всегда рядом. Смотришь, посуду моет. Идешь на огород — она травку с тобой полет..

Слушаешь эту пару — и диву даешься: откуда столько мудрости, столько спокойного непоколебимого упорства, столько любви и смирения и к окружающим, и к своей деревне. Ведь им-то самим по тридцать лет всего. В эти годы иные еще мечутся, еще ищут себя и свой бизнес, гоняются за призрачным успехом. Или изнывают под бременем возложенных на себя непосильных задач единственно только ради роста своих доходов, прибылей. А у этих людей и всё есть, и счастье на лицах.

Они опровергают все мифы о том, что в деревне теперь своим трудом не проживешь. Сейчас в деревне многие даже кур не держат, объясняя это тем, что невыгодно. Мол, корма дорогие, реализация сельхозпродукции не налажена. Выращишь живность, а потом не знаешь, что с ней делать. Андрей смеется:

— Это если работать не любишь или не можешь. Ну, старость наступила или болезнь одолела, например. Хотя я вот после автоаварии перенес девять операций (!), иной раз тяжело до слез. Но когда ты не сам себя жалеешь, а твои родные и близкие, то откуда-то и силы новые появляются, и здоровье налаживается.

И далее Андрей рассказал, что всё, чем владеет семья, приобретено исключительно за счет домашней живности. Да,

---

Андрей не упускает возможности и в сельхозпредприятии поработать, и фермерам оказать услуги. Но в основном трудится на себя. Впрочем, с такой техникой — а это два трактора, весь прицепной инвентарь, комбайн, машины — он нарасхват не только в своем селе, но и за его пределами. Нынешним летом за сорок километров ездил корма предпринимателю заготовливать. По возможности никому не отказывает. Нарасхват и продукция, которую они производят.

Кроме своего семейства, они еще и мам своих не бросают, помогают им. Своими руками выстроили дом: на том месте, где когда-то Андрей родился. Но потом дом сгорел, и они получили квартиру. Теперь родовое поместье, можно сказать, восстановлено.

Еще одна особенность и «собственная гордость» Андрея: он не пользуется ни государственными поддержками, ни кредитами. Впрочем, это почти одно и то же. Чтобы получить что-то от государства, нужно брать кредит: тогда оно возместит или часть процентной ставки, или еще какие-то издержки. Они принципиально «отделились» от этого государства, которое, якобы поддерживая сельхозпроизводителей, практически укрепляет банки, поддерживает банкиров.

Расчет у Сячиновых только на свои силы, своё здоровье, свои средства.

— Не подумайте, что одним днем живем, — говорит Андрей. — Сын учится в Данкове (семь километров всего), дочери тоже там будут получать образование. В райцентре они уже приобрели однокомнатную квартиру в новом доме. Планируют обеспечить жильем всех своих ребятишек.

И кто знает, не обоснуются ли они там, когда вырастут. Обрекать своих детей на тяжелый деревенский труд Андрей всё-таки не хочет...

— Никуда я не поеду, — вдруг подает голос сынишка. — Мне и здесь хорошо...

Так жизнь вносит свои коррективы в человеческие планы. И это, наверное, не самые плохие из них.

На подворье у Сячиных для живности благодать. За домом оборудован загон, где свиноматки с поросятами, бычки чувствуют себя вольготно. По поводу дороговизны кормов Андрей скептически замечает, что земли сейчас в аренду можно взять сколько хочешь. На соседских огородах, сданных ему во временное пользование, он выращивает картошку, тыкву и другие нужные для пропитания не только людей, но и живности продукты. Всего он обрабатывает более 25 гектаров земли, засеивает ее травой, выращивает ячмень. И двух коров прокормить да с десятков бычков для семьи не проблема.

А что же ребяташки? Не заняты ли они непосильным деревенским трудом? Сейчас же модно говорить о правах и свободах детей, об их счастье, ничем не омраченном детстве. Дарья на вопрос о том, ком из животных ей приходится кормить, о ком заботиться, с милой улыбкой объявила, что больше всех ей нравятся... кошки. Их она и кормит...

А потом ребята набили пакетики снедью, разной пляжной всячиной — и отправились на Дон: купаться и кататься на катамаране, который папа купил для своих чад и домочадцев. Кстати, пляжик у берега, до которого рукой подать, засыпан песком, специально оборудован для детей.

Отрадно, что именно такая семья стала призером областного публичного конкурса на лучшее хозяйство года, который уже традиционно проводится среди многодетных семей региона. В качестве приза Сячиновым достался комплект бытовой техники. «Да у нас всё есть», — замечает он между прочим...

Интересно отметить, что шесть семей-победителей конкурса в общей сложности обрабатывают более 400 гектаров земли, у них во владении четыре комбайна, десять тракторов, 34 единицы навесного оборудования, одиннадцать автомобилей. В этих семьях откармливают 65 голов крупного рогатого скота, 80 свиней и поросят, держат пять лошадей, 228 овец, 130 кроликов, почти 400 «голов» птицы, восемь коз.

Осталось добавить, что в этих семьях растут 26 детей, которые прилично обеспечены, хорошо воспитаны и имеют будущее. Ради чего, собственно, и работают их родители, простые русские деревенские люди...

ДЕТЕЙ НАХОДЯТ НЕ ТОЛЬКО В КАПУСТЕ

— Вы меня не увезёте? — со страхом спрашивает девчушка трех с половиной лет и на всякий случай прячется в дальней комнате под одеялом...

Милая девочка, с мягко спадающими темно-русыми волосомами, чистым ясным личиком, она ждет от жизни только подвоха. Что-то, видимо, помнит она о холоде и голоде в родной семье, откуда увезли ее в дом малютки. Не так давно девочку привезли к Нине Павловне Якуниной. И вот теперь ребенок, увидев в доме чужих людей, испугался, что его опять куда-то увезут...

Нина Павловна утешает её: никому, мол, тебя не отдам. Эта женщина стала в свое время воспитателем первой семей-

---

ной группы в одном из задонских сел, где уже много лет поднимает ребятишек, оказавшихся ненужными своим родителям.

Тогда, десять лет назад, про семейные группы никто слыхом не слыхивал. «Мы были одними из инициаторов распространения этой идеи в масштабах региона», — рассказывает Владимир Якушев, руководитель областного казенного учреждения, именуемого Задонским социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда».

Сегодня семейные воспитательные группы прижились не только у нас в области. Вкратце суть их сводится к тому, что семья, куда помещаются брошенные или попавшие в трудную жизненную ситуацию дети, оформлена как структурное подразделение реабилитационного учреждения. Женщина, принимающая детей, еще не приемная мама, не опекун, она воспитатель. А дети с разбитой судьбой — её воспитанники.

Зачем такие сложности? Связаны они с тем, что по закону дети, реально находящиеся в опасности, но при живых и не лишенных родительских прав мамах и папах, не могут приниматься в семью. Если родители пребывают в бегах, запоях, попали в места лишения свободы или опустили до полной деградации, но документально это социальное сиротство не оформлено, то путь их ребенку один — в детский дом.

Семейная группа — а по сути та же семья — это альтернатива детскому дому. В ней ребенку не надо называть чужую тетю мамой, но живет он там по семейному ладу и распорядку, в заботе и тепле. Если его родные мама и папа приходят в себя, он возвращается к ним.

Надо сказать, что большинство родителей под угрозой потери детей всё-таки трезвеют, берутся за ум, если он еще у них остался. Тем более и специалисты реабилитационных центров занимаются «терапией» кровных родителей, понуждают их к лечению, к поискам работы, помогают с жильем и детским садом.

Слава богу, приоритет родной семьи, биологических матерей и отцов в Липецкой области еще признается. Хотя никак не отделаться от ощущения, что, опасаясь западных технологий по изъятию детей из нормальных семей, мы дуем на воду и оставляем детей в опасных для их жизни семьях до последнего, когда порой изымать уже некого...

Телешоумен Малахов и иже с ним превратили органы опеки и социальной защиты (не без их содействия, впрочем, когда злые тетки и впрямь затевают настоящую войну с родителями, нимало не заботясь о судьбе измученных детей) в пугало,

---

в страшилку для наивного населения, черпающего информацию исключительно из «ящика».

Когда смотришь по телевизору раздирающие душу сцены изъятия детей из родных семей, невольно встаешь на сторону кричащих малюток и стенающих мамаш. Никто не видит слез, проливаемых детьми не перед объективами телекамер, а в крошечной темноте комнат, сараев, собачьих будок и балконных коробок, где их закрывают родители. Никто не видит, как ребенок крадется ночью, если его не заперли, к столу с остатками закуски, как ищет дерюжку, чтобы закутаться в нее от холода, а потом, спрятавшись подальше от глаз пьяных или «обкумаренных» родителей, торопливо жует черствый кусок хлеба: чтобы не отняли...

Впрочем, не будем усугублять и нагнетать. Наш народ не сплошь наркоманы и алкоголики, в чем нас упорно пытаются убеждать. И эти картины скорее исключение, чем норма, хотя утешительного здесь мало: за жизнь и здоровье каждого ребенка ответственные все мы, всё общество.

И когда дети сгорают в пожарах, умирают взаперти от голода, замерзают в нетопленных помещениях, невозможно отделаться от чувства собственной вины. Кажется, ну как такое могло произойти, когда рядом живут люди: мы с вами, уважаемые сограждане?

С другой стороны, нет у нас права зайти в дом, посмотреть, почему дети плачут. Нельзя даже одернуть зарвавшуюся мамашу, воспитывающую своё чадо шлепками и окриками, а то и матом на всю улицу.

Однако и позволить всем, кому не лень, врываться в дома, хватать за руки родителей тоже не дело. Как между этими крайностями умудриться сохранить здоровье и счастье ребенка, надо думать и думать.

Видимо, есть своя правда в том, что одумавшимся родителям детей всё-таки возвращают. Иным и не раз... И если у нас брошенных детей всё прибывает, то это вина общества, государства, где во главу угла поставлены не труд, долг и совесть, а комфорт, удовольствия и потребление, где свернуты производства и развернуты сферы услуг и развлечений. Впрочем, не буду углубляться, и так всё ясно, кому и зачем это надо...

Что же происходит с детьми, которых вернуть некому? Они живут-поживают в чужих семьях (семейных группах) на правах воспитанников до тех пор, пока их биологических родителей не лишат родительских прав. Потом решение суда должно вступить в силу. Потом нужно оформить все документы. На всё про всё уходит обычно от нескольких месяцев до не-

---

скольких лет. И только тогда решается вопрос, останутся ли дети в той семье, где их пригрели, или нет. С десяти лет ребенок сам выражает по этому поводу согласие или несогласие.

Если воспитатель и воспитанник полюбили друг друга, братья, сестры и другие члены семьи нашли общий язык, то бывший воспитанник усыновляется, берется под опеку или в приемные сыновья (дочки), а воспитательная группа как структура реабилитационного центра, если в ней нет других детей, закрывается. Пока в ней не появляется следующий ребенок, оказавшийся между небом и землей.

Предпочтение для создания семейной воспитательной группы отдают тем семьям, где существует долгосрочная перспектива: чтобы ребенок впоследствии остался в доме, вырос в нем и всегда имел уголок — в том числе и в сердце названной матери, — куда можно вернуться, даже будучи взрослым.

Сегодня у Нины Павловны в ее семейной группе двое детей: кроме трехлетней Кристины, которая пряталась под одеялом, это ее 12-летняя сестра Вика. А еще раньше появился в семье мальчик Женя. Сейчас ему 13 лет. За каждым из этих детей трагическая судьба: пьянки и наркомания мамаш, жизнь впроголодь, отставание в развитии, отверженность в школе и так далее.

Того же Женю Нина Павловна взяла в семью четырехлетним, из реанимации, едва живого, отстающего в развитии. Сегодня он вырос в здорового, хорошо успевающего мальчика. Который, однако, уже научился, благодаря просветительской деятельности современных защитниц детства, блюсти свои права и интересы. И до смерти напугал свою учительницу, имевшую неосторожность хлопнуть его рукой по плечу.

Угрозами позвонить и пожаловаться куда следует парень вынудил пожилую женщину прилюдно... стать перед ним на колени и просить прощения. При этом у воспитателя или приемной матери должно достать мудрости, смирения и любви для того, чтобы не отторгать мальчишку, не осуждать его, а терпеливо объяснять, что такое хорошо и что такое плохо, взывать к его сердцу, душе, совести и никогда не отчаиваться.

Нина Павловна открыла мне глаза на особенности воспитания приемного ребенка. Оказывается, это работа не на результат, а на пробуждение души. Ведь отчего бывают разочарованы родители, воспитывающие усыновленного или взятого под опеку ребенка? Они стараются вырастить из него успешного и благодарного человека. Однако так случается

далеко не всегда. И нужно быть готовыми к тому, что вы даёте ребенку шанс состояться — а в этом и есть главная задача, если хотите — миссия приемной семьи, а он этим шансом может и не воспользоваться. Но давать его, этот шанс, всё равно надо...

У Нины Павловны большой опыт по воспитанию приемных детей. Главное, говорит она, это исключительное доверие: лучше потерпеть ущерб, обмануться, нежели обидеть ребенка недоверием. И самое интересное, что этот метод в большинстве случаев работает. Но если даже не работает, она не перестает любить и жалеть своих детей, помогает им, какие бы ошибки — в том числе и в уже взрослой жизни — они ни совершали.

Еще был жив её родной сын, который, к сожалению, преждевременно покинул этот мир, когда к Нине Павловне ворвалась соседская старушка с воплями:

— Бяжим! Скорее! Там пьяный Колька какой-то сверток ташшыл, да чтой-тошь из няго выпало! А он пошел себе далее и не обернулся...

На улице мело, снежило. Поэтому Нина Павловна ноги в руки — и бегом к тому месту, которое указала соседка. Не чувствуя боли, она яростно разрывала снег, пока не нашла... ребенка. Четырехмесячная девочка уже не дышала, рот, нос были забиты снегом, она замерзала...

Бригадир животноводов, Нина Павловна оживляла девочку как могла: опускала ее вниз головой, потряхивала, пошлепывала. Наконец девочка задышала. Укутав ее в теплое, накормив, она думала: как отдать ребенка пьяным родителям. Однако мать появилась на пороге только через две недели. А на отказ вернуть Надюшку только и сказала:

— Ну и ладно, если так хочешь, я тебе еще рожу...

И впрямь, родила. Верочку. Которая в пять лет тоже стала дочкой Нины Павловны. А потом пришлось взять еще троих малышей — двух девочек и мальчика: их мать ушла и не вернулась, и дети чуть не умерли от голода. Когда Нине Павловне позвонили из роно и сказали, что ребят везут к ней, она сразу кинулась варить суп, жарить котлеты. Дети выжили, потом их забрали родственники.

А потом ей привезли Машу. Вот тогда она испугалась. Грязная, шумная, невыдержанная, девчонка в первом же совместном походе в магазин со знанием дела спросила: «А пиво брать будем?..» Узнав, что нет, удивилась: «А зачем мы тогда в магазин приходили?..»

В десять лет она неумело пользовалась ложкой, не знала, что такое личная гигиена: ванной ей служила поливочная яма

в огороде, и то лишь летом. Она не ела супов, не воспринимала горячее: сказывалась привычка подьедать по ночам то, что оставалось с пьяного пиршества взрослых — кусок хлеба, остывшую картошку, огурец. Девочка отставала в развитии на несколько лет, ей ставили диагноз ЗПР (это обычный диагноз для детей из неблагополучных семей: задержка психического развития).

Однако любовью и воспитанием Машу удалось преобразить. Она стала хорошо учиться, увлеклась музыкой, писала стихи! После школы продолжила образование. Однако вдруг сорвалась, всё бросила — и в омут с головой во взрослую жизнь...

Сегодня Маша уже сама мама, но по-прежнему нуждается в Нине Павловне, которая вновь и вновь помогает ей преодолеть трудности и исправлять жизненные ошибки, вновь дает ей шанс выбраться на твердую дорогу.

Девятерым приемным детям Нина Якунина стала мамой. В том числе и... собственному внуку. Ну, не совсем так: мальчик родился годы спустя после кончины ее сына. Однако там, где двое родных внуков, там и третий становится своим. Парнишка прикипел душой к бабушке, хотя уже и понимает, что по крови он ей не внук. Но что значит кровь, когда душа тянется к душе. Вот и растет мальчик среди других названных ребятишек Нины Павловны.

Старшие, Надя (та самая, «снегурочка») и Вера, уже окончили университет, вышли замуж. И помогают приемной матери поднимать ее новых детей, приемных братьев и сестер.

В любви и заботе живут и пятеро приемных детей супругов Поздняковых в том же Задонском районе, которые прежде поставили на ноги четверых своих сыновей. Но старший погиб в Чечне, отдав свою жизнь за Родину. В память о нем приняли когда-то Поздняковы в семью первого ребенка, а потом второго, третьего... Родные матери всех пятерых дочек в разное время уже погибли в пьяном угаре. И кто знает, что было бы с детьми, не окажись они вовремя в новой семье.

В Усманском районе реабилитационный центр «Надежда» открыл семейную воспитательную группу в доме супругов Олейник, взявших на воспитание четверых малюток, в том числе новорожденного.

В Хлевенском районе семья Пожидаевых приняла из «Надежды» троих детей, один из которых чуть не сгорел в доме родившей его мамы.

Четверых внуков-сирот воспитывает в Лебедянском районе Галина Молчанова. Их мать свела счеты с жизнью, не справившись со своими пороками. И дети, прежде росшие

дичками, в бабушкином доме буквально расцвели. О покойной снохе Галина Молчанова не говорит ни плохо, ни хорошо. Сын же обзавелся новой семьей, полностью передоверив матери свои права и обязанности.

Так пожилая женщина стала для детей всем: матерью, отцом, бабушкой, самым родным и близким человеком. И они стараются воздать ей любовью и старанием: только за полтора года заработали почти сорок почетных грамот и благодарственных писем, причем не только поселенческого и районного масштаба, но и всероссийского. Они хорошо учатся, занимаются спортом, рукодельничают, рисуют. Двое продолжают учебу в техникуме. А младшая Софья отлично закончила второй класс, музицирует, вяжет крючком, плетет из бисера и рисует.

Жизнь покажет, какими они вырастут, эти дети. Да, у них сложная судьба, но приемные семьи в России — это почти всегда благо по сравнению с детским домом, интернатом, откуда в свободное плавание по жизни дети отправляются совершенно неподготовленными, не имея ни родных, ни ула, ни денег, ни опыта самостоятельного существования...

УЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Было время, влияние улицы однозначно признавалось плохим. Улица воспитала — значит, ребенок заброшен родителями, школой, пионерской, комсомольской организациями. Оказалось, улица еще не так плоха по сравнению с интернетом, «гуляя» по которому, наши дети чему только не научаются...

Однако не всё так однозначно. И улицу, и интернет вполне можно использовать для самообразования: стоит только захотеть. А то, что улица вовсе не «безъязыкая», как утверждал Маяковский, известно давно. Другое дело, как её назвать.

Можно без счета плодить Новые, Строительные, Коммунальные, Долгие и Раздольные улицы, а можно давать им имена, много говорящие о достойных людях, которые добывали боевую и трудовую славу своей большой Родине и малой. В этом смысле примечательно липецкое село Доброе, где в названиях улиц запечатлены имена героев разных исторических периодов и масштабов.

Далеко в прошлое отсылает нас улица Степана Разина. Интересно, что улиц Пугачева по России всего-то с десяток, причем одна из них — в Липецке. А Степана Разина — только в нашей области более десятка наберется: в том же Липецке, Ельце, Грязях, Хлевном, селе Донском Задонского райо-

---

на и так далее. И тот, и другой — предводители крестьянских войн в России: Разин — 1670—1671 годов, Пугачев — 1773—1775 годов. Кстати, оба они донские казаки и даже родом из одной станицы — Зимовейская-на-Дону. Во всяком случае, так утверждает интернет.

Вряд ли Доброе как-то связано со Степаном Разиным, однако мало ли у нас названий, не имеющих непосредственного отношения к территории, на которой они прижились. Зато у каждого добровца есть повод больше узнать о Степане Разине, которого мы долго считали борцом за народное счастье, а теперь его называют разбойником, ограбившим и залившим кровью многие города и улицы, носящие сегодня его имя...

А вот Пушкин, имя которого носит еще одна улица Доброго, куда ближе нам и по времени (родился в 1799 году), и по роду деятельности — литература, а не резня, — и по происхождению: всё-таки именно в добровскую землю уходит своими корнями пушкинский род. Причем и по отцовской, и по материнской линии. Так что в данном случае название улицы оправдано по всем статьям и много говорит об истории края.

Еще ближе к нашему времени и месту писатель Александр Левитов, уроженец села Доброе. В 1835 году появился он здесь на свет в семье дьячка. Писатель-демократ, народник, много странствовавший по Руси, он не понаслышке знал «горе сел, дорог и городов», о чем и живописал в своих рассказах и очерках. Нынешняя улица Левитова, конечно, совсем не та, что в его времена, когда она носила другое название, однако и сильно не преобразилась: вполне можно представить, какой она была полтора столетия назад, когда бродил он здесь с думой о народе.

Террорист Андрей Желябов никогда в Добром не был, по его улицам не ходил. Однако был весьма прославлен в советской топонимике как выдающийся революционер. По этой причине, вероятно, и появилась в Добром улица его имени. Что ж, теперь это уже история. И проходя улицей Желябова, нелишне задуматься о трагических заблуждениях личностей, творивших эту историю.

Кстати, улица имени террориста №1 царской России есть и в Липецке, где она более оправдана: в июне 1879 года Желябов был участником липецкого съезда террористов, стал членом исполнительного комитета новой партии. Повешен с другими «народовольцами» в 1881 году.

Новую страницу в истории страны открывает Ленин. И улицы имени вождя пролетариата и его сподвижников, Ок-

---

тябрьские, Интернациональные, Комсомольские долго еще будут хранить память о революции и советском строительстве.

Увековечен в названии добровской улицы и пролетарский писатель Максим Горький. С Добрым его связывает только то, что в своем творчестве, как сказано на одном из сайтов, он проповедовал добро.

Впрочем, не только это: в 1888—1889 годах Горький работал ночным сторожем на станции Добринка (не путать с Добрым!). Жил он в казарме-общежитии для неженатых служащих на улице, которая там ныне тоже носит его имя! А Добринка — это село, основанное переселенцами из Доброго в 1802 году. Такие вот обнаруживаются связи, только потяни за ниточку.

Особый интерес в Добром представляют улицы, названные именами местных тружеников и воинов советского времени. Одно из имен — Мария Васильевна Тарнакина.

Честно говоря, сегодня практически только улица и хранит память об этой удивительной женщине. В основном все сведения о ней сегодня сводятся к тому, что она была главным агрономом колхоза имени Крупской в Добром, Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета РСФСР. Оно и понятно: не стало ни страны, ни колхоза, которому посвятила свою жизнь и свой труд Мария Тарнакина. Но это было ее время. И, лучшая из лучших, она представляет его нам сегодня как эпоху самоотверженности, ответственности и беззаветного служения родному краю.

Родилась Мария Васильевна в 1925 году, умерла в 1981-м: всего-то в 56 лет уместилась ее судьба. И пройдя путь от обычной сельской труженицы, крестьянки до главного агронома колхоза-миллионера, занимавшего когда-то второе место в социалистическом соревновании по России (!), авторитетом обладала непререкаемым.

Урожай в те времена, как их ни умаляй, были отменные, а люди получали за свой труд приличные зарплаты. С Тарнакиной считались секретари райкома — и ни один выезд в поле, ни одно решение, касающееся полеводства, без ее участия были немислимы.

Простая, прямая женщина, она и в районе, и в области, и в столице всегда пеклась, прежде всего, о благополучии своих земляков. Земляки вспоминают, что, работая в Верховном Совете, она, не смущаясь, стучалась в министерские двери и добивалась исполнения наказов своих избирателей.

Очень честный, порядочный человек, Тарнакина строго спрашивала и с себя, и с других. В 5.30 утра уже была на

работе. Знала каждый гектар посевных площадей: где и как дышит земля, чем полнится. Не случайно иностранные делегации в области везли именно на тарнакинские поля: знали — не подведёт.

Уже будучи смертельно больной, она никому об этом не говорила. Наперёд давала поручения своим землякам, родным и близким — и все по делу, в заботе о будущем хозяйства. У нее была хорошая семья, сын. А после ее ухода из жизни оказалось, что в доме нет никаких запасов, никакого наследства: ничего-то не сделала для себя, не скопила, ничем не попользовалась эта скромная женщина. Одни ордена и звания остались в память о ней. И улица — Марии Тарнакиной.

Отдали добровольцы дань уважения и землякам, с честью исполнившим свой солдатский, воинский долг. Автору этих строк довелось общаться с семьей — вдовой, дочерью, внуком — полного кавалера орденов Славы Александра Покидова.

Фронтальная его биография поражает. Окончив в 1940 году ветеринарный техникум, он свой боевой путь начал под Воронежем. Пулеметчиком воевал на Курской дуге, в Белоруссии, форсировал Днепр. И вот незадача: в одном из боев был разбит его пулемет. За то, что не сберег орудие, солдат был осужден и направлен в штрафной батальон.

Казалось бы, ничего хорошего от жизни ему уже не ждать. Однако, искупив вину кровью, после ранения и госпиталя, Покидов вновь в строю, вновь на хорошем счету.

Более того: с сентября 1943-го он воюет... разведчиком. В июле 1944-го в составе группы захвата участвует в разведке боем. Прикрывая отход разведчиков с «языками», уничтожает из трофейного пулемета свыше 10 гитлеровцев, подбивает бронетранспортер. Уже через месяц за этот подвиг он был награжден орденом Славы 3-й степени.

А в начале октября при форсировании, совместно с артиллеристами, реки Нарев (Польша) четырежды вброд в ледяной воде переправляется с берега на берег, доставляя боеприпасы и донесения, восстанавливая связь с батареями. А обнаружив в одной из траншей скопление врагов, оперативно вызывает огонь (надо полагать, на себя) и срывает готовящуюся атаку гитлеровцев. Тогда их погибло более 20. А Покидову в марте 45-го вручили еще одну «Славу», 2-й степени. Но он об этом еще не знал, когда в феврале в составе группы разведчиков вступил в бой с отрядом полевой жандармерии противника и лично уложил в этой схватке свыше десятка вражеских солдат, сжег автомашину. В апреле отличился в уличных боях за Берлин, был ранен при штурме рейхстага.

За исключительные мужество, отвагу и бесстрашие ему вручили орден Славы 1-й степени.

Только в мае 48-го вернулся он домой, в Добровский район. В 57-м Покидов окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт, более четверти века работал главным зоотехником управления сельского хозяйства райисполкома.

Еще один подвиг совершил прославленный фронтовик, вырастив сына-героя. Что обернулось для семьи страшной трагедией.

Старший лейтенант Николай Александрович Покидов воевал в Афганистане, принимал участие в 68 боевых операциях, обеспечивал командира батальона надежной связью.

В марте 1985 года десантники подверглись обстрелу противника. В ходе завязавшегося боя машина, в которой находился Николай Покидов, подорвалась на mine, а сам он был тяжело ранен. Шансов выжить у молодого офицера не было: ему оторвало ногу. Но он не сложил руки и, пока был в сознании, отстреливался до последнего, так и не выпустив оружие из рук. Награжден орденом Красной Звезды посмертно.

На доме в селе Добром, где жили Покидовы, установлена мемориальная доска в память о полном кавалере ордена Славы Александре Павловиче. А именем его сына — Николая Покидова — названа улица в райцентре.

Другая улица носит имя еще одного добровского воина-интернационалиста, как их тогда называли: Петра Гриненко. 27 мая 1981 года в бою у населенного пункта Бараки в Афганистане сержант Гриненко, отражая нападение, был смертельно ранен. Посмертно тоже награжден орденом Красной Звезды.

А улица Николая Панова вновь возвращает нас к Великой Отечественной и даже к Великой Октябрьской. Красный командир Николай Иванович Панов родился в 1902 году в добровском селе Леденевка, был участником революции и Гражданской войны, сражался с басмачами в Средней Азии. И был награжден не красными шароварами, а именной шашкой. Всю Великую Отечественную он на фронте, биография его полна героических событий и подвигов. Представления к наградам подписывали ему маршалы К.Рокоссовский и Г.Жуков.

Сын Николая Панова Даль Николаевич написал целую книгу о своем легендарном отце, и хочется верить, что она обязательно выйдет. На доме, где жил в Добром красный командир, тоже размещена памятная доска.

Не осталась уличная топонимика райцентра и без имен партийных деятелей того времени: две улицы носят имена

первых секретарей Добровского райкома КПСС — Михаила Сушкова и Владимира Топоркова.

Михаил Сушков, почетный гражданин района и его ровесник (1928 года рождения), стоял у руля с 1965-го по 1972-й. И в эти годы крепчайшего, основательного «застоя», о которых сегодня с тоской и ностальгией вспоминает старшее поколение и мечтательно рассказывает младшему, район был на высоте.

Еще в начале 90-х в Добром по весне выгоняли на пастбища огромное колхозное стадо. А два частных нескончаемым потоком брели на луга с утра пораньше мимо нашего дома. От колхозного стада нынче — ни рожек, ни ножек, а частные вызывают слезы умиления: хоть эти несколько коровенок не дают еще забыть, как вообще выглядят домашние животные по имени буренки.

Ни мяса, ни молока современные сельхозпредприятия и фермерские хозяйства, на которые мы все так уповали, не производят. Впрочем, и сами-то хозяйства на добровской земле можно пересчитать по пальцам одной руки. Когда-то их было несколько десятков. Так что имя Сушкова связано у добровцев с благополучием и достатком. Работали, да. Но ведь и жили в государстве, где каждому по труду. Исключения, конечно, были, но на то они и исключения, что подтверждали правило...

Владимир Топорков руководил районом с 1982-го по 1989 год: тоже еще не самые худшие времена. Но уже лихорадило, уже бродило в низах, а главное, в верхах. На волне перестройки Топорков стал председателем исполкома Липецкого областного Совета народных депутатов, а в августе 1991 года был даже первым секретарем Липецкого обкома КПСС.

Дошел до Государственной Думы, от фракции КПРФ входил в состав Комитета по информационной политике. И не случайно: окончив в свое время Мичуринский педагогический институт, он в начале своей трудовой биографии работал литературным сотрудником, потом заведовал отделом в районной газете, то есть подвизался как журналист.

Да и всю дальнейшую жизнь, будучи на комсомольской, партийной работе, сотрудничал со средствами массовой информации. Более того: Владимир Топорков — член Союза писателей России, автор 13 книг прозы, лауреат областной литературной премии имени И. А. Бунина, заслуженный работник культуры РФ.

К сожалению, десять лет назад его не стало, но есть улица его имени в память о годах советского строительства и постсоветского смутного времени на территории области. Оста-

---

лись книги, в которых партийный деятель районного, областного, а потом и российского масштаба отображал действительность так, как он ее видел и понимал.

Еще одна «именная» улица в Добром названа в честь знатной строительницы, уроженки села Анны Сергеевны Дворниковой. В 1961 году уехала она в Липецк с направлением в пединститут. А поступила на стройку, бетонщицей: мачеха поднимала троих ее младших братьев — и она считала своим долгом помогать ей.

В 19 лет она стала бригадиром бетонщиков — и к ней с уважением относились ярые мужики, которые даже жалели ее: мол, курят они, и за матерным словом в карман не лезут, а она и сама работает на совесть, и другим поблажки не дает.

В 21 год Аню наградили первым орденом! Это был праздник для всей бригады и всего «Промстройтреста». Тогда умели радоваться за других, говорит она сегодня. И работали с удовольствием. Жили в общежитиях, трудились на износ, ездили на грузовиках, учились в техникумах, институтах, помогали родным в деревнях: копать картошку, жилье ремонтировать — и всё успевали, и никаких тебе депрессий, никаких нервных расстройств не было.

27 лет Анна Сергеевна руководила бригадой. В неполных сорок стала Героем Социалистического Труда. Трижды избиралась делегатом съездов КПСС, три созыва была депутатом (и даже заместителем председателя) Верховного Совета РСФСР.

К слову о кухарках. Как только в последнее двадцатилетие не муссировали эту тему, отказывая кухаркам и иже с ними в способности работать в руководящих органах страны. Мол, профессионалы справятся с этим делом лучше. Нынче у нас во власти одни «профессионалы» — банкиры, олигархи всех мастей, ярые общественники, выдвинутые ни в чем не проявившими себя партиями. То-то их усилиями мы зажили во сто крат «лучше».

В перерывах между сессиями по ночам готовилась к обсуждению вопросов, к выступлениям в Верховном Совете Анна Сергеевна. И напрочь отметала все предложения уйти на начальственную должность в строительное управление области. Она и сейчас на общественных началах помогает строиться тем, у кого не слишком тугой кошелек, зато много детей и обременений.

Живое дело — вот чем она гордится. С ее участием построены практически все крупные заводы областного центра, тепловой комбинат, Добринский сахарный гигант, сотни жилых многоэтажек.

Хорошо, что имя Дворниковой дали коттеджной новой улице на въезде в село Доброе, где живут, в частности, бюджетники, сироты, льготники, которые обрели крышу над головой с помощью государственных средств. Красивая, «добрая» улица. И проезжать по ней — а Анна Сергеевна постоянно бывает в Добром у своих родных — знатной строительнице не стыдно и не обидно. А это по нашим временам с героями прошлого не часто бывает...

ДВЕНАДЦАТАЯ ЗАСТАВА

И было у них три сына — Михаил, Иван и Илья. Старший, Михаил, стал офицером, пограничником, служил на таджикско-афганской границе начальником заставы. Приехал в отпуск к родным в Казахстан — и взял с собой среднего брата, Ивана. Но домой вернулся один Иван...

Нина Ивановна Майборода рассказывает:

— Семилетний внук бойцом растёт, игрушечным мечом заправски орудует. А на вопрос, кем станет, отвечает: пограничником. Это у нас семейное...

Самообладанию этой женщины можно только удивляться. Внук хочет стать пограничником, а она не сопротивляется, не закатывает истерику и даже словно гордится парнишкой.

А ведь старший сын Нины Ивановны и Виктора Матвеевича Майборода Михаил геройски погиб в бою с моджахедами, защищая 12-ю заставу Московского пограничного отряда.

Орденом «За личное мужество» награжден средний сын, Иван Майборода, участник обороны той героической заставы.

А их младший брат Илья, когда вырос, тоже стал пограничником, несет сейчас свою ответственную службу на границе России и Казахстана. Его-то маленький сынишка и мечтает быть похожим на дядьёв и папу.

Липчанка Зоя Михайловна Мерзликина слушает Нину Ивановну с пониманием: их сыновья вместе служили, дружили. И после гибели Михаила Майбороды именно сын Зои Михайловны — Андрей Мерзликин — принял командование заставой на себя. С тех пор эти две женщины словно породнились.

И Зоя Михайловна нисколько не ревнует сына, когда тот называет Нину Ивановну мамой. Так её называют все оставшиеся в живых защитники заставы, которая 20 лет назад

подверглась нападению афганских моджахедов и боевиков таджикской оппозиции.

Когда они приезжали к нам в Добровский район к сослуживцу Ивану Майборде и его родителям, надо было видеть их лица и глаза — тех, кто принял тогда смертный бой. А лучше не видеть: потому что такая в них горечь и тоска, хоть плачь. И кое-кто из них, этих настоящих мужиков, бойцов, плакал. Но легче им, видимо, не становилось...

УФСБ России по Липецкой области, администрация Добровского района, ГУ МЧС и управление государственной противопожарной спасательной службы, а также инициативная группа из числа пограничников организовали защитникам заставы теплую встречу, обустроили для них палаточный городок — благо было еще тепло. Провели торжественный митинг.

Простые, скромные люди в штатских и даже мешковатых пиджаках совсем не выглядели героями. Однако это они 20 лет назад отчаянно бились за клочок, по сути, чужой земли, зажатый в горах, который стал их судьбой.

Впрочем, нет, не за чужую землю сражались они. Да, в 1993 году Таджикистан был уже отдельной страной. Но его границы защищала группировка пограничных войск России. И для ребят это была российская застава, за Россию они и сражались, и гибли. В основном, конечно, русские. Но были среди героев украинцы, таджики, узбеки, табасаранец, дагестанец.

Из 48 защитников заставы к своим прорвались 18. Еще пятерых потом обнаружили живыми после того, как заставу отбили у моджахедов. 25 ребят пали в бою, в том числе и мученической смертью. Было им по 19—20 лет. Именем 25 героев названа эта застава, прежде называвшаяся по близлежащему кишлаку — Саригор.

По большому счету, это история одного из предательств 90-х. Ибо не предупредить начальника заставы о том, что в ночь возможен прорыв границы, а буквально накануне оставить его с бойцами без боеприпасов — такое вряд ли может произойти случайно. Но это произошло.

Когда рано утром заставу начали обстреливать, её начальник Михаил Майборода погиб один из первых. Погиб с оружием в руках. Единственным офицером на заставе оставался наш земляк лейтенант Андрей Мерзликин. Он и взял командование на себя.

11 часов пограничники отважно оборонялись, имея на всё про всё ящик с патронами. Второй припрятанный когда-то ящик чудом под непрерывным огнем бандитов притащил-

---

таки боец Додоколонов, которого уже и не чаяли дожидаться: здание, где, по предварительным данным, этот ящик находился, было боевиками взорвано. И все подумали, что Додоколонов погиб.

Но он вернулся «со щитом» и боеприпасами. Но как мало их было по сравнению с окружившей их группировкой в 200—250 боевиков.

Нашу боевую машину пехоты (БМП) они подбили из гранатомета в начале нападения. Вооруженная до зубов — минометами, гранатометами, пулеметами и установками реактивных снарядов — банда моджахедов окружила заставу и планомерно ее уничтожала...

Защищались до последнего патрона, до последней гранаты. Когда боеприпасы кончились, а помощь всё не подходила, Мерзликин принял решение о прорыве. Не способные к самостоятельному передвижению бойцы остались на заставе для прикрытия...

Когда Мерзликин вывел раненых, контуженых, обессиленных бойцов сквозь шквальный огонь боевиков к своим (пять километров!), некоторые из них упали от слабости и потери крови. На вертолете героев отправили в «тыл».

Шестеро пограничников были удостоены звания Героя России, четверо из них посмертно. 18 человек награждены орденом «За личное мужество». Героем России стал и Андрей Мерзликин.

По-разному складывались судьбы выживших ребят. Андрей сейчас полковник ФСБ, живет в Москве. Но часто бывает в Липецке у родителей, и все эти годы деятельно помогает соратникам. Для защитников заставы он по-прежнему их ведущий, теперь уже по жизни.

Мерзликин посодействовал и переезду семьи своего погибшего командира Михаила Майбороды в Липецкую область. Прежде Нина Ивановна и Виктор Матвеевич с сыном Иваном, его женой и дочерью жили в Казахстане. Но кто они были там, на нынешней чужбине? Ни помощи, ни поддержки семья погибшего героя не получала. И тогда Иван обратился к Мерзликину.

Андрей за минувшее 20-летие остался верен себе и людям. Он пригласил семью погибшего командира в Липецк, Мерзликины-старшие поселили их на своей даче. Но надо было решать вопрос кардинально.

Однако в наше время ждать помощи с жильем практически неоткуда, будь ты хоть трижды герой. Как получилось, что руководитель области Олег Королев и глава адми-

---

нистрации Добровского района Анатолий Глазунов построили дом родителям и брату Михаила Майбороды, остается загадкой.

Но они сделали это. И в 2010 году семья погибшего командира двенадцатой заставы переселилась в новый дом в селе Кореневщино.

Здесь теперь и будут собираться пограничники героической заставы из разных стран — России, Украины, Белоруссии, Таджикистана, пока кто-то из них еще жив. Собираться, чтобы побыть вместе, молча вспомнить боевых товарищей, не вернувшихся с той войны, выпить за них, не чокаясь, и, может быть, поплакать...

На митинге они были как не в своей тарелке. Но нужен и митинг: чтобы помнили даже те, кто прежде ничего не знал ни о заставе, ни о героических ее защитниках, чтобы гордились русскими парнями, павшими смертью храбрых в приснопамятном 1993 году.

Начальник УФСБ России по Липецкой области полковник Кирилл Грицай пообещал, что такие встречи в память о тех, кто прошел через «горячие точки», станут традицией.

Да, пограничники были очень сдержанны, немногословны. Ничего о себе не рассказывали, подвигов своих не расписывали. Потому что вспоминать об этом больно, страшно, объяснил Андрей Мерзликин, но и не помнить нельзя...

ПСИХ ФИЛИПП И ДРУГИЕ

РАССКАЗ

После пятого курса я проходил практику в маленькой районной психбольнице в семи километрах от города и в километре от шоссе, уходящего далеко за горизонт. Одноэтажные больничные корпуса не имели заборов; да что там корпуса, вся территория была «распахнутой», то есть не имела железобетонной ограды, какие обычно бывают в больницах такого типа. Больные спокойно ходили по двору, по околособольничному саду, спускались даже к маленькому мелкому пруду, но убежать не убегали и, мало того, не буянили. Окружающая природа, а точнее, такая вот свобода, их успокаивала.

Я был в подчинении молодого врача Никиты Никитыча. Высокий, худой, сосредоточенный, он почти постоянно курил трубку. Психиатрия ему крепко нравилась. Никита Никитыч заканчивал писать кандидатскую и через год собирался защищаться.

В первый же день он доверил мне самому собрать психстатус у вновь поступившего буйного больного, на второй — назначить лечение и, убедившись, что у меня более-менее всё получается, на третий день разре-

ПРОЗА

шил мне самостоятельно вести несколько больных-хроников, которые не были буйными и лечились в больнице по несколько лет. Я старался, как мог, я «обсасывал» своих больных, я изучал их души, я мечтал понять их мир. А как я порой сочувствовал их горю! Я плакал, замечая, что некоторые из них были равнодушны ко всем моим стараниям; они могли по несколько суток кряду сидеть неподвижно, как каменные изваяния, и сотню раз, да какой там сотню — тысячу раз на одной тональности шептать: «Здравствуйте!.. Здравствуйте!..»

И тогда всему персоналу казалось, что у этих больных давным-давно нет души. Нет, у них были души. Но точно глухие. Только как, как до них докричаться? Я старался лечить их. Я прописывал им наисовременнейшие лекарства. Я ходил вместе с ними на прогулки. И часто, порой присев рядом с ними у старых больничных порожков, пытался поддерживать их компанию, окаменело шепча: «Здравствуйте!.. Здравствуйте!..» Этим приёмом я пытался войти в больного, стать его другом.

Мои старания в психиатрии были небезынтересны для администрации. И часто молодая главврачиха, остановив меня на больничном дворе, клала свою тоненькую наманикюренную ручку на моё плечо и серьёзно-медленно, без всякой там грубости, которая порой так характерна была для неё, говорила:

— Вы мне нравитесь, вы хороший мальчик. Да и больные в вас души не чают...

Полуотвернувшись от неё, я растерянно моргал глазами. Она мне нравилась, ибо нежность её была не фальшивой. А в таких случаях мужчина безоговорочно подчиняется женщине.

— Поднимите глаза и посмотрите на меня... — просила она.

И, подняв глаза, я гордо смотрел на неё.

— Ишь ты!.. — шептала она.

Ей дышалось легко. А я задышался. Ибо, кроме запаха пудры и губной помады, меня оглушал сверхаромат ее французских духов.

И, не выдержав, я сказал ей:

— Извините, но у меня аллергия на духи...

На что она улыбнулась и сказала:

— Вы бедный, и вам ещё многого не понять...

А затем, вдруг став крайне серьёзной, она подпёрла руками бока, и грозно топнула ножкой:

— Ступайте работать. Через час я приду и проверю все ваши истории. И если что будет не так, то я вас вздёрну... Поняли?

— Понял... — пробормотал я.

Перед ночными дежурствами, прогуливаясь по двору, я часто кланялся ей издали. И она тоже кланялась и, раскланявшись, говорила:

— У меня сегодня пустошный день, так что после обеда приходите пить кофе.

Я до этого не любил пить кофе. Но она меня научила. И, если раньше этот напиток был для меня мучительно горек, то теперь я с необыкновенной радостью мог выпивать его по нескольку чашек кряду, при этом лишь чуть добавляя сахар. И стоило мне как следует взглянуть в её лицо, как она, покраснев, останавливала у полураскрытых губ дымящуюся чашечку, смотрела в приоткрытое окно так, как будто бы ждала кого-то.

— Здоровую душу нельзя полностью понять, а больную тем более... — как-то сказала главврачиха. В эти минуты всю её красоту как рукой сняло. Её взгляд, остановившийся на мне, трогал меня — столько врачебной энергии в нём было. Женщина, которую я всё время считал ветреной, вдруг переменилась: сила, ум и даже смелливость — всё было в её взгляде. — За мою жизнь не одна сотня больных в этой больнице перебивала. И что вы думаете? Хоть один из них вылечился? Нет... Больная душа — она как камень. Не подпускает к себе...

За окном шумел ветер. Перезревшие яблоки на ветвях деревьев хоть и болтались из стороны в сторону, но на землю не падали.

Мимо окна прошёл больной, на вид не городской, деревенский. Страшно исхудавший. Он как-то странно поднимал к небу голову, несколько в сторону отводя глаза, словно этим самым прерывал какие-то свои тайные размышления. Он вдруг громко восклицал:

— Серафиме, моли Бога о нас!..

— Как холодно мне бывает на свете от таких вот больных... — вздохнула главврач и тут же встрепенулась: — Да вы кофе-то пейте, а то, глядишь, остынет. На меня не обращайтесь внимания.

— А я и не обращаю... — ответил я ей тихо.

— Ба, ругается... — посмотрев в окно, встрепенулась она вновь. — Надо позвонить санитарам, пусть они поскорее отведут его в корпус... — И, взяв трубку, начала набирать номер дежурки.

— Не надо, не делайте этого, — остановил я её. — Ему надо высказаться. Поругается, поругается и перестанет.

Она закрыла окно.

— Нет, вы просто не представляете, как мне тут жутко работать... — Её лицо было строгом и сосредоточенным.

Вот она подошла ко мне и остановилась. Её руки легли мне на плечи. Я покраснел.

— Где же вы раньше были... — в волнении прошептала она. — Как жаль, жаль... — И вздохнула. — Рано или поздно, а я всё равно отсюда уеду.

Я поцеловал её.

А после она, точно школьница, плакала, и я успокаивал её. Мне было жаль, что мы не пара.

— Успокойтесь... — тихо говорил я ей. — Вы такая славная... Я считаю, что вы нисколько не разочаровались в своей профессии, наоборот, вы так, так переживаете...

— Нет, вы всего не знаете... — и спрятала глаза.

— Вам хочется спать? — спросил я её.

— Что-о? — вспыхнула вдруг она, превратившись в какой-то бешеный вихрь.

«Да она же сама больная, — подумал я. — Ведь не зря же говорят, что почти все психиатры — немножечко чокнутые...»

— Да какой же ты врач? Да какой же ты мужик, если ты душу женщины распознать не можешь? — запрчитала она. — Нет, избави бог такого... Лучше совсем без мужа, чем такого...

Конечно, не очень приятны были мне эти её слова. Ну а ещё я понял, что разонравился ей. И, не глядя больше на неё, я встал и пошёл к выходу. Шёл и шёл, покуда не пришёл к дежурке. Здесь я временно живу. В соседней комнате днюет и ночует Никита Никитыч. Он любит дежурить, потому что за дежурство платят.

Я тихонько пробрался в свою комнату и, не раздеваясь, лёг на постель. Где-то в полуспокойном корпусе кричал вновь поступивший больной. Но Никита Никитыч спокойно храпел во всю ивановскую. Постепенно заснул и я.

На другой день шёл мелкий дождь. И главврачиха, помирившись со мной, шутя говорила:

— Я не подпишу тебе практику, покуда ты не образумишься...

На ней была шёлковая голубая кофточка и дорогие разноцветные бусы. И хотя все эти цвета были нежными, холода в них хоть отбавляй, потому что сама главврачиха, как обычно и все старые девы, была не в меру строга, да в придачу нервная.

Она вновь приглашала на кофе. И я обещал прийти.

Мы с Никитой Никитычем просматривали истории болезни, когда к нам зашёл посторонний. Это был мужичок — маленький, толстенький, с добрыми глазками. В руках держал конверт и узелок с вещами. Увидев Никиту Никитыча, восторженно произнёс:

— Вот, доктор, как вы и велели, справку привёз... — и улынулся тихо и очень даже как-то выстрадаанно.

— Ладно, давай сюда... — буркнул Никита Никитыч и, раскрыв конверт, достал справку.

Однако не справка это была, а направление на ВТЭК. Наша больница обслуживала несколько районов, больной был из самого дальнего района, находившегося примерно в ста километрах от нас.

— Ишь ты, ещё молодой, а уже группу захотел! — воскликнул Никита Никитыч и хитро-прехитро оглядел больного.

Тот сидел перед ним неуклюже, терпеливо уставившись на конверт. Руки его обхватывали кепку — засаленную, старую, но держал он её так, словно цены ей не было. Дышал шумно, через рот. Подбородок и щёки его были гладко выбриты.

— Кем работаешь?.. — спросил Никита Никитыч.

— Пастух, — вытирая слюну с губ, произнёс мужичок, и тут его понесло: — Доктор, меня снег окаянный замучил. Он на меня, и на коров день и ночь валит, точно падун какой. Порой от него и не пройти, и не проехать, и иногда по пояс как выпадет, так одно мученье, да какое мученье, сушая каторга по полю идти. Мне за коровами надо бегать, а тут какие могут быть бега, если ты сам словно в яме, а выкарабкаться не можешь... Я начальству своему говорю, мол, как же мне коров пасти, если снег густой идёт, а они меня посылают на три буквы, мол, иди, и всё... Один председатель умный оказался. Расспросил меня как следует, и сразу же к врачу направил. Помните, доктор, я прошлый раз приезжал...

— Помню, помню, — буркнул Никита Никитыч.

И каким-то непонятным показался мне этот его ответ. Да и раньше таким я его никогда не видел. То ли зол он был, то ли не в настроении, ибо я вдруг понял, что на контакт с больным он не желает идти и не пойдёт; а в итоге получается, что ждать больному помощи от него не следует.

— Тяжёлый снег, ну, просто, спасу от него нет! — торопливо проговорил больной и, заметив, что Никита Никитыч смотрит на него очень строго, поджал губы.

— А чем я тебе помогу?.. — спросил доктор.

— Жалкенький, миленький, доктор дорогой, дайте мне группу! — закричал больной. — Говорят, если вы мне группу дадите, то мне враз и полегчает. От этого снега голова у меня день и ночь болит. Я даже соображать разучился, раньше хоть хитрить мог, а теперь вот стал как тряпка. Из-за снега потерялся я весь как-то. Даже маманька на меня злится, говорит, родился нормальным, а вот вырос — и дураком стал... Эх,

---

доктор, думаешь, этак-то все просто. Я и запивал, а снег всё равно идёт и идёт, коров облепляет, траву облепляет и всё, всё вокруг облепляет.

— Ладно, хватит, — перебил Никита Никитыч.

И от строгости его вздрогнул больной. А потом, подщёпывая что-то и не вытирая заслунявившихся губ, глубоко задумался.

— Доктор, может, положим его? — сказала я.

— Да нет, не надо. Его лечить незачем, он придуряется. — И, чиркнув что-то на обратной стороне бумажки, Никита Никитыч вежливо протянул её больному и сказал: — Работать надо, понял?

— Понял, — прошептал расстроено мужичок, и вместо того, чтобы взять бумажку, пожал протянутую докторову руку. — Спасибо, жалкенький, спасибо, дорогой... А если я к областному, насчёт снега обращусь, может, там помогут?

— Бесполезно, — буркнул Никита Никитыч. — Всё равно к нам пришлют.

Больной, криво усмехнувшись, протёр глаза. И только тут я увидел его пальцы, до этого я не мог их увидеть из-за очень длинных рукавов его рубахи. Пальцы были тоненькие, сухонькие, все потрескавшиеся и обсыпанные морщинками; всё это не шло к его полной фигуре.

— Не пойму... — неприятно усмехнулся он: ему хотелось, наверное, высказаться. — Вон на днях в газете писали, да и сам пред говорил, что сейчас куда ни поедешь, везде тебя примут, везде тебе — и мать, и отец!..

Но Никита Никитыч даже не смотрел на него. Он молча сел за стол и начал писать что-то своё.

Больной оказался сметливым. Он понял, наверное, что я практикант и почти ничего не решаю. Поэтому всё его тихое, мирное беспокойство, проявляемое в желании получить группу, было направлено к Никите Никитычу. Но тот, увы, молчал.

— Доктор, остановите его! — попросил я Никиту Никитыча, когда больной шагал мимо наших окон.

— Успокойся, — резко ответил тот и добавил: — Поработайте с моё, тогда узнаете. Я тоже вот сейчас прикинусь дураком перед вами, скажу, что на меня день и ночь дождь льёт, так что же, мне группу сразу давать?.. Нет, нет, это несерьёзно. Он же здоровый малый, работай только. Смотрите, вон он как улепётывает.

Я подошёл к окну. У трёх огромных больничных осин был длинный столик, окружённый скамейками, за ним в обеденный перерыв обычно сидели спокойные больные и, курая, бол-

---

тали о том о сём, а точнее — о том, что относится больше к области мифов... И сейчас там сидели двое больных. Они подозрительно посмотрели на нашего больного, севшего за стол, и спросили:

— Тебя обидели?..

Тот промолчал и, развязав узелок, в котором была еда, равнодушно смотря на больных, стал уплетать варёные яйца.

— Тебя, случайно, по башке не били? — тихо и очень как-то сострадальчески спросил его тот, что был постарше. Спросил и вытянулся весь.

— А у вас что, группа есть? — вопросом на вопрос хлестнул гость и вздохнул: — Э, братцы, снегу, наверное, в нашей деревне за это время, что я здесь, намело — не пройти, не проехать...

— Филипп? — опять спросил его больной. И второй гаркнул за ним следом:

— Филипп!

А потом оба хором:

— Филипп, да ты, кажись, прошлый раз приезжал.

— Он самый, — ответил он.

Губы у него заметно задрожали, и длинная слюнка, выскочив изо рта, упала ему на грудь.

— Филипп, мы тебя давно не видали... — опять хором прокричали больные.

— Счастливые, — прошептал он им. — У вас группа есть... А мне не дали.

Он не стал больше рассуждать. Конечно, от яиц сыт не будешь. Но даже от того, что он хоть уже полусыт, ему стало приятно. Внимательно, с беспокойством оглядел он себя, поправил кепку и, держа полегчавший в руках узелок, пошагал.

— Теперь куда ж ты? — недоумённо вскрикнули больные и, встав из-за стола, тревожно посмотрели на него.

— Прощайте. Что бог даст... — ответил он и попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. И он махнул им рукой по-братски, с душой.

Больше я этого больного и не видел. Но уже перед самым концом моей практики привезли родственники одного больного из той же самой деревни, где жил Филипп. Я спросил их, как он там жив. А они мне:

— Так он же, чтобы его снег совсем не засыпал, взял и повесился. Всё говорил, что у вас группу просил, а вы ему не дали. Ох, и дурак же он был, ох, и дурак. До того снегом забредился, что стал летом в тёплом пальто и шапке ходить: боялся, что замёрзнет. Маманька у него тоже чудачка, до сих

пор ревёт по нём. Один он у ней был, хоть и дурак, а всё ж как-никак ободрял... А умер он, так и ей хоть в колодец прыгай.

Только ничего хорошего одному помирать... Хорошо, когда после тебя на земле кто остаётся. А если один на старости лет умираешь, то примета нехорошая...

Подошла санитарка. И родственники, дожидаясь Никиту Никитыча, разговорились ещё более. Не знаю, но что-то оборвалось в моей душе. И такая вдруг горькая-прегорькая печаль охватила меня.

Я пошёл к больничному саду. Там мне хотелось побыть одному.

Сад плавал перед моими глазами. Плыли куда-то и больничные корпуса. Кто-то невидимый бесцеремонно нагромождал деревья на здания, на облака, мешая всё и погружая всё в небесную дымку.

Я не мог смотреть на всё это и закрыл глаза. Белый Филипп стоит передо мной. На нём больничная рубашка. Ему видно, так хотелось надеть её. Вот он запустил руки в карманы, затем вытащил их. Подул ветерок. И на землю с его рук посыпался снежок.

— Доктор, вот видишь, видишь, сколько снега на мне! — радостно произнёс он. — А ты не верил, что я белый. Скажи, ну хоть теперь ты веришь, что я белый? — И, вздохнув, добавил: — Этот снег и вас может с ума свести.

Я теряюсь. Ибо сам, как мне кажется, начинаю галлюцинировать. Отступаю назад. Один бок мой освещён солнцем, другой — в тени дерева. Нет, я не смогу спать спокойно в эту ночь. Придётся опять выпить снотворного. Ведь я будущий доктор, должен учиться не падать духом.

Однако боль всё сильнее и сильнее сжимает моё сердце.

— Доктор, какие странные у вас мысли, мало того, вы говорите их вслух.

Я вздрагиваю. Передо мной стоит главврачиха, лёгкая, сентиментальная — и с раскрытым зонтиком на плече. Оказывается, идёт мелкий дождик, а я его не замечаю.

— Какие глупости, какой-то пастух Филипп... — усмехнулась она.

— Это не глупости, это правда! — закричал я. — Я, можно сказать, убил его... Понимаете, когда решался его вопрос, я был равнодушным, я не настоял. А теперь его уже нет.

Она рассеянно посмотрела на меня, затем пощупала мой лоб:

— У вас жар, и поэтому вы бредите... Пойдёмте ко мне в кабинет, я угощу вас кофе... — И я понуро поплёлся за ней...

А на другой день я раньше положенного срока подписал заключение об отличном прохождении моей практики по психиатрии и уехал в институт. Я не мог оставаться больше в этой больнице. Филипп преследовал меня, как когда-то его преследовал снег.

На другой год в летние каникулы я поехал домой проведать маму. Деревенька, где она жила, находилась в трёх шагах от больницы. Только я зашёл на больничную территорию, как тут же встретил главврачиху. Она пополнела, но, увы, замуж так и не вышла.

— Ой, милый доктор... Ты, как прежде, всё так же смешон... — улыбнулась она и, жадно схватив меня за руку, повела в свой кабинет. Он был отделан по последнему слову техники: огромная люстра висела, блестя разноцветными огнями, в углу стоял огромный цветной телевизор, был даже камин, была даже и картина, где красноватый великий физиолог Павлов сжимал перед собой руки.

— Я, может быть, некстати...

— Всё кстати, — сказала она. — Ну и противный же ты. Ладно, я больше не буду с тобой церемониться... Ведь ты уже почти доктор.

Когда мы выпили по чашке кофе, она вдруг, волнуясь, сказала:

— А у нас новости. Никите Никитычу пять лет дали за взятку, да плюс пять лет без права работы врачом. Мы все его защищали, но тут, как назло, одно к одному, ну, ты понимаешь...

Я вздрогнул. Мне жаль было доктора, который учил меня психиатрии и который, как никто, доверял мне больных. Но в этот же самый момент я воочию увидел Филиппа. Он стоял передо мной белый-белый. И если раньше его взгляд пленил меня, то теперь он был пронзительно горек. Подойдя ко мне поближе, он вдруг без всякой иронии, очень тихо, но так, чтобы слышал только я, сказал: «Этот снег и вас может свести с ума!» И исчез.

Что это, рок?.. Был врач Никита Никитыч, старался выдвинуться в люди, писал диссертацию, а теперь его уже нет, как нет и Филиппа.

Камин в кабинете главврачихи не горел, он был картинкой-игрушкой, видно, сделанной каким-нибудь больным художником по её просьбе.

— Ну, как, люди переживают о докторе? — спросил я.

— Да нет, почти все уже и забыли... — И улыбнулась. — Каждый ведь живёт своим.

ДВА РАССКАЗА

ЛЕДОХОД

1

Первый муж тётки Нади погиб на войне. Дочка умерла. Деревню разорили во времена укрупнения: хотели целиком переселить в соседнюю Вахту, но никто не согласился, и все разъехались кто куда. Тётя Надя вопреки всему осталась. Второго мужа на её глазах убило молнией в лодке по дороге с покоса.

В деревню, разрушенную, заросшую лопухами и крапивой, стала летом приезжать зоологическая экспедиция. Поселился постоянный сотрудник с семьёй, тётя Надя уже зимовала не одна.

Всё большое и опасное у этой маленькой безбровой старушки с птичьим лицом называлось «оказией». Плотоматка (буксир с плотом) прошла близко — «самолов бы не зацепила. Сто ты — такая оказия!», «Шуки в сеть залезли — такие оказии! А сетка тонкая, как лебезиночка — всю изнахратили». Рыбачила она всю жизнь, девчонкой, когда отец болел, военными зимами, не жалея рук, в бабьей бригаде, и сейчас, хотя уже «самолов не ложила», а ставила только сеть под каргой,

ПРОЗА

которую каждое утро проверяла на гребях... Туда пробиралась не спеша, вдоль самого берега, а вниз летела по течению на размеренных махах. О рыбалке у неё были свои особые представления. Кто-то спросил её, как правильно вывесить груза для плавной сети, на что она ответила: «Делай полегче, а потом в верёвку песочек набьётся — и в аккурат будет». В рыбаках тётя Надя ценила хваткость и смелость, умела радоваться за других и не любила ленивых, вялых и трусливых людей («Колька моводец. Алёнька нукудысный, не сиверный»).

Зимой тётя Надя настораживала отцовский путик и ходила в тайгу проверять капканы с рюкзаком и ружьём, с посохом в руках, на маленьких камусных лыжах, в игрушечных, почти круглых, бродешках, в тёплых штанах, фуфайке и огромных рукавицах.

С приезжими у тёти Нади установились свои отношения. Студентки посещали «колоритную» старушку, угощавшую их «вареньями и оладьями», дивились её жизнерадостности, писали под диктовку письма сестре Прасковье в Ялutorовск, а зимой слали посылки и открытки. Тётю Надю это очень трогало, она отвечала: «Сизу пису одна, как палец», и посылала кедровые орешки в мешочке, копчёную стерлядку или баночку варенья. Девушки обращались к ней за советами в щекотливых делах. Тётя Надя учила: «Своим умом зыви. Музык — он улична собака».

Студенты мужского пола с удовольствием пили у неё бражку, закусывали жареной рыбкой, что было неплохо после дежурных макарон с тушенкой, и за глаза посмеивались над «бабкой», которая не выговаривает букву «ш» и по праздникам подводит брови углём.

У тёти Нади было много знакомых, но постоянно её посещали «сродный брат» Митрофан Акимыч и Петя Петров. Митрофан — крепкий и статный старик с плаксивым голосом, всегда ездивший на новом моторе. Завидев подрулившего гостя, тётя Надя выбегала из дома и кричала ему с угора, а он кричал ей снизу, и так они перекликались, пока он не подымался, потом обнимались и шли в избу. Выпив, Митрофан становился невозможно суетливым, бегал, кричал, здоровался со всеми подряд двумя руками, спрашивал, как здоровье и ребятишки, кричал, указывая на бабуку: «А это сестра моя, под обхватной кедрой родилась...», всплакивал, тут же, махнув рукой, смеялся, а когда уезжал, просил кого-нибудь завести ему мотор. Когда это делали, он влезал в лодку, хватал румпель, включал реверс и уносился на страшной скорости, размашисто крутанув указательным пальцем у лица и, приложив его к губам: мол, погуляли, и молчок.

Петя Петров был отличным, но насквозь запойным мужиком. С Севера он привёз жену-селькупку. Они работали на почте на пару и пили тоже на пару, по поводу чего в Вахте острили: «Вот красота-то! Все пьют — все довольны. Чем не счастье?!» Петя любил общение, говорил с жаром, рассказывая истории, которые, по-видимому, сам и сочинял. Любимое выражение у него было «море» — «Рыбы там, веришь ли, мор-р-рэ». Раз мы приехали к тётё Наде с Петей. Петя вскоре набрался, мы стали его грузить в лодку под его же руководством, но не удержали. Он соскользнул вниз головой в воду у берега, уткнулся лысиной в гальку, и хоть его тут же подняли, мне на всю жизнь запомнились глядящие сквозь прозрачную енисейскую водицу серые глаза и медленно шевелящиеся пряди редких волос.

Изредка к тётё Наде приезжала погостить баба Таня, древняя сумароковская националка. Из вещей у неё была только длинная удочка и банка с червями. Говорила она хриплым голосом и всё время проводила под угором, таская ельчиков, которыми тётя Надя кормила кошек. Кроме кошек тётя Надя ещё держала петуха с двумя курицами, собак и лошадь Белку.

В Селиванихе от прежних построек остались только заросшие крапивой ямы да гнилые оклады, но тётя Надя прямо называла всё прежними именами: интернат, звероферма, будановский дом, магазин, пекарня...

Тётя Надя любила угощать. Проходишь мимо её дома, она выскочит на крыльцо с блюдцем и кричит:

«Миса-а-а! Постой-ка, я тебя блинками угощу!» К праздникам она относилась серьёзно, за несколько дней готовилась, стряпала, прибиралась в избе, приводила себя в порядок. Когда приходили гости, высказывала на крыльцо в чёрной юбке, красной кофте, в крупных бусах и цветастом платке и выкрикивала специальным высоким голосом: «Милости просим, дорогие гости, всё готово!» Усаживала за стол, угощала, следила, чтоб у всех было налито, носилась с закусками, подавала кому полотенце, кому воду, и никогда не ставила себе стула, возмущаясь: «Удди! Я хозяйка». Потом, когда, по её плану, было пора, вдруг запевала частушки, вроде:

*Поп с печки упал
Со всего размаху,
Зубы выбил, хрен сломал,
Разорвал рубаху!*

Потом доходила очередь до песен, их она знала «морэ».

Тёти Надин дом приходил в негодность, разваливался, садился, напоминая тонущий корабль, и жить в нём станови-

---

лось опасно. После долгих разговоров начальник предложил срубить новый дом за счёт экспедиции с условием, что он перейдёт в собственность станции, а тётя Надя просто будет жить в нём до конца своих дней. Тётя Надя долго думала, решала, сомневалась, а потом согласилась, потому что деваться ей было некуда. Дом строил бич Боря. Тётя Надя заботилась об одном: чтобы всё в новом доме было, как в старом. Чтоб перегородка на том же месте, и чтоб русская печка такая же. Когда всё было почти готово, она выбежала с банкой синей краски и покрасила наличники, а потом нарисовала на них белые цветочки с листьями: «Гля-ка, как я окошки украсила». Потом она расставила в прежнем порядке мебель: буфет, кровать, стол, стулья, постелила половики, повесила на стены всё то, что висело на стенах прежнего дома: ковёр с оленями, календари, плакаты, фотографии, растопыренный глухариный хвост, шкуру летяги, ленточки, колокольчики, чьи-то подарки в пакетах, и когда я приехал проведать тётю Надю, было полное ощущение, что это её старый дом — так сумела она перенести сюда всю прежнюю обстановку. Так же глядел с фотографии убитый молнией Мартимьян Палыч, так же пахло от плиты горелым рыбьим жиром, и так же свисал с полки кошачий хвост.

Хорошо было заезжать к тёте Наде после охоты. Промчишься, развернёшься, заглушишь «Буран» у крыльца, а она уже кричит из избы: «Заходи, заходи, дома я». И даже если она совсем тебя и не ждала, она всё равно защебечет: «А я как чувствовала! Как чувствовала. А Петенька-то, Петенька, с утра ревёт лихоматом! А коски-то, коски с ума сосли! Снимай, снимай, снимай, сто ты-ты — мороз такой! На печку ложи. А у меня как аз хлеб свежий. Ну, садись, рассказывай, как там жизнь у вас, как промыслили? Ну, и слава богу, слава богу. А я тозе поохотилась. Гля каку крысу в капкан добыла — цельный ондатр. Красота! Сейчас осниму, а летом туристам — возьмут, милые. О-о-х, и смех, и грех... А у меня день роздения скоро, Юра посулился быть. Приезжайте с Толиком. В тайгу? А-а-а... Ну сто делать, надо, надо...»

Юра работал бакенщиком. В навигацию, проверяя бакона и створы, он часто заезжал к тёте Наде и, косясь на стол, рассказывал, как в Вахте «рыбнадзоры припутали Ванюшку Деревянного» или как медведь опять разобрал створы у Соснового ручья, а она восклицала: «Ты сказы! От падина!» и наливала ему крепкой, покрашенной жжёным сахаром, браги.

Настал день рождения, тёте Наде исполнилось семьдесят пять лет. Она встала ни свет, ни заря, затопила печки, бросилась подметать, готовить стол, сбегала пригласить заведую-

---

шего Колю с женой, вернулась, снова принялась хлопотать, гадая, приедет Юра один или с дочкой, и прислушивалась ко всем звукам, доносящимся с улицы. Собаки залают, самолёт пролетит — она выбежит на крыльцо с биноклем, глядит на Енисей: что там за точка, не Юра ли едет, нет — торосинка это или куст, кажется. Ладно, к обеду-то точно должен быть. Проходит день, настаёт вечер. Нет Юры. На столе тарелочки с закусками: брусника, грибки, солёная черемша, печёная налимья икра, копчёная селедка, блины, свежий хлеб, компот в банке. Приходят Коля с женой, приносят подарок:

— Что, нет Юры?

— Зду, зду. Все глаза проглядела. Во сне видала — долзон приехать. Петенька-то с утра, сто ты! Токо гром делат! А коски-то, коски! Ну, проходите, проходите!

Уже темно и ясно, что Юры не будет, тётя Надя говорит:

— Ну, значит, дела, дела у него. Я давеча карты разлозьла — казённый дом выходит. Или «Буран» сломался. Теперь уж с утра здать будем.

Так три дня тётя Надя и держала накрытый стол, выбегала на угор с биноклем, и так и не доехал до неё Юра, гулявший у соседа.

2

На угоре, напротив тётя Надиного дома стоял кожаный диванчик с катера, у крыльца лежал коврик из распоротой бурановской гусеницы. Летом тётя Надя ставила рядом с диванчиком железную печку для готовки.

Душными июльскими днями с синей мглой над ровным Енисеем бабка в штанах, чтобы не ел комар, всё что-то варила на печке, а у дымокура подёргивала шкурой и обмахивалась хвостом серая кобыла. («Ты сказы — Белку совсем задрали»).

Белку тётя Надя любила особой любовью. Это была старая, но ещё здоровая лошадь, оставшаяся без работы, когда в Селиванихе появился «Буран». Тётя Надя упрямо продолжала ставить сено, любые разговоры о том, чтобы продать Белку, воспринимала как оскорбление и очень оживилась, когда сломался «Буран» и пришлось запрягать Белку, чтобы привезти из Вахты продукты к Новому году. Как-то раз летом Белка потерялась, и тётя Надя плакала:

— Манила её, манила. Нету-ка нигде. Наверно, медведь задрал.

Белка нашлась. Шли годы. Тётя Надя старела. Всё трудней становилось ходить за Белкой, ставить сено. «Всё-таки придется Белку в Вахту сдать, — привыкала бабка к этой

мысли, — там она хоть работать будет, а то у меня-то совсем застоялась». Наконец тётя Надя решилась. За Белкой приехали с вечера на деревянной лодке с загородкой из жердей, а ранним утром её погрузили и повезли в Вахту. Я встретил их по пути на рыбалку и несколько раз оглядывался. Подымался туман, расплывались и ломались очертания берегов, лодки видно не было, и казалось, что над Енисеем висит в воздухе конь.

Как-то раз сдавали мы рыбу на звероферму. Спускали в ледник тяжёлые мокрые мешки. В леднике было темно и холодно, хлюпала под ногами вода. Вдруг моя нога наткнулась на что-то большое и скользкое. Это была Белкина голова. Тёте Наде я ничего не сказал, и она до сих пор думает, что её Белка возит воду.

3

Есть такой обычай: когда тронется Енисей, зачерпнуть из него воды. Ледохода все ждут, как праздника. Тётя Надя внимательно следит за каждым шагом весны. То «плисочка прилетела», то «гуси за островом гогочут, и сердце заходится»... «Анисей-то, гля-ка, подняло совсем, однако, завтра к обеду уйдёт». Но медленно дело делается. Прибывает вода, растут забереги, трещины пересекают лёд, и всё никак не сдвинется он с места. Но наконец в один прекрасный день раздаётся громкий, как выстрел, хлопок, проносится табунок уток — и вот пополз огромный Енисей с опостылевшим потемневшим льдом, с вытаявшими дорогами, с тычком у проруби, появляется длинная трещина с блестящей водой, с грохотом и хрустом лезет лёд на берега, и вот уже тётя Надя, что-то звонко выкрикивая и крестясь, бежит с ведёрком под угор, кланяется батюшке-Енисею в пояс. Дожила...

ОСЕНЬ

1

Ничто так не изматывает, как сборы на охоту. Казалось бы, всё уже приготовлено, собрано, увязано, громоздятся в сенях мешки и ящики, и вдруг выясняется, что нет какой-нибудь пробочки от бензобака, и тогда начинается:

- Тут-тук.
- Да-да!
- Здравствуй, Галь.
- Здравствуй, Миш.
- Как дела?
- Помаленьку.

— Мужик где?
— В мастерской.
— Тук-тук.
— Да-да!
— Здорово, Петрух.
— Здорово.
— Как дела?
— Помаленьку.
— Так-так.
— А что хотел?
— Да вот, в тайгу собираюсь — крышечку ищу.
— От бачка?
— От бачка.
— Была у меня крышечка, да Вовке отдал — он в тайгу собирается.

Проходишь по раскисшей от дождей деревне полдня, так и не найдя крышечку, устанешь, как пёс, а по дороге к дому встретишь какого-нибудь Генку-пилорамщика с трёхлитровой банкой, который скажет тебе, положив беспалую ладонь на плечо:

— Плюнь ты, Миха, на эту крышку. Дёрни-ка лучше браженции.

Дёрнешь браженции, и сразу оживёт и зашевелится плоский серый Енисей с торопливой самоходкой, солнце поведёт золотым лучом из-под тучи, осветив высокий яр с пожелтевшей тайгой. И сама собой придёт в голову мысль: «Возьму-ка я лучше бутылочку да зайду к Толяну».

— Молодец, что зашёл, — обрадуется Толян, — а то эти сборы уже в печёнках сидят. Обожди — рыбы принесу.

Посидишь с Толяном, закусишь малосольной селёдкой, поговоришь о том о сём, о делах, которые, как ни старайся, — все на последний день останутся, глянь — давно уж темно и домой пора.

— Не забудь, — скажет Толян, поднимаясь, — фуфайку. В прошлый раз оставил.

— Вот голова дырявая. Столько дней в старой хожу. Спокойной ночи, — возьмёшь фуфайку под мышку и выйдешь в темноту. Утром, готовясь к продолжению вчерашних поисков, без аппетита попьёшь чаю, наденешь сапоги, накинешь пропавшую фуфайку и выйдешь из дому, раздумывая, к кому бы направиться. А рука нащупает в кармане круглый железный предмет — крышечку от бачка.

2

В ту пору весь год у меня проходил в заботах — то лес несёт — грех не поймать, то надо избушку срубить, то мужикам с се-

---

ном помочь, и я всегда с надеждой ждал осени, чтобы добраться до книг. Из города мне прислали их целую кучу, часть я отобрал в тайгу и уложил в большой, с железными уголками ящик. Были там книги по философии, по истории, чужой, взятый под честное слово Бердяев, Марсель Пруст, Хлебников, Леонид Андреев и многое другое, в частности, прекрасно изданный сборник стихов Бухалова с автографом. В том же ящике лежало ещё кое-что из ценных, более прозаических вещей: пульки для «тозовки», батарейки, приёмник.

— Что ни говори — собрание своеобразное, — посмеивался я, гадая, вытерпит ли, к примеру, глянцеви́тый Набоков соседство запасных портянок, и с нетерпением представлял, как в какой-нибудь дождливый день с раскисшим снегом и неприятно тёплым ветром залягу на нары и нащупаю на отяжелевшей полке корешок, как потяну его, и при этом соскользнёт и свалится на меня соседняя книга, потом ещё одна или две, и как я, не спеша, выберу какую-нибудь одну, небольшую, в крепком переплёте, и открою первую страницу.

Осень шла хорошо. После дождей, на руку нам поднявших воду в Вахте, установилась ясная погода с задумчивым и студёным северным ветерком, с ночной коркой на лужах и застывшей грязью в ледяных стрелках. Утро отъезда выдалось холодным и таким туманным, что едва видны были камни на берегу. Долго подходила, тарактя, невидимая самоходка, наконец, гуднула и отдала якорь, громыхнув цепью.

Прибежал Толян — сказал, когда ждать трактор. Лицо его было озабоченным — в последние дни всё наладилось. То пошёл дождь, едва начали смолить лодку, то выключили свет, когда собрались подварить отвалившийся ус к ограждению для мотора.

Пришёл трактор с санями, мы погрузили на них мешки, ящики, бочки и в последний раз прокатились по дороге. При выезде из очередной ямки, по края заполненной булькающей жижей, чуть не упала бочка с бензином, которую Толян удержал, вскрикнув: «Куда? Постой!»

И вот на берегу уже чистого от тумана Енисея стоят возле горы груза несколько человек, скулят привязанные собаки, а на воде чуть покачиваются две длинные, остроносые, чёрные, как головешки, деревянные лодки. Вот и всё. А дальше — лиловый дымок за мотором, длинная коса и поворот. А за поворотом минеральная синь вахтинской воды, рябь бегущей гальки под бортом, и внезапно остановившийся Толян. Подъезжаешь к нему тихо и осторожно, чтобы не утопить сидящую по самые борта лодку, так тихо, что слышен отдельный стукоток каждого поршня, вопросительно киваешь, а он кричит:

— Да заглуши ты его, — и достаёт из рюкзака бутылку спирта. И появляется кружка, стерлядка в газете, и тепло из желудка расходится по всему телу, перерастая в ощущение ровной и долгожданной свободы. Вот дрогнули в глазах и окрепли с новой силой и прелестью кастрюлька с инструментами, коренастая фигура напарника, рыжая лиственница на берегу, и уже получили собаки по шершавой стерляжьей шкурке, и далеко по синей воде угоняет ветер кораблик скомканной газеты.

Ехать долго. Заночуешь где-нибудь у Ганькина порога. Утром встанешь, выйдешь из избушки: падает лист с березки, свистит рябчик. С угора, как на ладони, виден порог в чёрных точках камней. Река большая, вид у неё пустынный из-за широких паберег, покрытых жухлой заиндевелой травой.

С каждым поворотом сильнее уклон. Дно почти везде — вода очень прозрачная. В зависимости от глубины, она имеет разный цвет. По широком мелким перекатам она течёт крученой дымчатой плёнкой, под порогами бродит по кругу чёрным стеклом. Поверхность глубокого плёса даже в пасмурный день зеркальная, но, свесившись за борт, сквозь зыбкий иллюминатор своего отражения увидишь в зелёной мгле плитку с трещиной и яркий обломок берёзы. Помню, поставили мы сеть в одиннадцатиметровой яме, в тени одного скалистого закутка, и, подъехав проверить, были поражены зрелищем: далеко внизу, чудно искажённый зеленоватой водой, под круглыми, как монеты, берестяными поплавками ли, висел десяток в гамачном оцепенении замерзших щучар. Погода нас продолжала баловать. По утрам вылетали глухари и, подвижно выгнув шеи, следили за приближающимися лодками. Встречались стаи уже торопящихся на юг уток: крохалей и гоголей. Образовавшийся за семь сезонов охоты, Толян называл глухарей петрашевцами, а гоголей «Николаями Васильевичами».

Был хороший момент: Толян, пройдя или, как говорится, «подняв» шиверы (очень бурливое, хоть и глубокое место с сильным течением), лихо сшиб налетевшего «Николая Васильевича», а я, идя сзади, так же лихо поймал его почти в сливе, едва не зацепив мотором мрачный камень с развевающейся зелёной бородой.

Надо заметить, что катание по порогам перестаёт быть захватывающим занятием, как только в лодке вместо чьей-нибудь любознательной племянницы оказывается тонна вашего собственного груза, который желательно довести до участка и не вывалить в какой-нибудь верхний слив Косого порога.

Подъезжая к порогу, издали видишь, что там происходит. Кажется, будто отчаянно машут впереди чем-то белым. Пристав из-за груды мешков, глядишь на приближающуюся ослепительную кашу и сбавляешь обороты. Лодка переваливается через волны, ходят борта, как живые. Вот налегаешь на румпель, сопротивляясь большому водовороту, вот огибаешь грозный хвост слива с высокими стоячими волнами и зависаешь под защитой треугольного камня в голубой газированной воде. Вот врезаешься в струю и медленно ползёшь по ней, пока, наконец, не оказываешься со всех сторон окружённым озверевшей водой, вот мотор громко взрывается, хватив воздуха, лодку начинает сносить назад, но ты сбрасываешь газ и, вцепив винт в воду, снова, озираясь, двигаешься вверх, вот морщишься от резкого удара — откидывается мотор, и пока он, огрызаясь, ползёт по камню, начинает заваливаться нос, но всё обходится, и ты, надав газу, успеваешь выровнять лодку, а впереди уже видны две горбатые глыбы, клин упругой воды между ними и масляная гладь плёса.

По плёсу во всю ширь медленно плывёт рыжая лиственничная хвоя. Плавно спускаются к каменистым берегам пёстрые осенние склоны, и вот место, где когда-то передо мной предстала картина, которая и в старости будет волновать меня до озноба: в синеватом воздухе мыс с нависшей елью и далёкая нежно-жёлтая сопка.

Уже нос лодки поравнялся с верхними глыбами, как вдруг из общего рёва выпал звук работающего мотора и стало тихо, хоть порог и грохотал во всю мощь.

Лихорадочно дёргая шнур, я успел заметить и запомнить, как лодка, теряя скорость, на долю мгновения застыла на месте и какдохнуло от этой заминки потусторонним холодком. В тот же миг меня понесло обратно, кажется, я успел только поднять мотор, и развернувшуюся лодку со всего маху шархануло середкой о камень. Помню, как она валится набок, как летят за борт веером инструменты вместе с кастрюлькой, как выпрыгивает бочка с бензином, бачок, мешки, и вот уже лодка, колыхаясь, сидит на камне с остатками груза и полная воды, а я вишу снаружи на борту и одной рукой отчерпываю воду уцелевшим ведром. Помню, как, упершись ногами в камень, помогаю ей сняться, как запрыгиваю, как всё отчерпываю её с этим новым и блестящим ведром и как выносит меня из порога навстречу Толян. Толян одной рукой держит румпель, другой пытается остановить пляшущую у его борта бочку, а сам кричит:

— Всё поймал, только сундук утонул!

Мне повезло. О более высокий камень лодку сломало бы пополам, а так она просто скинула лишнее и с моей помощью сошла на воду. Тогда я об этом не думал. Хотя уцелело всё — и оружие, и пила, и лыжи, и остальные ящики, а из хлеба получились отличные сухари, сладкие от пропитавшего их сахара, потеря сундука с книгами была для меня настоящим горем. Лучше бы какой-нибудь рис утонул, думал я, — и отчётливо видел не занятый обработкой пушнины вечер после неудачной охоты, когда все дела переделаны, сторожки для кулемок заготовлены на несколько лет вперёд, всё надоело и хочется только одного — живого человеческого слова. Кроме потери книг удручал ещё и сам позор приключившегося: вроде бы столько лет хожу по Вахте — и вдруг такая промашка. И хотя с виду я был не виноват (сам заглох, дармоед железный), совесть моя была не чиста; слышал же я пятьюдесятью километрами ниже короткий перебой с горючим, но подкачал грушей и успокоился, вместо того, чтобы потратить пять минут и вытащить из насоса плитку рыжей краски от бачка, доставившую столько хлопот ни в чём не повинному Толяну и отравившую мне всю осень.

Пережив такое начало охоты, я в ожидании следующих бед по семь раз всё отмерял, без конца стучал по деревянному и сыпал соль через левое плечо. Толян дал мне приёмник, батареек и ещё кое-что взамен утонувшего вместе с книгами. Предложив даже взять журналов, но я отказался: не судьба — так не судьба. Мы расстались на берегу у его последней избушки хмурым утром, когда повеяло не сильным, но каким-то сплошным и нешуточным холодом. Пожелали друг другу удачи и пожали руки. Многое вкладывается в такое рукопожатие. Пока я отпихивался, заводил мотор, Толян стоял на берегу, а когда заработал винт, махнул рукой и пошёл в гору.

Шивера в устье Тынепа выглядела, как серебристая грочущая дорога с синим хребтом над колючим хвойным берегом. Я поднял её без приключений. Весь путь томили меня недобрые предчувствия: вдруг медведь разорил лабаз, избушка сгорела или экспедишник топор уволок. Добрался под вечер, ткнулся в красный плитняк берега, привязал лодку за камень и поднялся к избушке. Собаки вели себя спокойно. Дверь была открыта и подпёрта лопатой, как я и оставил её весной. Топор лежал под крышей рядом с тазом. Я зашёл внутрь. Всё было на месте: лампа, связка стёкол под потолком, чайник с трубкой бересты на ручке, ложка, блесна на гвоздике. Я заглянул на полку: коробка с лекарствами, пульт

ки в пачках. Рядом с пультками лежал Пушкин: стихи, сказки, пьесы и «Повести Белкина», всё в одном старом, без обложки, томе — как я забыл о нём!

Наутро я взял чайник и пошёл по бруснику. Накрапывал дождь. Из-под тучи тянуло холодком. Я брёл по-над Тынепом краем леса. Вниз к воде уходил крутой яр из красного сыпучего камня. В ясную погоду отсюда видна гора с косой вершиной. Я собирал в закопчённый чайник тёмную бруснику и вспоминал, как впервые сюда приехал и как обживал эту тайгу, как строил первую избушку и какое древнее и сильное чувство испытывал, глядя на обрастающий стенами квадрат сырого мха.

Кобель поднял с брусничника глухаря, усевшегося на лиственницу. Я добыл его, повесил на берёзку, вставив головой в развилку, а когда возвращался обратно, всё его плотное перепельное перо было в серебряных каплях.

В далёком детстве мы гостили с бабушкой в Кинешме у тётки, и я хорошо помню, как ранним утром на набережной над Волгой нёс мужик на руках, словно спящего ребёнка, огромного убитого глухаря... Прадед жил в Шуе и держал псовую охоту, бабушка много рассказывала о его собаках, о кожаных бредовых сапогах, о тетеревах с красными от ягоды клювами и заволжских брусничниках. Из всего этого ещё давным-давно и помимо моей воли возникли и остались со мною на всю жизнь окутанный дремучей тайной природы образ России и восхищение людьми, прикоснувшимися к этой тайне.

Помню, ещё в первый год охоты не покидало меня ощущение, что я чему-то служу, хоть сам и не знаю чему. Шагая по Вахте на лыжах, обвешанный снаряжением, с топориком за поясом, с лопатой в руке, я представлял себя рыцарем. В мороз на бровях, усах и бороде нарастал куржак и закрывал лицо, как забрало. Когда я спускался из избушки по воду, длинная пешня с плоским лезвием представлялась мне копьём, а заросшая льдом прорубь — веком огромного богатыря, которого я, подобно Руслану, будил уколами копья до тех пор, пока не открывалось тёмное подрагивающее око, живой хрусталик которого я уносил с кусочком льда в обмёрзшем ведре...

Возвращаясь, я гадал, что бы подумал Пушкин, глядя из-за деревьев на мутный просвет Тынепа, на блестящую от дождя крышу избушки, на чайник брусники в моей руке. Мне хотелось сказать ему, чтобы он не волновался, что я буду, как могу, служить России, что если и не придумаю о ней ничего нового, то хотя бы постараюсь защитить то старое, что всегда со мной и без чего жизнь не имеет смысла.

Дождь стихал.

— Разъяснивает, — говорил я сам с собой, таская верёвочной петлёй дрова из поленницы, — завтра утренняя будет, поеду на Майгушашу, не забыть капканы — в ручье висят.

Запалив костёр и присев возле него на ящик, я позвал Алтуса. Он вильнул хвостом, подбежал рысцой и бухнулся рядом. Я положил ладонь ему на голову:

— Ну что, Серый, отпустишь меня когда-нибудь о Енисее книжку написать?

А, может быть, природа — это самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми? Может быть, нам не хватает душевной щедрости на любовь к ней, и потому она часто видится нам равнодушной или враждебной? Она кажется нам наивной и бессмысленной, потому что, быть может, мы сами ищем смысла вовсе не там, где надо: всё стараемся чем-то от кого-то отличиться и всё сердимся, что никак не выходит. Может, потому и презираем её: мол, как можно так повторяться из года в год, что сами стыдимся в себе вечного и гонимся за преходящим? Может, потому пугаемся, глядя, как она столько раз умирает, что к своей смерти относимся неправильно? И обижаемся на неё зря — тогда, когда забываем о главном: что она любит труд, терпенье и не переносит жадности с верхоглядством. Что она, как дикая яблонька из сказки «Гуси-лебеди», говорит торопливому человеку:

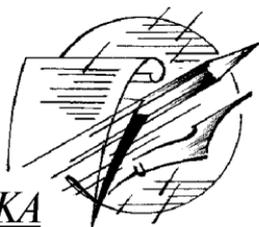
— Хочешь получить от меня подарок — съешь сначала моего кислого яблочка...

Вот попробовал ты её кислого яблочка — и словно чудо произошло: уже не страшно, что иголки плывут, а тебя больше нет — плывите, мои золотые, плывите да напоминайте нашим детям: кто служит вечной красоте, не стыдится повторений.

ПО ЗАКОНАМ РОССИИ ИЛИ ПО «ЗАКОНАМ ГОР»?

О том, что засилье этнического криминала беспокоит жителей не только Москвы и Петербурга, но и жителей многих небольших русских городов, говорят и пишут уже не первый год. В ответ мы слышали привычные заклинания правозащитников: «У преступности нет национальности» и упреки журналистам, которые «разжигают межнациональную рознь». Несколько раз представители в Госдуме «маленьких, но гордых народов» предпринимали попытки провести закон, запрещающий в СМИ упоминать национальность преступников, чтобы не разжигать эту рознь и крепить дружбу народов. Но сводки МВД упрямо говорили о том, что число преступлений, совершенных мигрантами и выходцами с Северного Кавказа, неуклонно растет. Несмотря на это, власть предпочитала не замечать то, что творят этнические преступные группировки в русских городах и поселках. Русские терпят — ну и ладно. Авось само рассосется.

Но сегодня невозможно закрывать глаза на то, что этническая преступность становится одной из самых серьезных угроз национальной безопасности страны. Нападение толпы дагестан-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ских торговцев на Матвеевском рынке на оперативника, избившие кавказскими бандитами депутата Госдумы в центре Москвы, попытки сопротивления азиатских торговцев ОМОНу — всё это говорит, что ситуация с этнической преступностью приобретает другое качественное измерение. Количество неуклонно переходит в новое качество. Этническая преступность хозяйничает уже не только на рынках.

«Гости столицы» обещают Москве беспредел

Вот как кавказцы поддержали в суде земляков, избивших байкера на Третьем транспортном кольце. Видеоролик помещен на сайте «Комсомольской правды».

— Этим байкерам все можно, да? — плачет у своего земляка на плече женщина в платке. — Из-за того, что они живут у себя, им все можно, да? Тогда я лично буду гонять русских, всех, кого смогу!

— Мы триста лет воевали, нефть свою не отдали, вот нас и не любят просто, — поясняет женщине земляк. — А вы успокойтесь и не плачьте.

Мужчина помогает женщине присесть на лавочку.

— Нас не должны судить! — кипятится в это время в клетке один из задержанных. — Это байкера должны судить. Он слева подошел и приставил нож к моему горлу.

— Он хотел воткнуть тот нож ему в горло, — снова вступает в разговор женщина в платке. — Он хотел разъярить людей. Нация, не нация, зачем войну делать? Может, это вам выгодно?

Потом операторы выходят на улицу. Завидев камеру, к ним подходит группа молодых кавказцев со словами: «Сейчас мы интервью дадим!» И дали, употребляя характерное матерное междометие.

Смысл интервью заключался в том, что невинных кавказцев судят, а преступника-байкера отпустили. Заканчивают интервью горячие горцы также своеобразно.

Мужчина начинает махать на оператора руками:

— Вы хотите беспредела? Вы получите его! — угрожает молодой человек. — Если хотите мир, мы будем мирно. Зачем вы беспредельничаете сами, закрываете на ровном месте пацанов наших на два месяца? Зачем? Чтобы еще у нас злость к вам была побольше, да? — напирает мужчина.

И уходит, бросив в камеру «Аллах акбар» и подняв вверх руку в характерном жесте.

В своем комментарии «КП» Азамат Минцаев, заместитель председателя всероссийского межнационального союза мо-

---

лодежи Москвы замечает: «Материться нельзя было ни в коем случае, даже если наболело! Я смотрел этот ролик вчера в Дагестане в компании молодых дагестанцев. Конечно, нам не понравилось, что ребята ругаются матом. Они выступают публично, на камеру. Понятно, что видео будут смотреть их родственники, старшие, особенно женщины. Даже если ты прав, так ругаться недопустимо. Это очерняет ребят в глазах земляков».

По-видимому, больше ничего г-на Минцаева особенно не возмутило. Если бы его земляки, не матерясь, пообещали устроить в Москве беспредел, то это было бы нормально. То есть четверо нигде не работающих молодых уроженцев Чечни и Дагестана, которые, судя по всему, занимались автоподставами, вымогали деньги у двух девушек, которых подрезали на своих побитых «Жигулях». Тут же бейсбольными битами избили посмевшегося вступить за девушек байкера. Их истерика и беснование на месте преступления зафиксированы на видео прибывшими на помощь пострадавшему московскими байкерами. Как и то, что никакого ножа у избитого байкера не было. Но, оказывается, судить их по закону нельзя — «это беспредел», на который они ответят своим беспределом. «Буду гонять русских, где могу», «хотите мир — мы будем мирно. Хотите, чтобы злость к вам была больше?», «Вы хотите беспредела, вы его получите». Неужели эти угрозы не являются разжиганием межнациональной розни?

Но межнациональную рознь, по мнению таких «горных орлов», разжигал оперативник, который посмел приехать на Матвеевский рынок, чтобы задержать насильника. Оперативник, судя по всему, вторгся на территорию, где не действуют законы Российской Федерации, но живут по «закону гор». А потому сразу собралась толпа земляков насильника, разъяренная дагестанская женщина, защищая свои права, принялась молотить оперативника ногами и руками, а ее брат в это время исподтишка, сзади нанес удар либо кастетом, либо гирей, проломив лоб. Возможно, если бы он не нанес тяжелейшую травму полицейскому, всё бы замяли, и «герой» продолжал бы спокойно торговать арбузами.

Рынки — крестьянам

Не первый год пишут и говорят о том, что московские рынки контролируются этническими ОПГ и являются рассадниками криминала. Думаю, несложно выяснить, кто является подлинными хозяевами большинства московских рынков. В основном это представители определенных диаспор.

Экономический эффект — явно завышенные цены на московских рынках, которые диктуют выходцы из стран ближнего зарубежья. Полностью вытеснены с наших рынков русские крестьяне. Рязанской и тамбовской картошкой торгуют азербайджанцы, кавказцы или азиаты. Ни на Украине, ни в Белоруссии нет ничего подобного. Рынки в русских городах необходимо превратить в фермерские и вернуть крестьянам. Продавать свою продукцию должны только те, кто ее производит. Если убрать иноплеменных перекупщиков, эффект будет очень быстрым и ощутимым для населения и для самих крестьян.

Диаспоры, располагая почти неограниченными финансовыми средствами, имеют огромные возможности для подкупа чиновников и вытеснение русских конкурентов из многих сфер среднего и мелкого бизнеса. Захватывая новые сферы деятельности, особенно прибыльные, диаспоры все больше увеличивают свои финансовые возможности. Идет планомерное завоевание все новых территорий и вытеснение русских на обочину жизни. Русскую землю этнические ОПГ воспринимают, как свою законную добычу. Вспомним волнения местных жителей из-за хищнических вырубок леса на Дальнем Востоке «бизнесменами» из Азербайджана.

Террор и запугивание

Чтобы подавить волю местного населения к сопротивлению, этнический криминал применяет террор и запугивание. Даже в Москве нигде не работающие «гости столицы» открыто запугивают девушку, у которой вымогали деньги: «уром», «изнасилуем», «уезжай на полгода из Москвы». Попытались запугать и байкеров, вступившихся за девушек и избитого друга. Кстати, насильник, которого родственники на Матвеевском рынке пытались выдать за умственно неполноценного инвалида, не способного отвечать за свои действия, сообразил, как узнать номер мобильного телефона у 15-летней девочки. Запугивал свою жертву, объясняя, что «не убил только потому, что недалеко мечеть». По звонку на телефон изнасилованной девочки этого ублюдка и вычислили. В диаспорах отработана четкая система, когда «бригады быстрого реагирования» выезжают защищать своих земляков в случае конфликтов с правоохранительными органами. Этим и объясняется то, что преступники, убившие Егора Свиридова, были отпущены на свободу. Если бы не сплоченность футбольных болельщиков, это преступление замяли бы, как многие другие.

Журналист «КП» Дмитрий Стешин в своей статье сравнил поведение кавказцев в Москве с поведением викингов. На мой взгляд, подобное сравнение оскорбительно для суровых северных бойцов и мореплавателей. Викинги, действительно, промышляли разбоем и набегами. Викинги были жестокими, часто свирепыми и беспощадными, но отважными и доблестными воинами. Сравнить подлое нападение хищной стаей на одного — значит оскорблять скандинавских воинов. Стешину хотелось бы посоветовать читать норвежские и исландские саги. Убив врага, исландец всегда сам объявлял об убийстве. На тинге, где судили убийцу, никогда его родичи не кричали, что он не виновен, что никого не убивал, а убитый сам упал на секиру или меч. Тинг мог объявить убийцу вне закона или приговорить к изгнанию из страны. Да, несколько скандинавских воинов могли вместе напасть на одного, если это был известный своей неодолимой силой боец. Но никогда не считали это подвигом. Честным боем считался поединок равных бойцов. На Кавказе также издревле существовали рыцарственные воинские традиции и понятие о чести. Но сегодня криминальные группировки навязывают молодежи свои понятия и свой «кодекс чести».

Все убийства русских парней в последние годы можно условно разделить на два типичных вида преступлений. Первый. Кавказец, занимающийся борьбой или рукопашным боем, начинает отрабатывать борцовские приемы на заведомо слабом русском студенте-«ботанике». Заканчивается такой «поединок» смертельным исходом. Второй. Кавказец уступает в честном бою русскому парню, вмешиваются его друзья, и следует удар ножом, часто в спину. Некоторые блогеры писали после убийства в Пугачеве: «16-летний чеченец-подросток убил скальпелем десантника. Чему учат в ВДВ?» Хотя сразу было ясно, что Руслана Маржанова заманили и убили, навалившись хищной стаей. Следствие это подтвердило. Убивали Руслана несколько старших братьев подростка, который выманил парня в темное место. Если бы жители Пугачева не вышли на площадь, так и осталась бы у следствия версия о «бытовой ссоре из-за девушки». Как выяснилось, это было пятое убийство кавказцами русских парней в Пугачеве за последние три года.

Россия превращается в Косово?

Убийство Руслана Маржанова и множество подобных преступлений — методичный, сознательный террор в отношении местного населения. Задача — запугать, подавить

волю к сопротивлению жителей русских городов. Идет планомерное завоевание территории этническими ОПГ. Одна из задач для криминала — захват экономики, контроль над торговлей, всем прибыльным бизнесом. Не первый год по всей России представители этнических ОПГ на корню скупают местные органы власти и представителей МВД. Сходство с ситуацией в Косове — поразительное. Когда-то в городках и селах Косова и Метохии появлялись мирные албанские торговцы. Потом постепенно албанцы прибирали к рукам всю торговлю, а через некоторое время возглавляли местные органы власти и милиции. А затем начинались убийства сербов, тоже, естественно, «бытовые», изнасилования, грабежи.

Сплоченные диаспоры обладают неограниченными финансовыми средствами. Миграция, которую нам навязывает ФМС г-на Ромодановского, в последние годы напоминает планомерное замещение местного населения мигрантами. Идея превратить Россию в некий «плавильный котел» — преступление. Под этим лозунгом и призывами к толерантности русских на своей земле со временем должны «заместить» совершенно другие племена. Вспомним «черных ястребов», толпой напавших с ножами и травматикой в московском метро на двух русских парней. Почти все «ястребы» — азербайджанцы, почти все учились на юридических факультетах различных вузов. Достаточно посмотреть, что происходит в этих вузах — через некоторое время в прокуратуре и следственных комитетах могут появиться «черные ястребы», которые оказались умнее и не кричали «режь русских свиней», снимая свои подвиги на видео.

Все убийства русских упорно называют «бытовыми», даже если документально зафиксированы вопли «режь русских». Преступников отпускают, дела спускают на тормозах. Заставить власть действовать может только массовый протест — Манежная, Кондопога, Пугачев. Ясно, что это не только коррупция, но целенаправленная политика. Похоже, таким образом, как и бюджетными влияниями, Кавказ пытаются «задобрить».

Но можно ли таким способом сдерживать Кавказ? Нет. Это явная ошибка российских политиков. Кавказ уважает **только** силу, справедливую, но грозную и непреклонную. Политика, которую проводили в последние годы, воспринимается как слабость, вызывает на Кавказе презрение и провоцирует новые требования уступок. Склонные к криминалу «гости» привыкают к собственной безнаказанности. И, как мы видим, справедливое намерение применить закон воспринимается как «беспредел» правоохранительных органов.

Разумеется, нельзя стричь всех кавказцев, живущих в Москве и других городах, под одну гребенку. Встречал немало достойнейших представителей разных кавказских народов. Знаю чеченских офицеров, которые сражались с террористами и в первую и вторую кампании, дагестанцев, которые храбро бились с бандами Хаттаба и Басаева. Есть замечательные, достойнейшие представители науки, творческой интеллигенции, простые труженики. Но при экономической и политической системе, построенной в России еще в 90-е, на первые роли в диаспорах выдвинулись совершенно другие люди. Они и составляют могущественное лобби различных диаспор, которое обладает огромным влиянием во властных структурах и медийном сообществе. Этим влиянием и объясняется то, что взрывоопасную ситуацию российская власть много лет пытается не замечать, отделяясь призывами к пресловутой «толерантности» и борьбой с «ксенофобией» местного населения.

Русский порядок или русский бунт

Многие не сомневаются, что попустительство этническим преступным группировкам все эти годы было санкционировано сверху. Будут ли русские постоянно терпеть этот беспредел? Многие завоеватели ошибочно принимали русское терпение за трусливую покорность. Есть пример Сагры, где несколько крестьян разогнали многочисленную иноплеменную банду, отправившуюся усмирять уральское село. Есть еще несколько характерных примеров, не получивших широкого освещения в прессе, которые говорят о том, что когда русскому терпению приходит конец, этнические группировки быстро понимают, кто в доме хозяин.

Демократическая власть в России как огня боялась самоорганизации русских. Это естественно, так как от либеральных реформ больше всего пострадали именно русские. Народы, умело вписавшиеся в «рыночные отношения», получали от новой власти режим наибольшего благоприятствования. Естественно, те народы, кто сохранил клановую сплоченность и были приспособлены к торговле, получили значительное преимущество. Власть все эти годы старательно боролась с «русским шовинизмом», запугивала обывателей «русским фашизмом». Это и привело к невиданному беспределу этнических ОПГ на улицах русских городов и поселков. Вспомним, как чеченцы в казачьей станице стреляли в казаков из-за спин милиции, сдерживающей возмущенный народ. Но теперь казаки сами патрулируют улицы станицы вместе с милицией, не

доверяя представителям власти. Наверно, недалеко то время, когда граждане России решат, что защитить от этнической преступности свои города и поселки возможно только организовавшись в народные дружины и отряды самообороны. Вопрос только в том, легальные будут эти дружины или нет. Желательно, чтобы власти наладили взаимодействие с народом в наведении порядка. Межнациональные столкновения не нужны никому. Ни верховной власти, ни народу. Но словами кота Леопольда «ребята, давайте жить дружно» и заклинаниями «у преступности нет национальности», продажных чиновников и бандитов урезонить не удастся. Этнические преступные группировки ведут себя в русских городах, как на завоеванной территории. Чтобы навести порядок, российской власти на всех уровнях необходимо поддерживать самоорганизацию местного населения.

Действия полицейских на Матвеевском рынке и подобных защитников правопорядка по всей стране лучше всех охарактеризовал президент Владимир Путин: «Отрабатывали тридцать серебряников». Вопросы нашествия мигрантов и беспредел этнических банд — наиболее болезненные вопросы в современной России. И решать эти вопросы необходимо немедленно. Русские доказали всей своей историей, что традиционно дружно живут со всеми народами и не страдают ксенофобией. Русский порядок на русской земле позволял всем народам жить спокойно в едином государстве. Но сегодня русских пытаются заставить на своей земле жить по чужим законам. В России должен был наведен русский порядок, или стране грозит русский бунт.

Не случайно нацдемы так старательно раскручивают лозунг «Хватит кормить Кавказ». Отделение Кавказа от России давняя мечта наших «заклятых друзей». Русский бунт и межнациональные столкновения в России — один из вариантов раскачивания политической ситуации и смены власти в России. Устроить в случае кризиса масштабные провокации несложно. И потому все коррумпированные чиновники и силовики, которые попустительствуют сегодня этническим ОПГ, совершают не просто экономическое преступление. Их действия наносят прямой ущерб государственной безопасности и должны квалифицироваться как государственная измена.

«Сегодня Сирия, завтра Россия!»

Мы видели подобные многочисленные надписи на стенах домов в разрушенных кварталах Дамаска и Алеппо. Не сек-

---

рет, что в Сирии воюют боевики с Северного Кавказа. Рамзан Кадыров не случайно называет их «шайтанами». Десятки тысяч боевиков из арабских стран, которые сегодня свирепствуют в Сирии, готовы по приказу своих хозяев перенести войну на территорию России. После Сирии этих головорезов собираются перебросить в Среднюю Азию, в Поволжье, на Кавказ. Лет десять назад среди торговцев на московских рынках по характерным признакам легко можно было заметить ваххабитов. За эти годы убиты десятки священнослужителей, исповедующих традиционный ислам. Влияние ваххабитов среди российских мусульман растет.

Этническая преступность тесно связана с террористическим подпольем. Не только на Кавказе. В России среди «мирных гастарбайтеров» периодически ловят деятелей «Хизбуль-Тажрих» и пр. экстремистских исламских организаций. Сколько их на самом деле находится в наших городах? Какое количество исламской молодежи в Поволжье и на Северном Кавказе состоит в подпольных джамаатах? Сколько боевиков, воевавших в Сирии, могут сдержать свое обещание и появиться в русских городах в ближайшее время? Эти боевики проходили серьезную спецподготовку в диверсионных школах. Возможно ли в час «Х» в нескольких различных городах одновременно повторить Бесланы и «Норд-Осты», теракты на объектах жизнеобеспечения, взрывы домов? Вполне. Уровень контроля над мигрантами-гастарбайтерами можно увидеть на Курбан-байрам, когда тысячи мигрантов, со всего Подмосковья отправляются на Проспект Мира к мечети. Жертвоприношения баранов на улицах русских городов и десятки тысяч на праздники у мечети — демонстрация силы. Как и стреляющие свадьбы. Как и попытки застроить Москву и другие русские города мечетями. Задача — внушить обществу, что сегодня Россия не православная страна, где живет значительная мусульманская община, а якобы православно-исламская, которая, по их планам, по мере роста числа мигрантов постепенно превратится в исламско-православное государство. Не будем забывать, что для исламских экстремистов наша страна — территория джихада. Как они относятся к своим братьям мусульманам, мы видим по методичным убийствам мусульманских священнослужителей и духовных лидеров в Поволжье, на Северном Кавказе и в Сирии. В России столетиями мирно жили православные и мусульмане. Но сегодня, чтобы столкнуть православных и мусульман по косовскому сценарию, задействованы огромные ресурсы.

И власть, и общество должны четко осознать, что коррупция чиновников, криминальные этнические ОПГ — прямая угроза национальной безопасности России. Пришло время действовать. Заниматься сегодня проблемой этнической преступности и незаконной миграции должны особые структуры с особыми полномочиями. Президент не случайно заметил, что службы внутренней безопасности МВД свою задачу не выполняют. Не выполняют свою задачу и органы ФМС.

От этнической преступности исходит угроза национальной безопасности, которой способны противостоять структуры на уровне антитеррористических центров. Огромные возможности диаспор и уровень коррупции в центре и на местах требуют принятия чрезвычайных мер. Недостаточно «нулевой терпимости» к этнической преступности, нужны гораздо более жесткие меры. Любое убийство русского, которое пытаются списать на бытовое, сопротивление этнического криминала полиции, внедрение в силовые структуры необходимо рассматривать как терроризм. Цена попустительству слишком высока — судьба российской государственности и миллионы людских жизней. Даже коррупция на самом низком уровне способна привести к трагедии. Вспомним милиционеров, пропустивших террористок на борт самолета в Домодедово.

Представители диаспор, внешне выражая возмущение «невоспитанностью» части молодежи, на деле всеми силами выгораживают преступников-земляков. Работа с диаспорами должна быть поставлена на совершенно другой основе. За преступления «джигитов», спустившихся с гор, диаспора должна отвечать своим бизнесом. У власти есть все возможности, чтобы заставить диаспоры нести серьезные экономические потери, отвечая за поступки своих земляков. Чтобы это исполнялось, необходимо передать полномочия на подобные действия новой структуре. Способна ли нынешняя власть переломить ситуацию, или вновь экономические связи коррумпированных чиновников с этнической преступностью и заклинания чиновников о «многонациональном российском народе» одержат верх над здравым смыслом?

И в заключение — о русской вине перед народами Кавказа. Старшему брату не простили временную слабость. На Кавказе решили, что русские окончательно перестали быть хозяевами в своем доме. В 90-е годы разными чубайсами, кохами и гайдарами было построено общество, в котором главной целью ставилось обогащение любой ценой. В таком

обществе к власти от Москвы и до провинциальных русских городов на окраинах выдвигались те, кто мог за «тридцать серебряников» продать всё и всех. Иуды и предатели всегда ненавидят свой народ. Эти иуды и внулили ростовщикам-процентщикам и этническому криминалу презрение к русским и уверенность в том, что они сумеют захватить и подмять Россию. Невероятная глупость мелких хищников, которые не знакомы с Русской историей. Россия после временных падений всегда поднималась, поднимется и на этот раз.

Да, на Кавказе всегда уважали силу. Но эта сила должна быть нравственной. Мы не раз говорили, что лучший вербовщик молодежи в ряды ваххабитского подполья — современное российское ТВ. Невозможно строить сильное государство, не вернувшись к традиционным нравственным ценностям русского народа. Невозможно строить сильное государство, не признав государствообразующую роль русских в России. Пора прекратить пустые разговоры о толерантности и всякие попытки устроить в России пресловутый «правильный котел», всемерно поощряя приток мигрантов. Россия стоит на пороге серьезных испытаний. Времени для экспериментов в национальной политике не осталось. Как все меньше остается времени для того, чтобы убрать из наших городов этнические преступные группировки, связанные с террористическим подпольем. Неужели нужны потрясения, сравнимые с катастрофой 41-го года, чтобы власть за своим спасением вновь обратилась к Русскому народу?

ЖИЗНЬ ЗАСТАВИТ...

Россия настроена на мигрантов.

В. Путин

О статусе кавказских «республик»

Проблема Кавказа и кавказцев встала перед нами самым жестким, самым острым и самым непримиримым образом. Власти, похоже, с этой проблемой заигрались. Оказалось, как все видят и все понимают, либеральная свобода была дана Кавказу, чтобы грабить, резать, убивать, насиловать, обдуривать, хамить, издеваться и насмеяться над каждым, кто не является выходцем из кавказских республик. Везде, где они появляются, они считают себя единственными хозяевами, которым позволено вытирать ноги обо всех остальных. И власти всё прошедшее либеральное двадцатилетие закрывали на это безобразие глаза, а нередко и поощряли его. Кавказцы этот «либерализм» властей видели, понимали, чувствовали и в конце концов в силу своего отвязанного менталитета обнаглели до крайнего предела. И когда они уже в самой Москве стали массово избивать, калечить и убивать полицейских, власти вдруг спохватились. Но слишком поздно.

РУССКИЙ ВОПРОС

Кавказ вместе со Средней Азией заполнил все русские города. А фактически бесчисленные орды, с позволения российских властей нахлынувшие из этих регионов на нашу землю, оккупировали Россию. И изменить ситуацию мирным путем уже невозможно, сколько бы грозных слов ни произносили полицейские начальники. Поток этот никто не собирается останавливать: на фоне дурацких полицейско-рыночных московских облав **ежедневно на все южные вокзалы Москвы прибывают десятки тысяч новых «гостей» из Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа.** Джинн выпущен из бутылки, причем выпущен сознательно, и загнать его обратно уговорами, «перевоспитанием» и резиновыми дубинками не удастся.

Нам еще не одну сотню раз покажут по телевизору столкновения кавказцев с местными жителями на «бытовой почве» из-за какой-нибудь мифической «девушки», придуманной в изовравшихся «либеральных» СМИ. Как это было в г. Пугачёве. Тогда две недели продажные журналисты на всех каналах радио и ТВ долдонили о том, что двадцатилетнего десантника «из-за девушки» зарезал 16-летний «юноша чеченской национальности». «Ну и десантники у нас пошли!..» — ехидно ёрничали эти журналюги. А о том, что демобилизовавшийся из ВДВ Руслан Маржанов получил 16 ножевых ранений спереди и сзади и что у него было перерезано горло, — они, конечно же, дружно промолчали. И только через две недели по радио скомканно сообщили, что 16-летний малолетка был выставлен для отмазки четырех чеченских убийц. Причем в Пугачеве это было не первое убийство русских чеченцами.

Да, господа «дорогие россияне», кавказско-азиатский джинн выпущен из бутылки, выпущен сознательно, в этом сомневаться не приходится, и теперь каждый из нас может встретиться с ним в любом месте и в любую минуту. И никакая полиция нас от него не защитит, потому что сама полиция уже не способна от него защититься, сколько бы нам ни впаривали по ящику показушных сюжетов о «жестких зачистках» московских рынков и овощебаз. Этот джинн живет не на рынках, а в каждом нашем доме. Скажем большое российское спасибо господину Медведеву и ФМС во главе с неким господином Ромодановским. Они свое дело знают туго.

Первое лирическое отступление. Несколько лет назад с помпой и долгой критической болтовней тележурналистов был принят закон, запрещающий иностранцам работать в сфере торговли. Однако все уже успели забыть про этот за-

---

кон, и в Москве на всех рынках и во всех продовольственных магазинах чуть ли ни поголовно за прилавками стоят иностранцы. Так для кого и для чего, хочется спросить, Госдума принимает законы?

И всё же кавказско-азиатского джинна, выпущенного из бутылки либеральным правительством, загонять в его прежнее место всё равно придется. Рано или поздно, этой властью или другой, но придется. Потому что каким бы ни был нынешний русский народ пассивным, безразличным и бесхребетным, жизнь заставит его быть и жёстким, и грозным, и беспощадным, когда эта самая жизнь его окончательно допечёт. Но чтобы кое-кому небо не показалось с овчинку и чтобы дело не дошло до массовых погромов, вот что надо сказать, а затем и сделать в первую очередь.

Отделять Кавказ от России, конечно же, нельзя. Только дураки и провокаторы могут заводить об этом разговор. Но, в первую очередь, нужно, нет, просто жизненно необходимо решить вопрос со статусом т.н. кавказских «республик». Эта разрушительная глупость, навязанная в 1922 году больным Лениным, аукается нам до сих пор кровавым образом. «Благодаря» этой глупости, мы потеряли наши, **российские** территории т.н. «союзных республик». Теперь же хитромудрые дяденьки хотят повторить ту же историю, но уже с бывшими «автономными республиками». Однако мы, русские патриоты и государственники, должны в ответ предложить свою историю, выгодную России и прежде всего основному государствообразующему народу. Повторяю, речь должна идти о **статусе** кавказских «республик».

Ведь что такое республика в международном понимании? — Государство. Как ни крути, как ни верти данный термин, но республика — это отдельное государство и не что иное. И его коренные жители, составляющие титульную нацию данного государства (республики) со всеми своими правами и обязанностями, должны проживать на территории данного государства (республики). Дагестанцы — в Дагестане, чеченцы — в Чечне, ингуши — в Ингушетии и т.д. Они обязаны жить на этой земле и трудиться на ней. Как, в основном, и было в СССР. Однако кавказцы, хозяйничающие в Москве и других русских городах, любят повторять либеральную тупфту, навязанную нам русофобской «пятой колонной»: мол, они граждане России и потому могут жить, где хотят на ее необъятной территории. Мы не возражаем. Но для этого, дорогие кавказские россияне, вам нужно отказаться от республиканского статуса своей малой родины. Живите где хотите, но для

этого Чечня должна будет стать, к примеру, Грозненской (или Терской, как было раньше) областью. А Дагестан — Махачкалинской, и т.д. Не хотите? Тогда проживайте на территории своих государств (республик). А в Москву или другой русский город вы сможете приезжать погостить на 3-4 дня, не более. А более — только с разрешения ФМС и то на определенное время. Не хотите? Тогда вы обязаны отказаться от статуса республики своей кавказской области. Одно из двух.

Кстати, у русских своей республики нет. И потому они могут проживать в любой точке необъятной России без разрешения ФМС. А то получается, дорогие кавказские ребята, как в одной очень точной русской поговорке: хотите и рыбку съесть и на одно место сесть. Оно бы так и дальше продолжалось, да только сами всё испортили: вести себя не умеете. И не хотите уметь. Решили, что это навсегда — и съесть, и сесть. Но это «навсегда» для вас заканчивается. И вопрос со статусом кавказских «республик» — решать вам самим. Или так, или этак. Думайте. Время поджигает. Иначе это решат за вас другие люди. И тогда уже вашего желания никто спрашивать не будет. Если мы действительно хотим сохранить наше единственное государство под названием Россия, «республиканские» игры пора заканчивать.

Мне могут возразить: мол, существует Конституция, и никто не собирается ее отменять. Правильно, отменять ее не надо. Но вот внести в нее изменения — придётся. И вовсе не потому, что мне или кому-то еще этого захотелось. Жизнь заставит.

Жизнь рано или поздно, с кровью или без нее всё на земле сама утрясает и расставляет по своим местам. Ведь это крайне несправедливо, что в пределах одного государства его граждане имеют разные права, разные возможности и разный национальный статус. Неравноправие никогда не доводит до добра, именно оно приводит к революциям, бунтам и международным конфликтам. А в России — налицо неравноправное, униженное положение русских по отношению к другим национальностям, в первую очередь — кавказским. И это неравноправное положение русских в России уже закреплено документально. К примеру, Чечне, как и другим *национальным республикам* в составе РФ, позволено то, о чём русским даже заикнуться запрещено под дамокловым мечом «экстремизма», «шовинизма» и «разжигания межнациональной розни». (Сколько русских людей сидит за это в тюрьмах по 282-й ст. УК!)

На официальном сайте правительства Чеченской Республики опубликован не менее официальный документ под на-

---

званием «**Приоритеты и концепция национальной политики ЧР**». Вот выдержки из него:

1. «*Концепция национальной политики ЧР ориентирует на... согласование общегосударственных интересов и интересов чеченского народа...*»

2. «*Историко-культурные особенности чеченского этноса, являющегося титульной нацией в Чеченской республике (Чечне), сложились в ходе многовековых...*»

3. «*Современная этнополитическая ситуация в Чеченской республике (Чечне) определяется многими взаимосвязанными и взаимодействующими факторами, в которых доминирующая роль отводится прошлому и настоящему чеченского народа, его национальному самосознанию.*»

4. «*Историко-культурные особенности чеченского этноса, специфика этнополитической ситуации, необходимость сохранения ее стабильности и дальнейшего улучшения, социокультурного развития Чеченской республики (Чечни) требуют, чтобы государственная национальная политика основывалась на следующих принципах...*»:

5. «*Сохранение и развитие языков и культур чеченцев, всех этнических групп...*»

6. «*Содействие чеченцам, проживающим вне Чеченской республики (Чечни)... защита прав и законных интересов чеченцев и других выходцев из Чеченской республики, проживающих за ее пределами.*»

7. «*Исходя из историко-культурных особенностей чеченского народа... концепция предполагает...*»

8. «*К числу первоочередных задач относятся: разработка правовой и нормативной базы для регулирования и совершенствования федеративных и межнациональных отношений, обеспечения национальных интересов чеченского народа и других этнических групп, проживающих в Чеченской республике... всесторонний учет этнокультурных особенностей чеченского народа...*»

9. «*...организовать научные исследования по проблеме депортации и ее последствиях для чеченского народа... объективно и профессионально освещать в СМИ депортацию чеченского народа...*»

10. «*В экономической сфере — ...передача в собственность республики Чечня предприятий и учреждений, необоснованно отнесенных к федеральной собственности, привлечение регионов РФ для восстановления экономики республики, обеспечение получения населением ЧР соответствующей доли приватизированной в начале 90-х гг. общероссийской собственности...*»

---

11. *«Системное и оперативное противостояние через СМИ проявлениям чеченофобии...»*

12. *«...национально-культурное развитие чеченского народа... защита материальной и духовной культуры чеченского народа...»*

У русских как народа нет никакой чеченофобии, даже несмотря на Буденновск, «Норд-Ост», Беслан и все московские теракты. Но что-нибудь подобное вышеозначенным «приоритетам» возможно ли себе представить в нынешней России для русского народа?

Второе лирическое отступление. Дагестанец, торговавший на московском рынке, изнасиловал 15-летнюю русскую девочку. И когда его арестовали (после драки с полицией), он притворился незнающим русского языка и, с подачи адвоката, потребовал переводчика. Но самое поразительное в этом театре абсурда то, что суд пошел ему навстречу. Оказывается, им, гражданам России, живущим в нашей столице, уже позволено не знать государственный язык и при этом считать себя хозяевами нашей жизни. И, как ни смешно, это уже никого не удивляет.

Третье лирическое отступление. По сообщению пресс-службы правительства РФ, 25 августа 2013 года председатель правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев утвердил Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014—2020 годы, выделив на это почти 7 млрд. рублей. Цель Программы — «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации».

Всё бы ничего, да вот только очень трудно понять, каким образом эта Программа правительства по укреплению «единства *российской* нации» будет согласовываться, к примеру, с «приоритетами и концепцией» национальной политики Чечни, опубликованными на официальном сайте ЧР? И как она, эта Программа, в голове премьер-министра РФ сочетается с существованием в России этих самых *национальных республик*? Вот уж где в первую очередь посмеются над премьером с его идеей «единой российской нации»!..

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Похоже, Д.Медведев, сам того не подозревая, делает шаг в сторону упразднения республиканского деления Российской Федерации. Его национальная Программа, конечно же, в принципе невыполнима, однако даже ее гипотетическое

осуществление невозможно без существенных изменений в Конституции. Единая нация, как ее ни назови, бывает только в едином государстве — без каких-либо *национальных республик*.

Но вот еще одна иллюстрация близорукого прекраснотворения оторванных от жизни российских властей, навязывающих нам химерические идеологемы. В сентябре 2013 года Р.Кадыров открыл памятник «чеченским женщинам, погибшим в войне с Россией». Таким образом глава этой «республики» желает всем нам показать, что Чечня до сих пор противостоит России, что она не принадлежит России и не имеет с ней ничего общего. Являясь дотационной «республикой», на деньги российского бюджета Чечня без всяких для себя последствий демонстративно устанавливает на своей территории не просто антирусский, но откровенно антироссийский памятник. Более того, день его торжественного открытия объявляется Кадыровым чеченским **государственным** праздником. И Кремль смотрит на это действо со спокойным безмолвием.

Ну что ж, вот это и есть один из естественных и ожидаемых результатов «республиканских игр». И новые плоды этих игр не за горами.

Очень интересно узнать у Медведева, как этот памятник будет вписываться в ту самую, утвержденную им Федеральную целевую программу по «укреплению единства российской нации»?.. Поистине, лучшего символа нашего «единства» не придумаешь...

Восстание в Бирюлёве

И получили власти еще одно восстание русских людей. На этот раз в Москве — в Западном Бирюлёве.

10 октября очередной кавказский ублюдок зарезал очередного русского парня, попытавшегося защитить от него свою девушку. Три дня полицейское районное начальство, как обычно, лениво позёвывая, надеялось, что это «дело» как-нибудь само собой рассосётся. И зашевелилось только на третий день, когда собрался народный сход, превратившийся в самое настоящее восстание. Три тысячи возмущенных жителей после митинга, на котором не появились ни префект округа, ни глава районной управы, выбили стекла в азиатско-кавказском торговом центре «Бирюза», разгромили арбузную лавку, перевернули несколько машин с кавказскими номерами и вступили в схватку с ОМОНОм. На подавленные восставших были брошены тысячи каскоголовых омо-

---

новских роботов, стянутых сюда со всей Москвы. Было арестовано 380 человек. И что показательно: все «правозащитники», съевшие зубы на выгораживании задержанных на Болотной площади, набрали в рот воды и попрытались как мыши.

Телевизионные этно-«либеральные» словоблуды сразу кинулись осуждать «погромщиков» и «националистически настроенных экстремистов». Они мгновенно забыли об убийстве русского парня и весь свой пыл выплеснули на вышедшую на улицу «погромную толпу». Именно возмущившийся народ их напугал сильнее всего. Вот либеральная логика, озвученная по ящику шоуменом В.Соловьевым: «Да, людей убивают, но это не повод громить арбузные палатки». Только вдумайтесь в эту циничную, фарисейскую, подлую позицию: убийство людей — не повод для протеста!..

Однако, похоже, граница терпения москвичей и точка кипения русского гнева уже пройдены. Путинская игра в миграционную рулетку сулит ему крупный проигрыш во многих смыслах. Еще несколько подобных восстаний — и уже никакая популистско-«патриотическая» демагогия ему не поможет оставаться наверху общественного положения в стране. Путин с Медведевым явно заигрались в русское долготерпение.

На следующий день после бирюлёвского народного восстания глава ФМС К.Ромодановский заявил журналистам: «Миграционное законодательство России не требует изменений». Да кто бы в этом сомневался?! Ясно, как Божий день, что мигранты вам, «либералам», здесь нужнее и милее государствообразующего народа.

Любую революцию готовит не кто-то со стороны. Любую революцию готовит власть. Народ может очень долго переносить тяготы жизни. И только одного народ не может переносить бесконечно — морального издевательства над собой.

Увы, господин президент, не Россия «настроена на мигрантов». Это вы на них настроены. Ваша маниакальная идея фикс о «евразийском союзе» уже отвергнута самой жизнью и дискредитирована вашим непониманием происходящей за окном реальной действительности. Все экономические и политические прожекты не стоят ломаного гроша, когда унижен и оскорблён народ.

Да, конечно, среди возмущенных жителей Бирюлёва, измученных постоянным страхом за свою жизнь и вышедших с протестом на улицу, оказались провокаторы и безбашенная, погромно настроенная молодёжь. Но москвичей просто-напросто уже достала жизнь в окружении агрессивно настроенной кавказско-азиатской орды. И сколько бы этно-«либе-

---

ральные» СМИ ни поносили нетолерантных «русских националистов», наверное, несколько разбитых стёкол в магазине стоили того, чтобы в Бирюлёве наконец-то была закрыта овецбаза, где жили сотни нелегальных мигрантов, было уволено недееспособное полицейское начальство и был быстро вычислен и схвачен убийца 25-летнего русского парня. И ведь все прекрасно понимают, что ничего этого не было бы сделано, если бы люди не выплеснули свое негодование на улицу.

Сразу по событиям в Бирюлёве Путин с Медведевым не проронили ни слова. Их обычная в таких случаях риторика, видать, тоже иссякла. И нужно было произойти теракту в Волгограде, чтобы они выдавили из себя свою обычную демагогию о «бездействии местных властей». А вот о бесконечном потоке мигрантов в Россию вновь говорить не захотели. Ну что ж, подождём. Высказываться по этому поводу и что-то делать им все равно придётся: **жизнь заставит**.

Сентябрь — октябрь 2013

Павел СВЯТЕНКОВ

КУДА ВЕДЕТ РОССИЮ ПУТИН?

В сентябре 2013 года на Валдайском форуме глава государства сказал:

«Идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии... Нам всем: и так называемым неославянофилам, и неозападникам, государственным и так называемым либералам — всему обществу предстоит совместно работать над

---

* Вышел в свет 3-й том шеститомного Собрания сочинений Валерия Хатюшина. Справки о приобретении вышедших томов по телефону: (495) 787-35-22 (ср., чт., с 12 до 16 ч.)

формированием общих целей развития... А это значит, что либералы должны научиться разговаривать с представителями левых взглядов и, наоборот, националисты должны вспомнить, что Россия формировалась именно как многонациональное и многоконфессиональное государство с первых своих шагов, и что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского и любого другого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода. По сути, начинаем уничтожать сами себя.

Суверенитет, самостоятельность, целостность России — безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить. При всей разнице наших взглядов, дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова. Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России... Мы должны залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани. Нельзя больше заниматься самообманом, вычеркивая неприглядные или идеологически неудобные страницы, разрывая связь поколений, бросаясь в крайности, создавая или развенчивая кумиров. Пора прекратить замечать в истории только плохое, ругать себя больше, чем это сделают любые наши недоброжелатели. Критика необходима. Но без чувства собственного достоинства, без любви к Отечеству эта критика унижительна и непродуктивна».

Итак, что же сказал президент? Очевидно, что он призвал к единству всех частей политического спектра под лозунгом патриотизма и единства страны. Этот лозунг является правильным. Действительно, вряд ли гражданская война или распад государства соответствуют коренным интересам народа нашей страны.

Далее. Путин призвал к диалогу всех политических сил — либералов, государственников, неозападников и даже неославянофилов (это слово при расшифровке на президентском сайте написано с ошибкой). Глава государства призвал либералов прислушиваться к левым, а также заявил, что националисты должны помнить о многонациональном характере России.

Ну что ж, диалог — это хорошо. А упоминание националистов в этом контексте — пожалуй, плюс для националистического движения. Мы вправе рассматривать это заявление Владимира Путина как приглашение к серьезному разговору о судьбах страны.

Так вот, уважаемый Владимир Владимирович, начнем диалог, чего уж откладывать.

Основная проблема русского народа, как ее видят националисты, в том, что русские — официально бездомный и безгосударственный народ. Мы искусственно лишены Родины. Нет на земле такого государства, которое связывало бы свою судьбу с русским народом, русской культурой, русской историей.

В преамбуле Конституции РСФСР 1978 года говорилось: «Образование РСФСР обеспечило **русскому народу**, всем нациям и народностям Российской Федерации благоприятные условия для всестороннего экономического, социального и культурного развития, с учетом их национальных особенностей в братской семье советских народов».

Конечно, как юрист вы, Владимир Владимирович, знаете, что преамбула не имеет юридической силы. Но в ней, тем не менее, была отмечена роль русского народа в становлении России. В сегодняшней Конституции РФ 1993 года никаких упоминаний о русских нет. Ельцин и его окружение украли у нас страну. Наш народ искусственно вычеркнут из истории и лишен основополагающего права, которым по природе обладают все народы, — права на Родину, на родную землю. Русские чувствуют себя чужаками в современной РФ.

При этом многие другие народы имеют на территории России свои национальные республики. Хотите доказательств?

Конституция Татарии: «Республика Татарстан оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности **татар**, проживающих за пределами Республики Татарстан» (ст. 14 Конституции РТ).

Первая статья Конституции Удмуртии: «Удмуртия — государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления **удмуртской нацией и народом Удмуртии** своего **неотъемлемого права на самоопределение**».

Конституция Карелии: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории **карелов**» (ст. 1, п. 5).

Конституция Республики Коми: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории **коми народа**. Республика Коми гарантирует сохранение и развитие языка, традиционной культуры и образа жизни **коми народа** и других народов, проживающих в республике, в соответствии с Конституцией Российской Федерации» (ст. 3).

Конституция Северной Осетии предписывает руководству республики охранять осетинский язык как основу самосоз-

---

нения осетинского народа: **«Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа.** Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия — Алания» (ст. 15. п.1).

Конечно, конституции некоторых субъектов РФ упоминают и русских. Например, Конституция Якутии: «Республика Саха (Якутия) гарантирует сохранение и возрождение коренных народов Республики Саха (Якутия), а также **русских** и других старожилов» (ст. 42, п.1). Конституция Калмыкии (она же — Степное уложение): «Статья 14. Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, **русского** и других народов республики, особенно почитание старших, уважение к женщине; любовь и забота о детях».

Итак, некоторые республики РФ в своем законодательстве ставят задачу помощи русским, наряду со своими титульными народами. Однако, если мы посмотрим на федеральное законодательство, на законодательство населенных русскими краев и областей, мы обнаружим, что про русский народ там хранится молчание. РФ не собирается ни помогать русскому народу, ни защищать русских, ни даже русскую культуру. Тотальное, оскорбительное игнорирование 80% населения страны.

Одновременно официальная пропаганда орет про «государство 200 народов». Дескать, русские — одни против 199 народов и потому не имеют никаких прав. Никто не против других народов, но почему Россия должна строиться вопреки русским и за счет русских? Почему власти рассматривают Россию как колонизируемую территорию, на которую можно завозить какое угодно число иностранцев, полностью игнорируя интересы коренного населения страны, то есть русских?

При этом другим народам России позволительно иметь собственные национальные республики и защищать национальные интересы на территории РФ. Какие это республики, я только что указал, и список этот далеко не исчерпывающий: ведь многие из них проводят свои национальные интересы, просто не упоминая о них в конституциях.

Мне очень хотелось бы быть патриотом РФ, уважаемый Владимир Владимирович. Я понимаю вашу логику и призы-вы к патриотизму. Но как быть патриотом чужого, враждебного государства, в котором сам русский народ находится под запретом, где русского может безнаказанно убить любой

«гость с Кавказа» и получить «условно»? Мы что, народ рабов, отданных на растерзание иноплеменникам?

Я чувствую себя как китаец в Маньчжурской империи. Известно, что маньчжуры поработили Китай и правили им 300 лет, не давая китайцам и головы поднять. Не такова ли ситуация и у нас? Только в роли китайцев — русские...

Вы же сами, Владимир Владимирович, говорите о крахе мультикультурализма в Европе. Но разве есть отличия между мультикультурализмом и многонациональностью? Если и есть, то только в худшую сторону.

Я призываю и вас, и руководство страны внять наконец голосу разума и понять, что не может существовать государство, в котором 80% граждан лишены простейшего права на национальное самосохранение. Невозможна Россия, в которой русские поголовно шельмуются как нацисты и «быдло», с мнением которых можно не считаться, завозя миллионы мигрантов и стремясь потеснить русских в сторону могилы.

Пытаясь строить Россию вопреки русским, против русских и не для русских, вы приведете нынешнюю РФ к закономерному краху по модели Советского Союза.

Сергей КОМКОВ,
президент Всероссийского фонда образования

РОССИЮ ПРИГОВОРИЛИ К НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

В августе 2013 года исполнился уникальный юбилей: пять лет назад Высшая школа экономики специальным постановлением, подписанным тогдашним председателем правительства Владимиром Путиным, получила статус государственного учреждения при правительстве России. Для того, чтобы понять всю пагубность для нашей страны данного события, следует хотя бы кратко напомнить историю создания и деятельности этого учреждения.

Высшая школа экономики была создана в 1992 году по инициативе Евгения Ясина на специальный грант Всемирного банка. И создавалась она исключительно с целью разрушения российского государства изнутри путем проведения разнообразных реформ. В первую очередь в сфере образования, науки, экономики. Именно на ее базе все 90-е годы (да и по сегодняшнюю пору) работали американские советники из Всемирного банка.

Они принимали активнейшее участие в разработке государственной программы модернизации российского образования, «благодаря» которой за 20 лет Россия лишилась более 18 тыс. школ. Они активно продвигали идею внедрения в России ЕГЭ, в результате чего сегодня фактически рухнула вся система полного среднего образования. Они разрабатывали новую модель финансирования системы образования — нормативно-подушевую, в результате которой большая часть российских школ пошла по миру с протянутой рукой и начался процесс слияния учебных заведений, резко ударивший по качеству знаний учащихся и их моральному состоянию.

Но этого «специалистам» «Вышки» показалось мало. И они всерьез занялись «реформированием» науки и экономики.

Глядя сегодня на столь активную деятельность этого американского «гнезда», невольно задаешься вопросом: в чьих же, собственно, интересах все эти годы работает так называемая Высшая школа экономики? И кто непосредственно руководит всеми этими «исследованиями» и «реформами»? Но, самое главное: не слишком ли велика цена этих «реформ» для государства Российского?

Действительно, что же мы имеем в сухом остатке от деятельности «Вышки» за все эти годы? Даже небольшой перечень последствий ее деятельности приводит в оторопь.

Большая часть малокомплектных школ на селе и в малых городах России фактически уничтожена, и страна начинает превращаться в вымирающее пространство. Сельское хозяйство приходит в полный упадок. А мы, обладая огромными природными ресурсами, уже не в состоянии себя сами прокормить.

Полноценное образование все больше и больше становится доступным лишь для людей, обладающих дополнительными накоплениями. А таковых с каждым годом становится все меньше. В обычной средней школе за все приходится платить. Потому что школы, в соответствии с «разработками» ВШЭ, постепенно превратили в коммерческие учреждения.

После введения ЕГЭ в качестве главного критерия оценки знаний выпускников вся страна погрузилась в хаос преступности. Одни активно торгуют результатами этого дебильного экзамена, другие вынуждены любыми правдами и неправ-

---

дами эти результаты добывать или покупать. Старшие классы школы превратились в пункты натаскивания на ЕГЭ. Резко снизилось качество знаний учащихся.

Но при этом, в соответствии с «рекомендациями» советников Всемирного банка, ловко окопавшихся в Высшей школе экономики под крылом российского правительства, сделан резкий крен на «всеобщее высшее образование». То есть «специалисты» «Вышки» начали активно доказывать, что всех выпускников общей средней школы необходимо ориентировать исключительно на получение высшего профессионального образования. Причем по «Болонской системе».

Это означает, что в ближайшем будущем все выпускники школы, поступившие в вузы на систему бакалавриата, получат свои дипломы-пустышки и будут выброшены на рынок труда. Где их, конечно же, никто не ждет. Ибо стране не нужна такая масса никчемных «болонок».

А вот другие рабочие места будут заполнять собой мигранты, завезенные сюда, в Россию, преимущественно нелегальным путем.

Уничтожение начального профессионального образования является одним из ключевых моментов всей «реформы» образования, проводимой в нашей стране под диктовку американских советников. Уже при обсуждении нового закона «Об образовании», который вступил в силу 1 сентября 2013 года, все известные эксперты возмущались фактическим уничтожением в стране системы начального профессионального образования. Но чиновники Минобрнауки и «спецы» Высшей школы экономики с пеной у рта доказывали правомерность подобного шага.

Действительно, зачем нам обучать своих собственных квалифицированных рабочих, если их можно в неограниченном количестве завезти извне? Только при этом никто не упоминал о тех губительных социальных последствиях, к которым данная политика приведет.

И во главе всего этого процесса, конечно же, стояло руководство «Вышки». Следует напомнить, что говорил по данному поводу ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов ровно пять лет назад в интервью газете «Время новостей»: «...современное производство не нуждается в разнорабочих, обученных в системе начального профессионального образования. Загонять палкой своих граждан в недообразование, потому что у нас есть такие рабочие места, неправильно. Ни одна страна не идет на это. В развитых странах подобные ниши заполняются мигрантами, для которых, кстати, это путь встраивания в более культурное и более богатое общество. То же самое мы с вами

видим в Москве и других крупных городах в самых разных отраслях. Просто мы достаточно богатая и достаточно образованная страна, чтобы иметь комплексный рынок труда».

Заявление, прямо скажем, достаточно циничное. О каком «комплексном рынке труда» говорит господин Кузьминов? Уж не о том ли, который то и дело разгоняют сотрудники полиции и ФМС? И кого он собирается «встраивать» в «более культурное и более богатое общество»? Таджики и узбеков, приехавших сюда нелегальным путем и готовых за похлебку вкалывать на своего преступного «пахана» день и ночь? Или целые колонии вьетнамцев, строчащих на допотопных швейных машинках шедевры с лейблами ведущих текстильных компаний? И что он собирается делать с руководителями всевозможных ТСЖ и коммунальных контор, которые предпочитают на места дворников, сторожей, сантехников брать гастарбайтеров из ближнего зарубежья? Платя им при этом лишь небольшую часть полагающейся зарплаты, а остальное пристраивая в свой собственный бездонный карман.

При этом большая часть своей собственной молодежи, так и не найдя для себя подходящего места работы, а, следовательно, и средств к существованию, потихоньку будет опускаться на самое социальное дно и пополнять собой криминальные структуры.

Так что, как ни крути, но ответственность за сегодняшний кризис с переполнением российского рынка труда иностранными гастарбайтерами напрямую несет руководство Высшей школы экономики во главе со своим научным руководителем Евгением Ясиным и ректором Ярославом Кузьминовым. Ибо это именно они уже пять лет выполняют функцию главного «эксперта» и «советника» правительства России по столь значимым для страны вопросам.

И выполняют ее весьма успешно. Но только не в интересах нашей страны, а какой-то другой великой державы. Которая напрямую заинтересована в нашем скорейшем крахе и названии которой мы все давно уже хорошо выучили наизусть. А такое на языке Уголовного кодекса называется «предательством» и «изменой Родине».

Поэтому сам собой напрашивается вопрос: а не пора ли пересадить руководителей «Вышки» из уютных профессорских кресел в тюремные камеры? Для того, чтобы они, так сказать, всерьез осмыслили содеянное. Потому что подобного рода деяния нельзя приравнять к простым научным просчетам. Это — прямая угроза национальной безопасности государства, за которую уже давно пора нести уголовную ответственность.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ — ЭТО РУССКИЙ НАРОД

Национальный вопрос в современной России — это прежде всего русский вопрос. Поэтому без русского национального возрождения бессмысленны всяческие программы «толерантности», «межнациональных отношений» и «укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов России». Ибо без русского народа не будет России, а значит, и никакого «этнокультурного развития», и никаких народов России.

Русский народ-государствообразователь — создатель российской государственности. *«Даже те государства, которые в своём окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государственной деятельности одного народа, который являлся в этом смысле «господствующим» или державным. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций, их исторической равноценности в государстве это всё равно не установит. В этом смысле Россия, конечно, остаётся и останется русским государством при всей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия»* (прот. Сергей Булгаков).

Русское государство является формой исторического бытия русского народа, условием сохранения национального языка, культуры, образования, общенационального экономического и социального уклада. Поэтому протоиерей Сергей Булгаков мог сказать: *«Русское государство дорого мне не как государство или известная определённая форма правового порядка вообще (мы знаем, как велики его несовершенства в этом отношении), но как русское государство, в котором моя народность имеет свой собственный дом»*. Разрушение Российского государства, помимо всего прочего, угрожает

существованию русского народа, равно как и российская государственность не возродится без творческого исторического действия русских. Русский человек во имя самосохранения призван проявить твердую государственную волю, русский народ должен осознать себя субъектом государствообразования. Тысячелетняя история доказывает, что русские национальные интересы соответствуют жизненным интересам всех народов России. Только волевое государство — политическая самоорганизация русского большинства населения страны в борьбе за свои фундаментальные жизненные интересы — способно вовлечь её народы в дело воссоздания общенационального российского дома.

При коммунистическом режиме наибольшим репрессиям подвергся русский народ. Была разрушена русская деревня — основа национальной жизни. С разрушением Православия была протравлена душа народа, искажено традиционное мировоззрение. Основные тяготы коллективизации и индустриализации пали на русский народ. Русские люди понесли наибольшие потери во время Великой Отечественной войны. Русские выполняли основные работы при восстановлении послевоенной экономики и создании ракетно-ядерного щита страны. Как и в предшествующие века, русский народ нёс на себе основное бремя государственного строительства, а помимо этого при коммунистическом режиме русский народ подвергся геноциду.

Оздоровление русского национального сознания блокируют не только враждебные или конкурирующие политические силы, но и внутренние болезни — расхожие иллюзии и фикции. Одна из них — панславизм. Бесспорна историческая роль культурного и религиозного славянского единства. Но всякий раз, когда эта идея славянского единения обрела политические формы, они не приносили ничего либо приносили бедствия России.

К 1877 году идеи панславизма господствовали в русской элите и в обществе. Россия, взявшая на себя роль защитника всех славян, вступила в войну с Османской империей во имя освобождения *братьев славян*. В результате победы русского оружия славянские страны были освобождены от турецкого владычества, восстановилась государственность Болгарии, были освобождены и увеличили территории Сербия и Черногория. Но на Берлинском конгрессе славянские государства поддержали не освободительницу Россию, а европейские страны.

Россия, не имея столкновения геополитических интересов с Германией и Австро-Венгрией, ради защиты славянс-

---

кой Сербии вступила в Первую мировую войну, которая закончилась национальной катастрофой.

Для оправдания Беловежского государственного переворота в декабре 1991 года был запущен миф о «единстве славянских народов». С тех пор нам внушают, что Российская Федерация, Украина и Белоруссия населены «славянскими народами». Авторы этого мифа сознавали мощные центростремительные силы раздираемых частей русского народа, поэтому прикрывали разрушение страны демагогией о «славянском единстве». С нелегкой руки «реформаторов» призрак «мы — славяне» и сегодня бродит по России. Утопия, порождённая политической конъюнктурой, может привиться в истории, что неизбежно отзовется новыми катастрофами.

До 1917 года русские, украинцы и белорусы были народностями русского народа, говорящими на великорусском, малорусском и белорусском наречиях русского языка: *«Русский язык — это совокупность тех говоров, поднаречий и наречий, на которых говорит русский народ, то есть известные племена и народности, объединённые общностью нравов, верований, преданий и самого языка»* (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). В русском этносе, состоящем из множества народностей, основными народностями являются: великоросская (среднерусская), малоросская (украинская), белорусская. Поэтому вредоносным мифом являются утверждения о «братских» славянских народах — русском, украинском и белорусском.

Когда Малороссию и Белую Россию захватывали другие государства, они неизменно возвращались в лоно единой России. Ибо *«народ, говорящий языком, коего отдельные наречия и говоры столь близки между собою, что в практической жизни — общественной, торговой, политической — не представляют затруднения к взаимному пониманию, должен составлять и одно политическое целое. Так, народ русский, несмотря на различия в наречиях — великорусском, малорусском и белорусском, или немецкий, несмотря на более сильное различие в наречиях верхне- и нижненемецком, должны составлять самостоятельные однородные политические целые, называемые государствами»* (Н.Я. Данилевский). Поэтому истории не известны ни великоросская, ни украинская, ни белорусская нации, ни «суверенные» великоросское, украинское и белорусское государства. Из чего следует историческая предопределённость русских жить в едином государстве.

Очевидно, что и в советский период, при глобальных социальных и экономических потрясениях, не произошло ни-

---

чего, что превращало бы великоросскую, малорусскую и белорусскую народности в отдельные самостоятельные народы. Хотя идеологизированный политический язык содержал такие понятия, как «белорусский народ», «украинский народ». Иначе говоря, до 1991 года в истории нет свидетельств распада русского народа. Земли Западной Руси завоевывались или отъединялись насильственно, и при появлении исторических возможностей возвращались в лоно русской государственности.

Помимо этнически русских к русскому народу относятся множество национальностей России. Ибо **русские** — это **суперэтнос**, многонациональный народ, включающий множество этносов — народов и народностей. **Русские** — **все, кто говорит и думает по-русски, считает себя русским, независимо от этнического происхождения**. Поэтому русский татарин, русский башкир, русский еврей, русский немец, русский туркмен... — органичная форма национальной самоидентификации в предреволюционной России, таковой историей завещано и новой России. За пределами России до сих пор всех нас так и величают — *русские*, и мы, наконец, должны вернуть свое национальное именование. Когда мы обращаемся к полякам или сербам, мы можем говорить: *мы с вами славяне*. Но когда мы говорим о себе, идентифицируем себя — выделяемся как народ из других, то должно говорить: *мы русские*, а не славяне или *россияне*, а тем более *русскоязычные*.

Народ — это органичное единство исторической судьбы. Как всякий организм, народ имеет душу, национальный менталитет и характер, который во многом определяет его исторические формы. Народ с отсеченными частями — искалечен. Спротивляясь разрушениям, национальный организм может восстановить основные жизненные функции, не сопротивляясь — может окончательно деградировать. **Расчленённый русский народ** по всем законам духа и природы стремится восстановить своё органичное единство. К этому призывают не только разорванная экономика, не только разъединённые семьи, не только лавина неразрешимых проблем, но прежде всего **душа нации**. Эта тонкая материя (выражающаяся в инстинкте национального единства, национальном самосознании и воле) невидимыми токами действует в нашей жизни. Одни политики пытаются подавить **основной жизненный интерес** народа, сжимая пружину национального сопротивления. Другие эксплуатируют духовную волну реинтеграции, выигрывая выборы и референдумы, раздавая «объединительные» посулы.

Отстаивание русских национальных интересов не умаляет других российских народов. Русских в Российской Федерации более 80%. Русский народ создавал многонациональное российское государство. От волеизъявления русского большинства страны зависит судьба шестой части суши: русский вопрос сегодня — это вопрос жизни или смерти России

Самосохраниться для русских означает с достоинством осознать себя **государствообразующим** народом, игнорируя русофобские выпады и не поддаваясь ксенофобской истерии. Открыто формулировать свои основные жизненные интересы и бороться за то, чтобы власть: признала **статус расчленённого русского народа**; признала дальнейшие попытки развала преступлением против великого народа и великой культуры; признала объективную реальность — территории дореволюционной России или бывшего СССР, населённые русским большинством, неизменно тяготеют к восстановлению государственного единства, ибо государство есть форма самосохранения русского народа.

В девяностые годы прошлого века этот органичный процесс одни политики старались не замечать, другие с ним боролись — при слове «русский» не упускали возможности припечатать: *экстремизм*. Если же речь заходила о национальном самосознании русских, то кричали: это *фашизм*. Радикальная либеральная интеллигенция не упускала возможностей заклинать: *патриотизм* — *это последнее прибежище негодяев*. Напротив, экстремизм (крайние взгляды и действия) — это когда кромсают живое тело нации с таким видом, будто облагодетельствовали его, возмущаясь ожесточённой реакцией сопротивления. Бедственность происходящего требовала суровых слов и сильных выражений, а не заклинаний типа «*не мешайте работать*», так как очередной раз грянет «стабилизация». Но политики, умерщвляющие нацию, знали, что творили, поэтому, с одной стороны, пестовали фашистские организации, чтобы интеллигенция в испуге от «русского фашизма» вновь припала к дряхлеющей власти, с другой — плодили «ряженных» патриотов, которые в нужный момент прогролапают власти: **любо!**

Национальная государственная самозащита — не экстремизм, а наш исторический долг перед небом и землей, перед предками и потомками. Средства должны соответствовать достоинству и задачам возрождения великого народа. Каждая нация **может** и **должна** контролировать ту территорию, на которой она составляет большинство. Для того чтобы государственно воссоединились русские земли, не требуется ни войн, ни блокад, ни шовинистической истерии. Историчес-

---

кий пример — ФРГ, не признававшая ГДР, но и не штурмовавшая Берлинскую стену. Правительство Федеративной Республики Германии открыто добивалось воссоединения немецкого народа мирными средствами — и преуспело в этом. Когда в России на **высшем государственном** уровне будет сформулирована политика **воссоединения русского народа**, её трудно будет упрекнуть в экстремизме.

Территории с русским большинством — Российская Федерация, Белоруссия, Украина (за исключением Галиции — нескольких западных областей, исторически, культурно, религиозно давно ориентированных на Запад), Южная Сибирь (ныне называемая Северным Казахстаном) — и до сего дня тяготеют к тем или иным формам воссоединения. Задача национальных лидеров — создать условия для исторического волеизъявления народа, разорванного на части. Политики должны учитывать современные сложные реалии, но в свете **стратегической цели — национального воссоединения**. Это откровенно долгий, многотрудный, но реальный путь: поддержка десятков миллионов соотечественников, лишённых родины, переселение русских из территорий, окончательно ушедших из России, экономическое сближение, размыwanie таможенных и иных барьеров, соединение интересов безопасности и обороны, конфедеративные союзы, а когда-то и референдумы по спорным территориям... Ко всему этому следует относиться не как к обременительной помощи чужим, а как к **программе национального самоспасения**. Важно не поддаваться сладкоголосому пению политических сирен о том, что свершившееся исторически необратимо, что «народы — независимые», а «государства — суверенные». Если же отдадимся антинациональному гипнозу, то в недалёком будущем услышим от тех же аналитиков, что Московское, Сибирское, а может быть, и Тверское государства тоже «суверенные» и должны жить в дружбе, поскольку населены «славянскими народами»...

Исторический опыт русского народа, строившего не моноэтническое, а многонациональное государство, диктует сегодня отвергнуть химеры типа «русской республики», т.е. стремление вырезать на теле Российской Федерации зоны с чисто русским населением. Попытки внедрения новых шовинистических утопий приведут к кровавой междоусобице и гибели русского народа. Необходимо единить русские земли, бережно сохраняя национальную самобытность всех российских народов.

Нация — это **сверхэтническая общность**. До нации дорастают народы, созидающие собственную государственность. Суверенная государственность защищает и укрепляет нацию.

Но нация может существовать какое-то время и без собственной государственности либо иметь расчленённую государственность. Ибо собственно «*нация — это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью духа, культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нём творимого будущего*» (П.Б. Струве). Нация — это не только совокупность всех граждан определённого государства. Нация — это общность исторической судьбы народов, не навязанная исторической случайностью, роком или фатумом, а созидаемая **волевым усилием национального духа**, выраженного в **национальной идее**. «*Нация — это сообщество, объединённое надэтнической культурой, творческим поиском идеи совместного существования и стремлением к суверенной государственности*» (А. Кольев).

Русский народ является стержнем **российской нации**, конституирующим вокруг себя исторический, культурный, политический **союз народов России**. Российская нация складывается на основе русской культуры потому, что она имеет сильнейшую **соборную доминанту**, выражающуюся, в частности, в редкостной культурной открытости и бытовой уживчивости русского человека. Поэтому российские граждане различных народов общаются на русском языке, что не умаляет, а возвышает их этническое достоинство. Идентифицируя себя с российской государственностью, мы можем называть себя гражданами России. Идентифицируя же себя с российской нацией, мы называем себя русскими. Поэтому адекватным обращением ко всем нам будет не «россияне», а «граждане России», «соотечественники», «русские люди».

Хотим мы этого или не хотим, сознаём или нет, но все народы России трагической историей сплавлены в единую нацию, ибо живут единой духовной традицией и единством исторической судьбы. Нас объединяет многовековой опыт созидания единой культуры, цивилизации и государственности, опыт противостояния бесчеловечному режиму, опыт совместного страдания, изживания идеологии ненависти и разрушения. Невозможно созидательно решать наши проблемы независимо друг от друга. Нас освободит только совместная борьба с поработителями нашего духа. Российская нация сохранится в качестве **соборного субъекта** социального и политического действия только в том случае, если возродит собственное государственное тело.

Российская нация — это **духовно-политический собор народов России**, основой которого является **русский многонациональный** (многоэтнический) **народ**. Полноценная нация — это сообщество свободных и ответственных граждан, кото-

---

рое основано на духовно-нравственных принципах, на обеспечении безопасности, защите жизненных интересов и собственности всех граждан страны, вне зависимости от национальных, религиозных, политических различий. Русский народ сплавливает российскую нацию и конституирует Российскую державу. Только Российская держава позволит выжить всем народам России перед лицом грядущего жесточайшего передела мировых ресурсов.

Только Российское государство способно сохранить в истории каждый народ России, способно защитить традиционный российский жизненный уклад, культуру и цивилизацию, а значит — сохранить все российские элиты. Российское государство способно восстановиться только при возрождении государствообразующего народа. Русский народ строил государство для всех народов России, он всегда отличался веротерпимостью и отсутствием агрессивного национализма. Поэтому **жизненный интерес** каждого народа России и всех её элит — общероссийских и региональных — в национальном возрождении русского народа.

«Русский народ — это основатель и стержень российской государственности. Другие народы... вошли в русский проект, причём вошли осознанно в русское православное царство... И пока стержневая роль русских не подверглась сомнению, тогда и цвели на этом древе все другие народы, которые осознанно связали с русским народом свою судьбу и сохранили ему верность. И это не означает никакой межнациональной розни, наоборот. Выживет русский народ, сохранит он себя как преемственный субъект истории и культуры, тогда и расцветут на этом древе все другие народы» (Н.А. Нарочницкая).

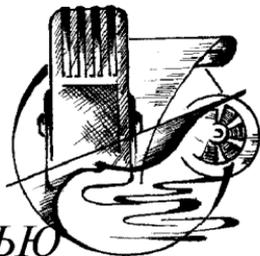

Татьяна ПЕТРОВА
Андрей ГОСТЕВ

ЧЁРНАЯ БРАНЬ

Поехала на майские праздники в пансионат под Тверью и сбежала оттуда через три дня. В моём корпусе едва ли не целым курсом поселились студенты местного университета. То, что они круглосуточно буйствовали и шумели, не шокировало. Отвратительны были потоки мата, извергавшиеся из их ртов независимо от пола. Прекрасные юные девы ничуть не уступали в употреблении чудовищной подзаборной лексики своим кавалерам. Вывать к их разуму было бессмысленно: они просто не понимали, о чём просишь и почему такая речь неприемлемо ужасна. Впечатление было столь сильным, что по возвращении домой я обратилась за разъяснениями к специалисту: ведущему научному сотруднику Института психологии РАН, доктору психологических наук, профессору Андрею Андреевичу Гостеву. Он разрабатывает новое направление — психологию духовно-нравственной сферы человеческого бытия и изучает православное святоотеческое наследие.

— Андрей Андреевич, что происходит с современным человеком? Нецензурные

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

выражения раздаются направо и налево, причём не от мужиков, роющих траншею или занимающихся мордобитием, но из уст интеллигентных с виду девушек, в беседах солидных дам, не говоря уже о подростках, идущих по улице с банкой пива...

— Более того, всё чаще звучит мнение, что это нормально и ничего страшного в этом нет. Хотя мат — яркое проявление демонического начала. Св. Антоний Великий говорил: «Демоны не суть видимые тела, но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления тёмные». Непристойно бранящийся человек уничтожает вокруг себя положительную энергию, так как через словоблудие связывается с пространствами, её поглощающими. Духовный мир реально существует, как и отрицательные метафизические силы. В мудром русском языке мат называется сквернословием — от слова «скверна», которое в словаре Даля толкуется как мерзость, гадость, пакость, все, что мерзит плотски и духовно; непотребство, нравственное растление; все богопротивное.

— *Проклинали ведь тоже этими словами?*

— Да, у славян матерщина издавна выступала в функции проклятия. Но надо помнить, что эта жертва сатане неминуемо наказуема, причём страдают от неё обе стороны. Матерная брань не зря называлась чёрной, древние люди верили, что она беспокоит лежащих в земле предков, родителей и родственников человека. Доктор филологии Олялин считает, что истоки матерных выражений идут от древних заклинаний ритуального характера, и в некоторых таких словах кроются имена бесов. Потому тот, кто употребляет их, накликает беса на себя и своих близких, нанося себе и своему потомству огромный вред. Научно подтверждено, что гены «слышат» нашу речь и фиксируют в генетическом коде, передавая мутацию дальше по цепочке. По мнению исследователей, мутагенное воздействие матерщины сродни радиационному облучению. Кстати, народная мудрость это всё отразила в фольклоре задолго до научных экспериментов. Вспомните европейскую сказку про добрую и злую девушку. Речь первой была красивой и сердечной, и когда она говорила, из уст её падали розы. А вторая ругалась, и изо рта выпрыгивали жабы и выползали змеи... Задуматься о духовной природе мата заставляют и случаи из медицинской практики, когда люди с определенными видами паралича не могут сказать ни одного нормального слова, но при этом с легкостью произносят матерные. Я находил информацию о том, что в странах, в национальных языках которых отсутствуют ругательства, указывающие на детородные органы, реже встречаются синдром Дауна и ДЦП, в то время как в России эти заболевания нередки.

— *Наблюдалось ли столь неистовое массовое сквернословие в России прежде?*

— В экстремальных ситуациях ненормативная лексика, разумеется, использовалась всегда. Например, я занимался яхтенным спортом, и во время гонок от коллег приходилось слышать весьма крепкие выражения. Но повсеместно и так активно матерщина распространилась, пожалуй, впервые. Во всяком случае, в истории подобных примеров не описано. Это очень знаковое и неслучайное явление времени. Учёные института квантовой механики на специальных аппаратах представляли человеческую речь в виде электромагнитных колебаний, которые влияют на свойства молекул ДНК, отвечающих за нашу наследственность. Так вот, если регулярно заниматься словоблудием, хромосомы резко начинают искажать свою структуру, и в молекулах создаётся отрицательная программа. Такие негативные изменения ДНК накапливаются и передаются следующему поколению, что разработчики этого исследования назвали «программой самоликвидации». И мы с вами наблюдаем, как на наших глазах меняется не только язык народа, но и его характер, система ценностей и общественное сознание.

— *При этом Юрий Лотман полагал, что мат помогает адаптироваться в сверхтяжёлых обстоятельствах. Идущие в атаку солдаты матерились, чтобы не сойти с ума от воя снарядов...*

— В мате таится мощный разрушительный заряд. И действительно, в минуты отчаяния, когда надо совершить невероятное, подвиг, эти слова дают поддержку. Другое дело, на какие силы она опирается. Прежде всего на бесовские — термин не научный, но ведь именно тёмные силы «откликаются» на мат. В древнерусских рукописях мат рассматривается как черта бесовского поведения. Если учесть, что корни сквернословия — в языческих заклинаниях, то становится очевидным, что человек, использующий эти слова, вольно или невольно участвует в активизации чёрных сил. Не зря язычники налагали запрет на матерщину в доме, в хлеву, оберегая и себя, и скотину от дурной энергии и наветов. А по православным канонам при произнесении матерной брани Ангел-хранитель и Богородица удаляются от человека...

— *И всё же, если у мата глубокие сакральные корни, берущие начало с языческих времён, то не кажется ли вам, что нынешнее примитивное забалтывание выхолащивает этот глубинный смысл, имевший и некую защитную функцию... Из языка вымывается, уходит что-то крайне важное?*

— Это уже совсем иной аспект разговора, касающийся информационно-психологической войны. Мат — одно из

недооцениваемых средств, с помощью которых ведётся атака на Россию. Не зря эта тема раздувается внутренними русофобами, прозападной пятой колонной, ненавидящей «историческую Россию». Ещё в 1970-х годах психологи открыли важную закономерность: информация, полученная сразу после «микрострессора», которым могут быть и нецензурные выражения, усваивается неосознанно и прочно. С эффектом «я сам так думаю», независимо от того, что испытывает человек, услышавший скабрёзность: резкое неприятие, смущение, бурное одобрение, эротическое возбуждение. Получается, мат, повышая внушаемость человека, является самым доступным механизмом манипуляции сознанием людей.

— *Но наивно утверждать, что сегодняшний мат столь повален исключительно потому, что нам кто-то его навязывает...*

— Мат лишь следствие, а причина в том, что дух общества полон энергии зла, и мат — один из каналов, через который она выпускается подобно пару. С помощью мата человек пытается справиться с распирающей его агрессией, не предпринимает попытки кардинально изменить ситуацию, её вызвавшую, а лишь выплёскивает гнев наружу. У людей, живущих в России, обострённое чувство справедливости. Все видят, что творится сегодня, и относятся к этому как к неизбежности, снимая стресс разными способами, в том числе нецензурной бранью. Это похоже на поведение страуса, прячущего голову в песок. Современное российское общество крайне пассивно. И пока мы не разберёмся, откуда растёт зло, борьба с матом, как с ветряными мельницами, будет бессмысленной.

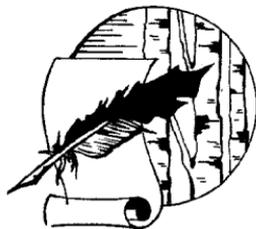
— *Значит, закон о запрете мата в СМИ ничего не даст?*

— В той или иной мере закон будет притормаживать раскрутившийся маховик матерщины. Малейшее движение наших мыслей, чувств материально, и я за любое ограничение мата. Выдающийся философ Иван Ильин говорил, что человек «ответственен за те излучения, которые он посылает миру». Любой грязный помысел усиливает мировое зло. И каждый совестливый поступок — это вклад в ту духовную борьбу, которая ведётся на психологическом уровне в социуме... В нашей культуре всегда существовал запрет на употребление нецензурных слов в присутствии женщин, детей и самой женщиной. Физиология объясняет оправданность такого запрета: если у мужчин матерная брань повышает содержание мужского гормона за счет возникающего эротического возбуждения, то у женщин она провоцирует гормональные нарушения. Голос женщины становится более грубым, возникает гормональный дисбаланс.

— Вы цитировали Ивана Ильина, сказавшего: «Человек есть то, что он читает». Но современные писатели всю популярность мата. Выходит, каковы пастыри — такова и паства? Тот же Владимир Сорокин заявляет, что для него это детонатор, взрывающий язык текстов и обогащающий литературный чернозём... А сочинителя, не использующего матюги, сравнивает с пианистом, отрезавшим себе палец...

— У русского мата в мире имидж едва ли не самого мощного по своему воздействию. Иностранцы заимствуют наши матерные слова для придания своей речи яркости и смачности. И Александр Сергеевич, и другие великие писатели не чурались крепких словечек и умели в нужную минуту выразиться сочно и с глубоким смыслом. Но всё должно быть ко времени и к месту.. И чтобы нам ни говорили, в наследии писателей-классиков линия мата ничтожно мала. Чего не скажешь о нынешней литературе, которая не культивирует энергию добрых дел, не воспитывает дух патриотизма, любви к Родине, а чаще работает на отдаление от национальной почвы. Именно укоренённость в родную почву и молитва дают истинные силы, но никоим образом не мат. А ещё — соблюдение духовных законов мироздания. Если человек не следует этим объективно существующим законам, все его построения зыбки и иллюзорны. К тому же чувство благоговения, с которым связана вера в Бога, несовместимо с грязной речью. В присутствии людей, которых мы считаем чистыми и светлыми, ругаться совсем не хочется. Этого не станут отрицать даже ярые сторонники употребления мата. И если человек верит в Бога и понимает, что Он постоянно рядом с нами, язык просто не повернется, чтобы произнести всякие непристойности и непотребства. А когда мы теряем чувство Божьего присутствия в нашей жизни, то и ведем себя соответственно. Как у Достоевского: «Если Бога нет, то всё позволено».

Юрий МАНАКОВ

ЗАТОПЛЕННАЯ ПАМЯТЬ

БУХТАРМИНСКОЕ МОРЕ

За рваной каменной грядой
По воле человека
Лежат деревни под водой
Уже почти полвека.

Мальки по улицам снуют,
Зелёный ил взметая,
Налимы жирные живут
И в избах, и в сараях.

И раки ползают в глуби
По брёвнышкам колодцев.
Лучей вовеки не пробить
В селенья эти солнцу.

Лишь ветер ивам по ночам
Нашёптывает в ушко —
Что снится брошенным домам,
Облепленным ракушкой.

А глубже, у подводных скал
Не раз в часы глухие
Из водорослей проступал
Мохнатый шлем Батыя.

За рваной каменной грядой,
Где волн кудрявых замать,
На дне тоскует под водой
Затопленная память.

---

* * *

Раскручен на севере снежный пропеллер —
Сгоняет заряды к алтайской сторонке.
Забрызганы окна осенней капелью —
Снега пролетали, да сгнули звонко.

Распутица нынче, суглинки в разводьях,
Листою забиты канавы просёлков.
Копёшки вдали на пустынных угодьях,
Иль это припали к земле перепёлки?

Берёзы белеют в тенётах ветвистых,
И только под зиму отмытые сосны
Стоят на горе изумрудно искристы,
Как будто бы в осень шагнувшие вёсны.

* * *

Сапоги стучали по настилу.
Всё пришло в движение кругом.
Жаворонок взмыл над капониром
И завис в сиянье золотом.

А в каньоне техника урчала —
Наш расчёт ракету расчехлил.
... Через столько вёсен зазвучало
То, о чём, казалось, я забыл.

Черепашьи норы по обрывам,
Стрелки трав из жёлтого песка.
Я тогда, наверно, был счастливым,
Если б не по родине тоска.

Огоньки мерцающих приборов,
Тухлая вода из курдюка.
В кратких снах я видел наши горы
И стрекоз в тайге у родника.

Молодость. Задор. Недоуменье —
Как в таких пустынях можно жить? —
Если близ аулов на ученьях
Пыль нам доводилось бороздить.

Давнее армейское двухлетье.
Век прожив, не знаю до сих пор:
То ль оно период мой победный,
То ль годов потерянных укор?

---

* * *

Верблюжья колючка да пряный чабрец,
От зноя песок переливчат.
Сухая сторонка, чужой интерес
Своим тебя не навеличат.

По небу нечёткую пишет строку
Гусиная зыбкая стая.
И там, где вольготно дышать степняку,
Таёжник задышливо тает.

Барханы, тушканчики, пыльный большак,
Ветла у развалин колодца.
Струною, готовую лопнуть, в ушах
Звенит беспощадное солнце.

Но всё-таки не беспредельна тоска —
Ты этому рад будешь вскоре:
За рёбрами ветром обглоданных скал
Спасительно плещется море.

* * *

Рыжий кот и серая собачка
На снегу под небом голубым
Разыгрались, словно обозначив
То, что мир наш радостью храним,

То, что света больше, чем потёмок,
Что вот-вот отступят холода,
Что я в жизнь влюблённый, как ребёнок.
И таким останусь навсегда.

* * *

Лошадь пьёт короткими глотками
Воду из прозрачного ручья,
Шевелит мохнатыми ушами,
Втягивая влагу бытия.

А со дна взрываются песчинки.
И каскад причудливой игры,
Может, и является причиной,
Что рождает новые миры.

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

Ислам принимает молодежь

Уничтожение духовно-религиозной традиции сыграло пагубную роль для всех религиозных исповеданий России: равно как для православия, так и для российского ислама. Любая религия без традиции и определенной преемственности может легко превратиться в экстремальное течение. Первые воспитывают в человеке определенную этику не только в отношении самих предметов веры — исполнении ее обрядов и установлений, но и жизни верующего в разных слоях мультикультурного социума, где просто неэтичное проявление веры может провоцировать конфликты. Традиционные христианство и ислам, сталкиваясь с современной культурой западного образца и ассимилируя ее в себе, становятся манипулируемы, теряя духовный иммунитет и открывая в себе бунтарские стихии. Это конфликт цивилизаций, причем не в их «классическом» виде, а в деградировавших формах. И сдерживающие факторы на местах этого глобального противостояния — крайне ограничены. На разломах этого глобального столкновения оказываются прежде всего дети, молодежь.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Современному молодому человеку, воспитанному бесконечным насилием с экранов телевизоров, обделенному вниманием родных и окруженному непониманием, нужна опора, сила. И эта «сила» призрочно мерещится замутненным сознанию некоторых таких искателей в исламе: агрессивная самость, умноженная на сакральную идею и групповую поддержку, может представиться идеальным вариантом. Но это все же не ислам, не религия, давшая миру великую культуру с ее врачами, зодчими, мыслителями и мистиками. Речь идет не о вере, а о самоутверждении. Молодые люди идентифицируют себя в этих условиях тождественно членам бандформирований — что в итоге часто и получается. Благодаря тому же телевидению и СМИ, массово тиражирующим привлекательные для молодежи поведенческие модели, которые встраиваются в определенный социум. Превалирующей культурой молодежи стала так называемая «уголовная субкультура». То есть система взаимоотношений, принятых в уголовном мире. А особо привлекательна здесь «жизнь по понятиям». Так вот ваххабизм также предлагает нечто подобное, только куда более обоснованное и реальное. И при крайней культурной ущербности это подменяет собой здоровое понимание патриотизма и иных цивилизованных принципов общественно-государственного бытия.

Особую роль играют сегодня даже подсознательно действующие механизмы «толерантности» и «либерализма», экспортируемые всеми возможными средствами в сознание молодого поколения. Либерализм, отстаивающий сугубое право человека на самостоятельный выбор, приводит современных молодых людей к позиции, фатально умаляющей общественно-государственный институт преемственности и воспитания. А прилагаемая к этому модель «толерантности» распространяет это право на все, даже на то, что в разумном цивилизованном обществе этого права в принципе не имеет. Сформированный всем этим апломб юной личности готов к «эксклюзиву» даже в религиозности.

Также и «ювенальная юстиция», потрясающая сегодня устои традиционного семейного мира «ювенальная юстиция», представляющая собой органическую часть пакета либеральных ценностей, провоцируя управляемый бунт детей против родителей, трансформирует его в итоге в бунт против религиозной традиции. А эта новая «культура взаимоотношения поколений» требует и новую онтологическую базу — религиозную основу. Наше время переставило все наоборот: вначале религия формировала культуру, сейчас культура религию. Ваххабизм, как и многие другие неадекватные формы религиозности, вполне удовлетворяет данному запросу.

Пресловутая западная демократия, внезапно явившая себя народам «развивающихся стран», предложила им главное право — право на протест, бунт. Что мы повсеместно и наблюдаем. У нас, конечно, не «развивающаяся страна», но молодежь постперестроечного периода, озаменованного абсолютно размытыми духовными ценностями и неведомыми ранее соблазнами, — вполне «общество развивающихся стран» и потому открыта к религиозным подстрекательствам радикалов самых разных мастей. Это и своего рода компенсация украденных постперестроечным периодом тех сущностных составляющих человека, которые идентифицируют его как часть социума — потребности быть востребованным в своей стране. Точно так же, как вложенное в человеческую душу стихийное чувство религиозности заставляет искать Бога и веру, так же социальная и культурная несостоятельность приводит к спонтанному поиску их определенного восполнения. Так молодые люди, ощущая себя жертвами этой постперестроечной дискриминации, находят в исламе знак своей идентичности. На фоне фатального неведения родной культуры и веры этот выбор может быть даже понятен. К тому же православие не обещает быстрого достижения какого-то духовного и личностного преуспевания, это обещают секты и... радикальный ислам. Но, конечно, в причинах принятия радикального и «умеренного» ислама существенная разница. При этом есть категория людей, которые, объективно наблюдая до предела развратившийся мир, нашли убежище от него в исламе.

Ислам принимает в большинстве случаев молодежь: и у девушек, и у парней есть к тому свои индивидуальные причины, и они существенно разнятся между собой. Столь же существенно, сколь разная «райская перспектива» существует у тех и других по основной исламской доктрине. Не подвергая никакой богословской критике саму доктрину, можно лишь констатировать, что мистика ислама, в своем откровении подробно описывающая сугубо чувственные «райские наслаждения», в нравственно «неоформленном» сознании вполне естественно преломляется в самые грубые чувственные же чаяния. Это превращается в универсальную гедонистическую идею. Если ради «этого» нужно еще и обвязаться гранатами, то, говоря о русских, ставших исламскими радикалами, мы имеем дело с дегенеративной крайностью. Не потому что ислам таков, а потому что никакая вера не терпит грубой материализации. Была такая исламская секта «Ассасины», адептов которой специально одурманивали наркотиками, а затем с помощью подготовленных женщин давали пережить в наркотической эйфории «райский» экстаз в самом низком чувственном виде.

Потом ради обретения этого сомнительного блаженства «в вечности» они шли на любое пролитие крови. Наши соотечественники, обуреваемые в итоге ненавистью к родному народу, ничем от них не отличаются, они даже примитивнее и тем опаснее. Сегодня идет настоящая охота за душами наших детей. И за этим стоят не какие-то сектанты — это профессиональные убийцы, которым нужны войны, идеально вооруженная армия с колоссальными средствами, и они по достоинству оценивают боевые качества русского парня. Вот изречение одного из известных аналитиков: «Русские мусульмане, которых насчитывается в России около шести тысяч человек, дали стране террористов больше, чем татары-мусульмане, которых почти 4 миллиона»...

Управляемые миграции

Рассуждая о природе массовой миграции в Западную Сибирь выходцев из мусульманских регионов юга бывшего СССР, в аспекте прогноза вполне логичны некоторые ассоциации с теми процессами, которые мы наблюдаем в последние несколько лет на Ближнем Востоке.

Исламский мир, несмотря на все его разногласия, все же «одно тело» (не только радикальные богословы настаивают на том, что весь мусульманский мир это один народ — арабы), и все его телодвижения вполне взаимосвязаны, прогнозируемы и могут быть соответственно манипулируемы, если бы стояла такая задача. А для политиков нет никакого сомнения в том, что такая стоит. Сибирь — существенная часть мирового противостояния, известный интерес наших стратегических оппонентов к ее ресурсам вполне понятен. И особо это касается региона ХМАО (Ханты-Мансийского автономного округа), на который приходится почти половина всей российской нефтедобычи.

В «арабской весне» главную роль, по мнению ведущих политологов, равнозначно сыграли и играют интересы сколь глобальной политики, столь и транснациональных корпораций. Каких? Нефтяных, конечно. Базой же для столь революционной и эффективной дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке («каирского бунта» в частности) явились непримиримые этнические и религиозные разногласия внутри арабского мира; пусковым механизмом — социальные сети; политическим оправданием — спекуляции на пресловутой «толерантности» и нарушении «демократии». Методы одни: провоцируется бунт против законного правительства, а закономерное же подавление этого бунта дает повод лука-

---

вым правозащитникам обвинить власти в пресловутом «нарушении прав человека» и направить мировую военную машину на «восстановление справедливости». Так было в Ливии — где нефть, так сейчас в Сирии — где также нефть. В Ливии сегодня царит экономический и политический хаос, а нефть исправно добывают те, кто «до того» не имел к ней доступа и просто не может быть, чтобы на карте получателей дивидендов от арабского бунта и его идеологов не были отмечены кружочками маленькие сибирские города... где нефть. Ведь совершенно очевидно, что все ближневосточные операции «правозащитной коалиции» имеют непосредственное отношение к России. Это и провокация, и репетиция своего рода. Уже лежащая в развалинах сегодня Сирия испещрена надписями на русском и арабских языках — «смерть России», «следующая — Россия» и т.д., а риторика западных политиков лишь подтверждает их причастность к этим «писателям». Последние, кстати, думается, при желании, спокойно проводят «деловой отпуск» в уютной квартире какого-нибудь тихого сибирского города...

Актуальному варианту экспорта ливийской нефти в Европу предшествовал импорт европейских институций «демократии и толерантности» в Ливию, точнее, в сознание многочисленных (полудиких подчас) ливийских племен — бартер, своего рода. Сибирская нефть ожидает своего контрольного пакета «толерантности», ибо именно в рамках пресловутого «института гражданского общества» и формируется правовая база интеграции ислама в традиционно российские регионы.

Сегодня на пространстве Сибири представлены все те этнорелигиозные сообщества, которые играют роль в означенных манипулируемых конфликтах Ближнего Востока. Там: Иран, Ирак, Ливия и Саудовская Аравия. Плюс курды.

Здесь: дагестанцы, таджики, узбеки, азербайджанцы, чеченцы и многие другие. И там и здесь: сунниты, шииты, суфьи, салафиты, внутри которых множество своих непримиримых толков. При этом все они теперь — на чужой территории, которую вполне естественно хотят видеть уже своей. Кавказский ислам противостоит среднеазиатскому, чеченцы дерутся с дагестанцами, непримиримые представители кровавых столкновений Нагорного Карабаха здесь же, разные стороны конфликтов в Казахстане и Туркмении массово едут в Сибирь, уже не говоря о криминальных разборках в исламской же среде и многом ином. Механизмы примирения между, к примеру, дагестанскими суннитами и азербайджанскими шиитами в их родном регионе вырабатывались

столетиями, но в итоге, как сегодня ясно, так и не выработались, трудно представить, что они «примирятся», заселив российские территории.

И еще один неслучайный пример: сегодня все чаще совершенно нетрадиционный для Дагестана ваххабизм исповедуют молодые дагестанцы, получившие образование в восточных странах — Саудовской Аравии, ОАЭ и т.д. Как бы это на первый взгляд парадоксально ни звучало, но и в исламском сообществе ХМАО берут верх интересы Саудовской Аравии. Случайно ли это?

Все компоненты налицо: нефть, многоликий ислам, институции «гражданского общества», стоящие на страже крупных политических провокаторов, социальные сети. Последние, как упоминалось, сфера гипертрофированного внимания местной молодежи. Несколько мешает российская администрация и российский же народ, терпеливость и миролюбие которого во всем этом явном кошмаре для традиционной российской жизни может из ранга достоинства превратиться в пагубную пассивность. Нет ни одного места в России, где бы эти массовые миграции не поставили бы местное население в особые условия, но регион ХМАО-Югра имеет для радикального ислама особый интерес. Уже сегодня ими провозглашается новая богословская доктрина: «Вся нефть принадлежит Аллаху», а Югра объявляется идеальным местом для основания мирового исламского халифата. И это не просто фантазии. Особенно если учесть, что многие города Югры получили в последнее время новые мечети, в том числе «соборные», на средства ведущей нефтяной компании региона, а радикалы рассматривают каждую мечеть как бастион своей будущей державы. Да, вроде как есть потребность в рабочей силе... Но какая часть этого ее «массового прироста» реально является той самой необходимой рабочей силой?! Если вообще является. В лучшем случае это один работоспособный из десяти приезжих членов семьи и др. И реально ли эта сила работает именно на государство? Особенно с учетом всяких социальных расходов на переселенцев, включая стоимость медицины и образования. Не получается ли, что Россия сама оплачивает свои настоящие и перспективные проблемы?

Каждое вновь организованное и официально зарегистрированное «землячество», как и каждое «общество культуры» не только стимул, но и база для прироста земляков. Здесь даже административная неупорядоченность и следующие за ней «миграционные акции» — лучше, в смысле ограничивающего фактора. Да, к примеру, таджики убирающие дворы и работающие на стройках Москвы, — рабочая сила, но в ра-

---

финирированной системе некоторых городов ХМАО большинство таких же приезжих становятся своего рода аристократами. С тех пор, как совершенно бесправному человеку (каковыми многие приезжие были у себя дома) говорят, что у него есть права — он начинает изучать, что ему в связи с этим положено. И изобретает пути получения этого положенного. Демократия, в ее данной вариации, наделяет правами, обедняя обязанностями.

Проповедовать радикальный ислам или ваххабизм там, где нет ислама вообще, невозможно, фоновое исламское «единство» — исключительно специализированное и временное формирование: панисламизм на нетрадиционном для ислама геополитическом и культурном пространстве, в условиях информационной революции может быть только радикальным. Просто удельный вес исламского сообщества, его масса, еще не достигла должного уровня, для нас — критического.

Впрочем, не только для нас, она, несомненно, трагична и для тех, которых действительно можно назвать российскими мусульманами. Меня естественно волнуют славянские судьбы, но во мне, пишушем эти строки и вынужденном обозначать острые грани проблем нашего сосуществования, не сглаживая их компромиссом, одновременно присутствует и доброе чувство к обычным людям, исповедующим ислам — и к их культуре, к устройству жизни и сочувствие многим страданиям, постигшим их после развала СССР. И особо больно за достойных людей, гибнущих сегодня во множестве от своих же осатанелых единоплеменников. Кроме того, я хорошо понимаю, что речь идет о наших согражданах — большой, многоликой России. Все эти чувства просто неотделимы от меня, как от православного человека, знающего, что жертва Христа принесена за все человечество.

При этом я думаю: не за ваши — за наши грехи нам попустил вас Бог. Мы, рожденные во Христе, бесконечно грешим и отступаем от Него. Мы убили своего Государя, который был залогом истинного мира народов Православной России, сдерживая своей державой мировую злобу. Нам за наше отступление попустил Бог 17-й год, на столетия изуродовавший образ нашей дорогой Родины. И сейчас, когда исключительно Божий промысел вернул нам наши храмы, лишь малая толика нас приняла это обретение России, большая часть бросилась в игру, пиво и наркотики, криминальный бизнес и иные «блага» обрушившейся на нас цивилизации. Мы стали пренебрегать работой, которая ранее была для нас обычной. Потому все более и более в наших городах людей, которых мы раньше не знали. Это в том числе и наша вина. Но Бог не отнял у нас покаяние...

Вот меня и волнует христианское настоящее и будущее России, а оно связано с ее славянским миром, и главное — с русским народом. И дети его, рожденные в почти столетием изуродованной генетике, могут просто совсем перестать быть русскими в агрессивном нерусском окружении.

В городах Ханты-Мансийского автономного округа и иных регионах нефтяного Севера, где уже фундаментально обустроилась масса мигрантов, исповедующих ислам, идет бескомпромиссный передел сфер влияния среди религиозных авторитетов исламской диаспоры. Закончиться он, по идее, в самой ближайшей перспективе должен властью радикалов. Не допустить этого могла бы только центральная власть.

Безысходность образования

Итак, пока ответственные власти региона и добропорядочные горожане радуются внешне вполне благополучному градоустроению, дети — русские дети — испытывают нравственные страдания, усугубляемые безысходностью. Да, пусть во многих школах благодаря искренним усилиям педагогов это не столь очевидно, но степень проблемы определяется особой мерой — степенью ранимости детской души. Да, как-то удастся сдерживать исламский экстремизм в целом, но только не в среде подростков, где он проявляет себя не в количестве трупов, а в количестве боли — накапливающейся душевной боли, ломающей в итоге личность. Не страдают только те, кто за тотальным развратом, пивом и компьютером уже просто потерял способность страдать, — таковых тоже немало, но и это часто уход от агрессии реального мира. Перспектива социальных претензий масс переселенцев вполне прогнозируема, она так или иначе исходит из тех религиозных воззрений, которые являются определяющими в преобладающих исламских течениях. Можно говорить о двух глобальных, и оба они «части одного»: создание исламского халифата и запрет благоверным мусульманам жить на территории неисламского государства. Реализацию первого в виде ваххабизма мы уже знаем, а второе в современной интерпретации предполагает просто быструю исламизацию вновь открывшихся жизненных пространств. Уезжать отсюда, согласно предписанию некоторых толкователей Корана, естественно никто не собирается. На этом фоне требование в самой ближайшей перспективе как минимум автономного образования для исламских детей — неизбежно. Уже по всем тем регионам России, где так же актуальны вопросы массовой миграции, обострены ситуации в школах российского Минобра именно по

проблемам религиозного характера. Уступать приезжие однозначно не собираются. И на Западе школа и связанные с ее условиями проблемы религиозного сосуществования уже давно наиболее конфликтная сфера.

В современных условиях и традиционные исламские школы могут сформировать русофобскую ментальность детей, даже на подсознательном уровне. Что, во-первых, исходит из самой прозелитской идеи ислама: просто «русский» здесь автоматически ассоциируется с «немусульманин». В христианстве «нехристианин» не означает ничего, кроме констатации факта: в православии есть древнее понятие «верный», но нет понятия «неверный» в том нарицательном значении, которое оно имеет в исламе или, к примеру, «гой» (неиудей) в иудаизме. И то и иное по умолчанию означает определенную ущербность, в христианстве такого умолчания просто нет. Во-вторых, дети ассоциативно впитывают в себя общее настроение дома, общества, а оно определенно конфликтное, и это неизбежно сыграет роль в процессе углубленного религиозного воспитания. Преподавателю такой школы нужно очень любить Россию и ее народ, чтобы целенаправленно избежать этих проблем, но таковые сегодня большая редкость.

В актуальной ситуации даже столь плодотворная внешне идея, как преподавание религиозно ориентированных модулей под видом «основы культур», может быть опасна. «Основы православной культуры» преподавали и преподают обычные школьные педагоги, большей частью даже невоцерковленные. В редких случаях клирики РПЦ с обычным педагогическим образованием, еще реже уже сегодня окончившие какое-то обучение культурологического профиля. А муки многолетнего рождения соответствующих учебных материалов, отвечающих запросам системы государственного образования, длились почти десять лет.

С многочисленными религиозными толками ислама все совсем неоднозначно. Даже светская экспертная комиссия, давая заключение на представленный методический материал, обратила внимание на одностороннее освещение истории и культуры ислама, соответствующее исключительно одному из вероисповедальных направлений ислама и противоречащее другим, «имеющим равные права». Как, к примеру, шииты и сунниты. Но проблема даже не в этом. Самое пристальное внимание образованию сегодня уделяют именно радикалы. Сотни специализированных образовательных центров созданы по всему миру, и не будет ошибки, если сказать, что исключительно с целью интеграции их выпускников именно в систему образования мусульман СНГ. При этом

здесь задействован весь спектр и исламских сект, и фундаменталистов-радикалов: от турецких «гюленистов» до собственно ваххабитов. Но именно последние — в форпосте интеграции в Россию «мирового исламского образования», при этом пользуясь огромными средствами, инвестируемыми в эту сферу Арабскими Эмиратами. Таким образом, совершенно не исключено, что, к примеру, в какую-нибудь московскую среднюю школу, где вместе с русскими детьми сегодня уже учатся 20—30 процентов исламских детей (при этом обычных детей, обычных «номинальных» мусульман), придет высокообразованный преподаватель модуля «Основы исламской культуры», подготовленный на уровне спецконтразведчика в «международном образовательном центре» ваххабитов где-нибудь в Нидерландах. Можно не сомневаться, что этот план однозначно где-то уже до мелочей прописан — это часть основной стратегии радикалов. И он придет в школу, ранее абсолютно закрытую для такого рода визитов. Видимо, немало нужно будет сделать и ФСБ, и самим представителям традиционного ислама, чтобы обезопасить и русских и исламских детей от подобного. Но напомним — за этим стоят колоссальные силы и средства.

Так уже было. Когда только поднялся вопрос о преподавании предмета «Христианская этика», в начале 2000-х, в закрытую дотеле систему образования ворвались тысячи сектантов: просто махровых оккультистов, сайентологов, адептов бесчисленных протестантских сект, секты Муна с ее скандальными учебниками «Мой мир и я» (немыслимо как прошедших экспертизу Минобра!), и многих иных.

Исламские радикалы в целом действуют точно по такому же принципу, по которому в последние несколько десятилетий действуют тысячи неопротестантских сект по всему миру и на пространстве СНГ особенно. Ваххабизм в принципе своего рода протестантизм в исламе: «возвращение к истинной вере» — это призыв универсальный для всех сектантов от религии. И основные предпосылки вовлечения новых жертв вполне идентичны: размытое уничтоженной традицией и всепроникающей секулярной культурой христианское или исламское сознание, позволяющее подменять принципиальные для вероисповедания понятия.

Но проблемы прозелитизма псевдохристианского сектантства и исламистских сект имеют существенную разницу: в глубинах самого ислама заложено взрывное устройство в виде джихада. Если в искаженном христианстве нужно внести его извне, то в исламе нужно просто умело зажечь шнур. Конечно, исходя из реалий, организация возможности автономно-

---

го обучения в комфортной для любого ребенка среде — неизбежность и даже необходимость. В каких-то городах Югры уже организованы школы для татарских детей, с религиозным уклоном, конечно. Но если для детей этнических групп из числа переселенцев нужно решать вопрос по сугубому решению их родителей, то для коренных жителей региона — это представляется в виде заботы и инициативы государства.

В педагогической этике существует своего рода закон — если ребенку некомфортно в образовательной среде, необходимо менять среду. При этом парадокс в том, что некомфортно именно русским детям в «прозелитской» активности приезжих, зато приезжим вполне комфортно. Если традиционной российской системе образования и воспитания сегодня доверили «нетрадиционных» детей, то логично «изменять» детей, а не традиции. Худшее в этой ситуации именно обычное «умолчание», но понятно, как ограничена в этом вопросе государственная система образования.

Я не смею предлагать здесь мелкие меры для решения глобальных вопросов. Да это и невозможно, я хорошо понимаю — обозначенная ситуация тупиковая. Но тогда, может быть, следует использовать иные потенции и вспомнить, что Россия — православная страна, как о своей вере всегда помнят представители ислама?! Армия уже давно ощутила благотворное влияние православных храмов в армейских частях, представители пенететциарных органов в аспекте противодействия радикальным исламистам однозначно прибегли к помощи православия, а здесь — школа! Никак не второй фронт после тюрьмы, и не третий после армии, но первый! Сегодня вся разумная Россия ищет и предпринимает какие-то меры практически в аналогичной ситуации. Возможности ограничены, пока на это нет инициативы высшей власти, но власть на местах может очень многое сделать. Цена вопроса невероятно высока, а разумная административная политика подчас даже ничего не стоит. И даже тот известный факт, что русское население более предрасположено к пагубным страстям, тем более указывает на необходимость предпринять все возможные меры для его ограждения и сохранения. На местах можно очень многое сделать, если, конечно, правильно определить цели. Можно говорить, к примеру, о необходимости создания системы воспитания и образования, потенциально способной не только обучать, но и защищать. На сегодня из общеобразовательных заведений такого рода известны только кадетские корпуса. Если придать этому образовательному направлению особое «охранное» значение, то для небольших городов оно может сыграть существенную роль.

Последние не только являются классическими светскими заведениями для России, но и элитными, в определенном смысле. А православная ориентация традиционно заложена в самой их сути. Если организовать женские гимназии именно при кадетских корпусах, то они по аналогии приобретут сугубо русскую специфику. Латентное участие Православной Церкви явится само по себе охранной грамотой. В России есть прекрасный опыт последнего десятилетия работы этого направления, и он вполне доступен. Ведомственно это могут быть кадетские корпуса МЧС, а возможно и МВД, и ФСБ. Почему бы и нет?

Сохранение этноса

Но это все частности, главной охранной грамотой русского населения может быть только здравая позиция властей. Нефть и социальный нюанс городского бытия — явления преходящие, сохранение этноса — вопросы глобального, исторического порядка. Конечно, главный вопрос — демографическая политика. Хоть ее основные приоритеты формируются верховной властью, но и местные администрации многое могут сделать для ее разумного урегулирования.

Несомненно, совершенно необходимо самыми демократическими методами поддерживать паритетный баланс в обществе, основанный на том, что называется общечеловеческими ценностями, но при этом понимая истинную ситуацию. Да, сейчас в противостоянии радикальному исламу «традиционный» — наш союзник, но перспектива такого союза в актуальных условиях более чем сомнительна. Рухнувший железный занавес не только обнажил все язвы искусственной селекции «народов СССР», но и открыл наше некогда интимное существование всему злопыхающему миру. Теперь за нами наблюдают профессионалы, целые институты, вся задача которых — стимуляция вражды, эскалация конфликтов и в первую очередь именно наших конфликтов — народов некогда единой России. Прогнозирование и формирование взрывной массы, которая сдетонирует в нужное время через десятилетия. Создание той демографической, религиозной, культурной, социальной и политической ситуации, в которой можно править... когда нужно. А раздираемая внутри себя противоречиями исламская умма, интегрированная в российское общество и властные структуры, а одновременно тесно связанная с разноплановой религиозной и политической системой Ближнего Востока, это идеальный инструмент дестабилизации России. Теми же, кто наглядно-молниеносно дестабилизировал сегодня Ближний Восток.

При этом должно помнить, что по единому мнению специалистов, современный ваххабизм — искусственное производное западных спецслужб и совершенно наглядная для всего мира консолидация арабских шейхов с натовским сообществом. Следующие из этого политические и экономические выгоды абсолютно это подтверждают. Впрочем, из ближневосточной ситуации можно сделать выводы: только сильная центральная власть способна сдерживать разрушительную энергию внутриисламских противоречий и соответствующих религиозно-этнических конфликтов. Обрушилась власть, начался хаос. Мы однозначное звено в этой цепи, только мы более важны, мы — стратегический противник, а не страны ближневосточного региона.

Конечно, необходимо сотрудничать с уже существующими умеренными исламскими организациями в общем противостоянии радикалам, но в такой ситуации просто нелогично целенаправленно создавать благоприятную почву для приезда новых переселенцев из сугубо исламских регионов. Так прокладывается даже не тропа, но столбовая дорога радикалам. И это проблема не только для русских, но и для традиционного российского ислама, который в этом значении может вскоре просто перестать существовать. В определенном смысле перед российским исламским сообществом стоит выбор: с кем быть? Но осуществить его сегодня уже чрезвычайно сложно.

Правительство должно совершить выбор: с кем власть? Этот выбор реализовать менее сложно, чем для мусульман, о которых идет речь, он определен самой страной — Россией. Совершенно понятна необходимость заботы власти в отношении всех граждан страны, но если ущерб наносится основной, коренной, определяющей ее части и особенно ее детям, то просто необходимо расставить приоритеты. В этой работе я хочу донести одну очень простую мысль — сегодня уродуется генофонд, на века определяющий будущее страны. Сейчас все более и более, каждодневно, обыденно страдают русские дети в однозначно враждебном им новом окружении. В их сознании это ставшее обычным состояние возведено в ранг обычного же устройства государственно-общественной жизни в их стране. Вряд ли это сделает их патриотами страны. Они и так уходят со школьной скамьи в наркоманию, пьянство, дикий разврат, а означенная проблема добавит к этому еще и биологическую ненависть, перерастающую в обыкновенный фашизм. Пока это можно предотвратить, остановить. Для чужого счастья необязательно кто-то должен быть несчастным. Разве при разрушении дома вы не

озабочены спасением своих детей в первую очередь? «Что толку приобрести весь мир, а душе своей навредить», — говорит Евангелие. Первое, что нужно сделать, — **обратить на проблему внимание и признать сам факт ее существования**. В России достаточно созидательных сил, чтобы совместно, на государственном уровне начать ее решать. С подобной проблемой столкнулся весь мир, и разумная его часть, признав ее, искала и ищет пути ее решения. Как, к примеру, в США в свое время на уровне Конгресса практическим способом определялись в отношении принципов обучения черных и белых детей, породив при этом целую индустрию «школьных автобусов». Может быть, вопрос так и не решился, но решали долго и серьезно. В Израиле проблема совместного обучения арабов и евреев, очень близкая складывающейся у нас сегодня ситуации, породила опыт, который нам полезно будет изучить. Можно обратить внимание на совершенно неадекватные пути решения этих вопросов в некоторых странах Европы — чтобы не повторять их глупости. Кроме того, есть еще опыт дореволюционной России, полезный и сегодня. Нужно начать профессиональное изучение проблемы общественно-государственными усилиями (только без уполномоченного по правам ребенка в России, недавно совершенно серьезно предложившего «всех российских сирот отправить в Чечню»).

Да и в чем смысл привлечения мигрантов в качестве рабочей силы для процветания России или «улучшения ее демографической ситуации», если в ней не будет процветать и жить определяющий само ее существование народ? Кроме, может быть, кучки избранных. Запад ясно понял сегодня свою ошибку в отношении иммигрантов, несмотря на все свои откровенно маразматические теории, ну так, может, просто глядя в телевизионную реальность, разумно понять и нам?..

Не против обычных мигрантов эта статья, не против тех людей, которые, понуждаемые нуждой, отправились на поиски лучшей жизни, но против той наркотической отравы, часто до верха заполняющей сумы существенной части этих бедных странников, которой предназначено вытравить гостеприимное население их новой среды обитания. Организаторы этой управляемой миграции давно уже не скрывают своего ожидания вычищенных территорий.

Нужно увидеть реальность как она есть, — это война, и началась она далеко не сегодня. Война за территории, за ресурсы, соответственно, а в итоге за выживание. Вопрос стоит именно так: быть России или не быть. Сохранятся ли русские как нация или нет. За массово индуцированной наркоманией, миллионами тонн пива для молодежи, а сегодня и за

управлением массовыми миграционными потоками — стоят одни и те же силы. Для них — России однозначно **не быть**.

Повторимся: в города нефтяной Сибири идет по всем возможным дорогам радикальный ислам, и тот, который здесь уже есть, долго не устоит в своей «умеренности» — сама сме-на поколения это обеспечит. Администрации многих регионов России, где обострены этноконфессиональные отношения, уже представляют собой коррумпированные кланы. И хотя в Югре это далеко не так, все командные головы уже оценены — честь каждого, совесть и степень патриотизма, каждый согласно своему положению: на кого-то собирается компромат, а для сугубых «патриотов» подбирается силовая мера — когда придет время. И время это уже началось...

Однажды ко мне на прием в Душепопечительский Центр на Крутицком подворье в Москве пришел крепко сложенный молодой человек. Русский. Он долго не мог начать разговор, а потом долго и горько навзрыд плакал. Он был некогда православным человеком, а учась в университете, в группе, где было много чеченцев, поддался на их обработку и стал ваххабитом. Он плакал от раскаяния и от страха, не скрывая этого. Раскаяния в том, что предал веру, предков, свой мир, Россию, Христа, и от страха перед мезтью за желание вернуться в отчий дом. И от невозможности сделать это просто так — за ним уже что-то было, ваххабиты быстро повязывают кровью. Да и страх его был страхом человека, который точно знал, как выглядит эта мезть. Я отправил его, как поступал и ранее не раз в таких случаях, на исповедь к отцу Даниилу Сысоеву — его знания и дерзновение были и вра-зумлением, и защитой. Вскоре священника Даниила убили. Прямо в храме. В полном облачении. Во время исповеди.

P.S. Необходимо подчеркнуть: я высказываю здесь свое личное мнение, за которое никто, кроме меня, не несет ответственности. По этическим соображениям, исходя из моего длительного сотрудничества с конкретными людьми, я не указываю точно те города, где я изучал ситуацию. На местах работают многие достойные люди, которые в меру возможностей и противостоят означенным здесь негативным тенденциям. Формат статьи позволяет мне некоторую художественную обработку текста, но в целом материал построен на фактах и исследовании более объемном, нежели личный опыт, отражая общую проблему.

Русская народная линия

ДЕЛО КВАЧКОВА

18 июля 2013 г. Верховный суд после двухдневного рассмотрения апелляционных жалоб защиты по уголовному делу полковника ВДВ Владимира Васильевича Квачкова и пенсионера МВД Александра Сергеевича Киселёва сократил каждому сроки наказания с 13 и 11 лет лишения свободы до 8 и 5 с половиной лет соответственно. Это уже не первое дело в отношении Квачкова. Дважды в 2008 и 2010 годах суд присяжных признавал его и других лиц, проходящих с ним по «делу Чубайса», невиновными. Со вторым оправдательным вердиктом коллегии присяжных в декабре 2010 года согласился Верховный суд России.

Но спустя сутки после решения Верховного суда по «делу Чубайса» Квачкова арестовывают уже по новому уголовному делу. Он и Киселёв, у которого ранее на квартире в Петербурге обнаружили оружие, были обвинены в подготовке вооружённого мятежа с целью свержения конституционного строя, ст. 279 УК РФ, содействию террористической деятельности, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, а Киселёв был обвинен ещё и в незаконном при-

ДОСЬЕ "МГ"

обретении и хранении оружия по предварительному сговору группой лиц, ч. 2 ст. 222 УК РФ.

8 февраля этого года Московский городской суд признал обоих виновными и назначил наказание Квачкову 13, а Киселёву 11 лет лишения свободы в колониях строгого режима. Об этом удивительном с точки зрения права и здравого смысла судебном процессе написано немало.

Сам по себе факт обвинения двух пенсионеров, которым уже за 60, в подготовке вооружённого мятежа говорит скорее о несостоятельности обвинения, чем о его достоверности. Такого еще не было в мировой истории, чтобы два человека, не имеющие реальных связей в высоких эшелонах власти и за которыми нет вооружённых формирований, готовили восстания и мятежи. Тем более не знакомые друг с другом и жившие в разных городах — Москве и Петербурге.

В советское время на киноэкраны вышла комедия «Старики-разбойники». По аналогии это сомнительное дело можно назвать трагикомедией «Старики-мятежники». Комедии в плане предьявленного обвинения, и трагедии ввиду необоснованного привлечения двух пожилых людей к уголовной ответственности. Обвинением не было приведено не только ни одного факта совместного обсуждения «стариками-мятежниками» плана мятежа, но даже ни одного конкретного факта их общения.

Хотя для убедительности в приговоре есть места, говорящие о «масштабности» заговора. К примеру, указывается, что «старики-мятежники» планировали «...окружение Москвы, присоединение к операции других воинских частей, в том числе Софринской бригады внутренних войск, ракетных дивизий РВСН, бригады подводных лодок». Правда, ни одного доказательства, что эти соединения готовы были выступить на стороне мятежников, Мосгорсуд не привёл, ни один военный служащий по делу не привлекался. И как дивизии ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и бригады подводных лодок могли окружить Москву, суд тоже не пояснил.

Может быть, дивизии РВСН должны были сделать запуски баллистических ракет по Москве и её окрестностям, а бригады подводных лодок войти в Москву-реку или Яузу? Но, как отметил мой коллега — адвокат Алексей Першин, высота современных подлодок много больше глубины рек Центральной России. И подобных, на уровне фантазий, доводов в приговоре немало.

Выводы Мосгорсуда поражают неопределённостью и бездоказательностью. К примеру: «Приступив к реализации

умысла, Киселёв А.С. в период с 1 марта по 10 июля 2010 года сообщил Квачкову В.В. о своём намерении принять участие в вооружённом мятеже и скоординировал с ним свои дальнейшие действия. В целях недопущения расфировки своего замысла перед правоохранительными органами общение с Квачковым В.В. и другими лицами он осуществлял с соблюдением мер строжайшей конспирации.

В ходе приготовления к вооружённому мятежу Киселёв А.С. в период с 1 марта по 20 июля 2010 года, действуя по предварительному сговору с неустановленными лицами, незаконно хранил по месту своего жительства... автомат Калашникова...» Далее идёт перечень изъятого.

Эти утверждения суда не подтверждаются материалами дела. В тексте приговора суд не привёл ни одного реального доказательства в подтверждение этих доводов. Когда, где Киселёв сообщил Квачкову «в период с 1 марта по 10 июля 2010 года о своём намерении принять участие в вооружённом мятеже» — суд умалчивает. Ибо таких фактов ни следствием, ни судом не выявлено. Но суд так посчитал, потому что так надо.

Говоря о «мерах строжайшей конспирации», которые использовал Киселёв, суд не указывает, где, когда применял конспирацию Киселёв, чем это подтверждается. Была конспирация, и всё тут.

Но с такой логикой можно привлекать любого гражданина к уголовной ответственности. Отсутствие доказательств вины здесь — не препятствие. Просто гражданин действовал, соблюдая «меры строжайшей конспирации», поэтому доказательства и не смогли найти следователи. Но данный гражданин виновен. И точка.

Неустановленные лица, неустановленное время, неустановленное место. Эти фразы часто звучали в обвинительном заключении и приговоре суда. При таком вольном подходе к осуществлению правосудия было бы неудивительно в приговоре увидеть фразу, что «вина Квачкова В.В. и Киселёва А.С. подтверждается неустановленными судом доказательствами».

Правда, следствие нашло несколько свидетелей, в том числе жителя Уссурийска Каплюка Владимира Борисовича, жителя Пушкинского р-на Московской области Заровного Валерия Венеровича, жителя Хасанского р-на Приморского края Сидоркина Дмитрия Витальевича, показания которых легли в основу обвинения. Но эти показания, по мнению защиты, были настолько натянутыми, что никак не могут рассматриваться как достоверные и достаточные для вынесе-

---

ния обвинительного приговора. К тому же они опровергаются показаниями гораздо большего числа свидетелей.

Действия же Заровного, Каплюка стоит рассматривать как провокационные, о чём неоднократно заявляла защита. Именно Каплюк, как полагают защитники, обвешанный радиоаппаратурой, делал в беседе с Квачковым подстрекательские предложения, что-то взорвать, захватить. И эти аудиозаписи, по мнению следствия и суда, говорят о вине Квачкова и Киселёва. Но Квачков осужден за мятеж, а Каплюк, его подстрекавший, на свободе.

Как известно, В.В. Квачков является одним из руководителей общественной организации Народное ополчение имени Минина и Пожарского (НОМП), которое создавалось для возможного отпора агрессии НАТО исключительно в целях обороны страны. Привлечение к уголовной ответственности одного из руководителей НОМП есть удар по всей организации, ставящей перед собой цели патриотического воспитания соотечественников, защиты Отечества и противодействия возможной агрессии внешних сил. И, естественно предполагать, что настоящее уголовное дело в отношении В.В. Квачкова и А.С. Киселёва преследует одну из целей — развал патриотически настроенной организации, коей является НОМП, в целях ослабления обороноспособности России.

Характерный факт. Проведение гуманитарных экспертиз поручалось эксперту Ирине Алексеевне Левинской, являющейся постоянным членом Богословского факультета Кембриджского университета (Великобритания), что подтверждается соответствующими документами. Великобритания — одна из основательниц и активных участниц стран НАТО, и её учреждения действуют в русле государственной политики. И органы ФСБ РФ при расследовании настоящего дела обращаются за содействием к подобным деятелям!

В.В. Квачков освобождён из-под стражи после вынесения первого оправдательного приговора по «делу Чубайса» 5.06.2008 года. И по выходу из-под ареста в отношении него проводился целый комплекс оперативно-следственных мероприятий с целью получения доказательств по «делу Чубайса» и контроля за его общественной деятельностью со стороны органов ФСБ, МВД. При такой жёсткой опеке контролировались все встречи Квачкова. Однако оперативные материалы о встречах Квачкова и Киселёва и их общении в деле отсутствуют.

Как указывалось в документах следствия и суда, совершение мятежа планировалось начать 24 июля 2010 года вблизи города Ковров. Но никаких действий по осуществлению

вооружённого мятежа в этот период времени в этом месте не отмечено. Квачков был задержан не в ковровских лесах с автоматом наперевес во главе групп восставших, а в своей квартире в Москве 23 декабря 2010 года. О каком участии в подготовке мятежа, запланированного на июль 2010 года под Ковровом можно говорить? Вся картина подготовки мятежа — это, полагаю, плод предположений, догадок следствия, не основанных на обстоятельствах дела. Эти предположения и догадки легли в основу приговора Мосгорсуда.

И здесь очень кстати для следствия был арестован в Питере мой подзащитный, Киселёв, у которого изъяли оружие. Какое же восстание без оружия. И его через полгода после ареста стали усиленно, как писал он в своих жалобах, склонять к показаниям на Квачкова.

Действуя с соблюдением «мер строжайшей конспирации», следствие представило суду показания анонимных свидетелей — «Смирнова», «Ларюшкина», «Гальцовой» о проведении на квартире Киселёва в июле 2010 года, по версии следствия, «совещания», на котором Киселёв якобы говорил о готовящемся мятеже, предлагал в нём участвовать. Но эти показания анонимов опровергаются показаниями иных присутствовавших там свидетелей.

При этом показания анонимов противоречивы. «Ларюшкин» говорил, что восстание должно было начаться вблизи Москвы, «Смирнов» сказал, что начнется в Петербурге, затем перекинется на Москву, «Гальцова» вообще утверждала, что мятеж должен состояться на юге России. Хотя все утверждали, что «заговорщики» слушали Киселёва в одно и то же время в одном и том же месте.

Защита неоднократно говорила, что этот процесс является заказным. О том, кто мог оказывать давление на следствие и суд, явствует из протокола судебного заседания:

«На вопросы адвоката Михалкиной О.И. отвечает свидетель Кочетков Б.Б.:

— Вам известно о том, поступали ли угрозы в адрес Квачкова, когда шёл процесс по покушению на Чубайса?

— В августе 2010 года, точное число я не помню, на последнем заседании в Московском областном суде при вынесении оправдательного приговора все вышли из зала. Представитель Чубайса Шугаев тоже вышел вместе со всеми и сказал Квачкову: «Рано радуетесь, следующий процесс будет без присяжных».

— Как вы поняли фразу Шугаева?

— Я расценил её как угрозу. Я понял, что люди заранее знали о том, что будет происходить».

На наших подзащитных оказывалось в ходе следствия и суда давление, о чём защита также заявляла неоднократно. Но на все подобные заявления никто из правоохранителей не реагировал. Квачков и Киселёв позже были лишены права на рассмотрение дела судом присяжных.

Изложенное — это лишь незначительный пересказ нарушений в деле. Более подробно защитники изложили всё в апелляционных жалобах. И вот 17—18 июля прошли заседания в Верховном суде РФ. Полагаю, что ВС планировал завершить дело 17-го числа, но благодаря нашей настойчивости вынужден был перенести слушания на 18 июля.

Защита, во-первых, аргументированно изложила доводы о незаконности и несправедливости приговора. Во-вторых, заявила более десятка обоснованных ходатайств, из которых было удовлетворено только одно — о допросе дополнительного свидетеля. Отказал суд и в вызове в качестве свидетеля Чубайса как возможного заказчика этого дела. После заявленных ходатайств суд вынужден был сделать перерыв.

Заседание началось в день расстрела царской семьи — 17 июля. На минус 4-м этаже, в подzemелье. Хотя отмечу, зал был большой, допустили всех желающих — сторонников Квачкова и журналистов.

Первоначально работники аппарата суда пытались взять с нас, адвокатов, подписку о неразглашении государственной тайны. Заседание, как они говорили, будет проходить в закрытом режиме. Мы отказались это сделать. Пояснили, что без указаний суда давать подписки не можем, поскольку не было судебных актов, обязывающих нас к этому. Суд, видимо, не захотев нас обязывать прилюдно, перед журналистами, общественностью и, решив соблудности принцип гласности, заседание провёл в открытом режиме.

Само судебное следствие длилось не более получаса и заключалось в допросе одного свидетеля. Редко когда найдёшь подобные примеры. Такое дело — и лишь полчаса на исследование и перепроверку доказательств! Какие-либо иные дополнительные доказательства ВС исследовать отказался. Основное время судебных заседаний ушло на заявление ходатайств, выступления обвиняемых, защитников, прокурора.

Судебная коллегия ВС оказалась в непростом положении. С одной стороны, несостоятельность приговора Мосгорсуда. С другой стороны, обвинение в мятеже и один из подсудимых — Квачков В.В. Но определённую объективность ВС всё же проявил. В конечном итоге, признав незаконность приговора, убрал из состава обвинения Квачкова

ст. 205-1, снизил ему срок до 8 лет строгача, Киселёву убрал ст. 279 УК и переквалифицировал с ч. 2 ст. 222 на ч. 1 ст. 222 УК РФ, снизил срок до 5 лет 6 мес. колонии общего режима.

Таким образом, по мнению ВС, Квачков в одиночку готовил вооружённый мятеж в огромной России. Возможно ли такое? Думаю, читатели сами ответят на этот вопрос. И Киселёв, как утверждает ВС, вовлекал граждан к совершению мятежа, приобрёл, хранил оружие в одиночку. Только в какой мятеж, по мнению суда, вовлекал Киселёв граждан, непонятно. Ведь он же не является, как указал ВС, организатором мятежа совместно с Квачковым.

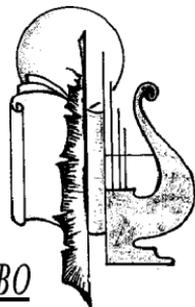
Промежуточные итоги этого процесса, думаю, неубедительны для граждан страны. Они свидетельствуют, говоря дипломатическим языком, о кризисе российской правоохранительной системы, которая нуждается в реорганизации. Реорганизации реальной и в интересах законопослушного населения. И чего уже давно ждут от власти наши сограждане.

ПЕСНЯ И МЫ

Когда в 1991 году недавние соратники по партии судили Тодора Живкова, бывший генеральный секретарь БКП спросил обвинителей: «Разве за те годы, когда я стоял во главе коммунистов, болгарские женщины перестали рожать, а народ перестал петь болгарские песни?»

А что случилось после антисоциалистического переворота? Прирост населения в Болгарии уже в 1991 году сменился его убылью. За минувшее десятилетие депопуляция в стране достигла пяти с половиной процентов. Болгарская музыкальная культура, с ее многовековыми традициями, подпала под все усиливающееся влияние глобализации, имеющей ярко выраженный американский акцент.

Тодор Живков, 35 лет стоявший у государственного руля, прекрасно понимал связь между сбережением нации и его музыкальной культурой. В странах социалистического содружества защита песенного народного творчества шла под знаменем борьбы с тлетворным влиянием буржуазного искусства. При всей ограниченности такого подхода подобная политика защищала народное ис-

ИСКУССТВО

куство от чуждых влияний, помогала сохранить важнейшие элементы музыкальных национальных культур, способствовала созданию многочисленных песенных и хореографических коллективов, широкому развитию народной самодеятельности и выявлению талантливой молодежи (в СССР наиболее заметным событием, отражающим освобождение песенного искусства из узких рамок агитпропа и выхода ее на простор общенационального творчества, стал выпущенный на экраны в 1939 году кинофильм «Волга-Волга»).

Через два года началась самая кровавая в мировой истории война, но именно тогда произошел невиданный расцвет советской песни. Здесь уместно сослаться на мнение Вадима Кожинова, отметившего, что «песни во время войны были всеобщим достоянием... Народное самосознание выражалось в них наиболее концентрированно и заостренно». Указывая на то, что в золотой фонд песен, написанных в годы войны, вошла только одна собственно боевая песня — «Священная война», а остальные были лирическими, автор книги «Россия: век XX» ссылается на свою беседу с видным русистом Эберхардом Дикманом, сообщившем ему, что в Германии во время войны не звучало ни одной связанной с войной лирической песни. В этом была наша моральная победа, ставшая залогом победы на полях сражений. Русская душа победила германскую сначала в песнях их неоспоримым нравственным превосходством над немецкими, потому что они — снова сошлось на Вадима Кожинова — «посвящены не столько войне, сколько спасаемой ею жизни во всей ее полноте — от родного дома до поющих соловьев, от любви к девушке или жене до желтого березового листа».

Песня — есть неповторимый образ нации, запечатленный в музыке и слове. Связь народа и его многовековой музыкальной культуры сакральна. Прививка национальной идентичности начинается в колыбели. Народная песня была неотъемлемой частью народного бытия: сотрудницей в воспитании, спутницей в любви, помощницей в труде, соратницей в бою, плакальщицей у гроба. Чтобы разрушить нацию, достаточно отнять у нее свои песни и заменить чужими. Разрушением связи народа с его музыкальной культурой последовательно занимались интернационалисты и глобалисты всех мастей.

Профессор Гарвардского Университета Джозеф Най в 1990 году ввел в оборот термин «мягкая сила». Этим термином обозначается концепция культурной гегемонии, получившей широкое распространение в кругах американских неоконфов. Музыка — важнейшее оружие «мягкой силы», сильнейший инструмент морального воздействия на соперника. США

после оккупации Японии заполнили эфир этой страны американским джазом, подавляя у молодежи национальные чувства, пропагандируя превосходство пресловутого «американского образа жизни».

«У западной популярной музыки ритмы создаются при участии психиатров, строятся таким образом, чтобы воздействовать на подкорку мозга, на психику человека. Это своего рода музыкальная наркомания, попав под влияние которой, человек уже ни о каких светлых идеалах думать не может... Как видите, музыка тоже воюет». Эти слова сказал Иосиф Сталин 77 лет назад на встрече с творческой интеллигенцией в Кремле.

Нельзя не оценить политическое чутье вождя: он предвидел опасность, исходящую от американской «мягкой силы», и предупреждал о ней деятелей советского искусства задолго до того, как она оформилась в стратегическую концепцию, принятую на вооружение Соединенными Штатами.

Концепция Ная, призванная откровенно служить интересам Америки, сегодня, скорее, работает против нее, поскольку, по крайней мере две из трех составляющих «мягкой силы» (привлекательность культуры для других стран, нравственный авторитет внешней политики, политические ценности), достаточно дискредитированы действиями американского руководства, попирающего все нормы международного права во внешней политике, девальвирующего демократические ценности до уровня защиты прав человека, под которыми главным образом подразумевается защита сексуальных меньшинств, права на инцест и педофилию. Да и культура в лице таких ее представителей, как «Мадонна» или «Леди Гага», вызывает все большее отторжение у здоровой части общества.

Тем не менее США поучают других, как они должны использовать «мягкую силу»: «Путин может рассчитывать на рост «мягкой силы» после Олимпиады в Сочи, — заявил профессор Най, — но если он продолжит подавлять протест, он рискует испортить посылаемый сигнал... Даже такие триумфы «мягкой силы» Китая, как Олимпийские игры в Пекине или Всемирная выставка в Шанхае, быстро выдыхались, поскольку сопровождалась преследованием несогласных внутри страны». О том, как в США преследуют несогласных, например, участников движения «Оккупируй Уолл-стрит», Джозеф Най почему-то не вспоминает.

Между тем идея использовать «мягкую силу» для установления власти восходит не к Джозефу Наю, а к Лао-цзы, жившему в VI веке до н.э. «В мире, — говорил философ, — нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она мо-

---

жет разрушить самый твердый предмет. Кстати, об этом и народная русская мудрость: «Вода камень точит».

Главным инструментом «мягкой силы» в Китае издавна была музыка. Со времени династии императоров Хань музыка считалась средством очищения души, изменения дурных нравов. Конфуцианство зиждется на идее «управления государством с помощью этикета и музыки», на убеждении, что она «способствует осуществлению гармонии и стабильности в семье и обществе». Глобалисты во главе с Соединенными Штатами используют «мягкую силу» музыки в прямо противоположных целях — разложения традиционного общества, размывания национальной идентичности, разрушения государства.

Вспомним первые годы перестройки, когда нашу страну заполонили ритмы тяжелого рока. Напрасно медики говорили о вреде запредельных децибелов, об опасностях широкого употребления на массовых молодежных тусовках наркотиков и алкоголя, партия Горбачева с непреклонной решимостью вводила музыку, разрушительную, может быть, не столько для здоровья людей, сколько для самой КПСС и ее органов.

Началось с подмосковного Подольска, где 26 лет назад прошел первый в СССР фестиваль рок-музыки. Фестиваль проводился с разрешения комсомола, Министерства культуры РСФСР и под наблюдением КГБ. Три дня на сцене Зеленого театра пели крамольные песни, направленные против того же КГБ, советской власти, партийного аппарата.

Запретный плод был брошен публике. Учитывая популярность рок-музыки у молодежи, Горбачев и его команда такими популистскими мерами набирали себе политический капитал, добиваясь поддержки курса на сворачивание завоеваний социализма. Зеленая улица андеграунду была открыта не только в музыке, но и в живописи, и литературе. Разрушительную мощь «мягкой силы» задействовали по полной. Впрочем, когда среди рок-музыкантов или исполнителей авторских песен появлялись личности, опасные для разрушителей, их быстро убирали. Мужественный и бескомпромиссный Игорь Тальков был застрелен. Шестнадцатилетний певец и автор песен Максим Трошин, которого называли «ангельским голосом России», найден утонувшим в реке в день, когда должен был ехать с концертной программой в Москву.

Рок был выпущен на широкую волю ненадолго. По мере созревания этого музыкального направления, роста социальной направленности и политической оппозиционности песен русского рока (Егор Летов, Александр Харчиков, Константин Кинчев), впитывания национальных традиций кол-

---

лективами и исполнителями (группа «Калинов мост», «Аквариум», Пелагея, Игорь Растеряев и др.), рок-исполнителям и рок-коллективам нелиберального толка перестали давать широкий эфир и экран. Так же, как, впрочем, фольклорным хореографическим и песенным ансамблям русского направления. Исключения есть (например, прекрасный хор Сретенского монастыря). Но если музыкальный коллектив, настроенный на национальную волну, не пользуется высоким покровительством, его положению не позавидуешь. Те, кто следит за выступлениями Академического русского концертного оркестра «Боян», поставившего задачу «пробуждать национальное сознание», знают, с какими огромными трудностями встречается его коллектив, как трудно каждый раз найти ему площадку для очередного выступления. Создателю и руководителю «Бояна» Анатолию Ивановичу Полетаеву постоянно приходится сталкиваться с проблемами финансирования, попытками чиновников расформировать оркестр. Претензии предъявляются именно к сплаву классической и народной музыки, хотя именно этот сплав является отличительной чертой неповторимого стиля оркестра, где фольклорные мотивы поддержаны мощью симфонического оркестра.

Зато самая широкая аудитория дается иностранным рок-группам, таким, как Deep Purple (московский концерт этой группы в свое время стал праздничным подарком Дмитрию Медведеву на день рождения). Премьер вспоминал, что в молодости он «бесконечно переписывал выступления групп Deep Purple и Black Sabbath (Черный шабаш)». Последняя в СССР была в числе запрещенных. В частности, группе Black Sabbath были присущи сатанизм и черная магия («гигантские адские костры, окровавленные головы, распиленные кресты, расстрелы служителей церкви»). Концерт певца Элтона Джона, не скрывающего своей нетрадиционной ориентации, был также удостоен посещением Дмитрия Медведева.

Либеральное отношение на столь высоком уровне к характеру музыкальной продукции, идущей к нам с Запада, и ее представителям, не могло не отразиться на политике наших отечественных музыкальных продюсеров, на том, какие звезды они зажигают. Критик Артемий Троицкий считает, что на эстраде существует голубая мафия, которая не пропускает на большие экраны гетеросексуальных артистов. Народный артист СССР, член фракции Госдумы «Единая Россия» Иосиф Кобзон высказал свое недовольство по поводу засилья гомосексуализма на эстраде: «Это болезнь века. Раньше были другие ценности, а сейчас — секс, свобода выбора... Вот к чему это привело». Впрочем, есть еще один су-

---

шественный фактор — деньги. Как бы человек ни был талантлив и какой бы ориентации он ни придерживался, без денег его нигде не покажут. Сейчас всё решают финансовые связи — уверен музыкальный критик Сергей Соседов.

В таких условиях исполнителям русской народной песни невозможно пробиться на голубой экран или ведущие каналы радио. На эстраде господствует пресловутый рэп или направление, которое наша молодежь презрительно называет «попса». Это совсем не эстрадные песни советских времен: отупляющее повторение одних и тех же, как правило, бессмысленных фраз в примитивном музыкальном сопровождении — вот на чем нынешние «звезды» сколачивают миллионные состояния. Песни, возвышающие душу, воспитывающие мужество, воспевающие силу, подвиг, любовь к родине, — исключены из репертуаров тех исполнителей, которым дают широкую радио- и телеаудиторию. Такова, видимо, политическая задача, поставленная руководителями ведущих теле- и радиоканалов перед музыкальными редакциями. А чтобы удовлетворить потребность слушателей в «мужественной» песне, им непременно предложат воспитывающую преступников уголовщину — что-нибудь из репертуара «Лесоповала» или песен Михаила Круга.

В масштабах страны делается все возможное, чтобы испортить музыкальный вкус нации. Те, кто хочет его как-то сохранить, поневоле будут слушать более профессиональных зарубежных исполнителей, впитывая аморализм западной культуры, все больше отчуждаясь от русской песни, уже и не представляя, что таит национальная музыкальная сокровищница.

А вот в КНР не так. Власти Китайской Народной Республики пристально следят за тем, что за музыку предлагают Америка, Европа, Япония и другие страны пользователям Интернета. Не так давно в КНР был опубликован перечень из 100 песен, которые местные музыкальные сайты должны удалить со своих профилей. Табу наложили на ряд композиций Леди Гаги, Кэти Пери, Бритни Спирс и других исполнителей. Запрету подвергаются песни, если они «портят музыкальные вкусы китайцев». Прежде чем выйти в сеть, музыкальная продукция должна быть одобрена Минкультом КНР. Китайское правительство использует самую настоящую цензуру в отношении популярной музыки. Так, в 2006 году британской группе Rolling Stones во время концерта в Пекине было запрещено исполнять некоторые песни из-за их вызывающего содержания.